

Федеральное агентство по образованию РФ

АМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

(ГОУВПО «АмГУ»)

УТВЕРЖДАЮ

Зав.кафедрой журналистики

_____ О.Б.Арчакова

« _____ » _____ 2007г.

Учебно-методический комплекс дисциплины

ЖУРНАЛИСТИКА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

для специальности 030601 «Журналистика»

Составитель: Арчакова О.Б.

2007

Печатается по решению редакционно-
издательского Совета
филологического факультета
Амурского государственного
университета

Журналистика русского зарубежья для специальности 030601
«Журналистика»: учебно-методический комплекс дисциплины. / Арчакова О.Б. –
Благовещенск. Изд-во Амурского государственного университета, 2007. 143с.

© Амурский государственный университет

© Кафедра журналистики

ВВЕДЕНИЕ

Спецкурс «Журналистика русского зарубежья» является частью программы теоретического курса «История отечественной журналистики XIX-XX в.» и опирается на знание таких предметов, как «Основы журналистики» (роль СМИ в жизни общества, свобода информации, функции журналистики), «Теория литературы» (жанры, приемы поэтической речи, тропы), «История русской литературы», поскольку история русской журналистики была в XVIII- XIX, и в начале XX в. тесно связана с развитием литературы и, конечно, курсов по «Истории зарубежной журналистики».

Спецкурс формирует представления о традициях русской прессы за границей и основных факторах ее развития – экономических, культурологических, технических, политических, о роли и месте журналистике в истории цивилизации. Исторические рамки 20-40-е годы XX века.

Цель курса – показать развитие традиций русской журналистики за рубежом, раскрыть многообразие идейных позиций публицистов, показать количественное богатство, типологическое разнообразие журналистики.

Задачи курса :

1. Сформировать у студентов представления об исторических закономерностях развития журналистики русского зарубежья.
2. Выявить значение русской печати в культурном наследии прошлого, ее роль в идейно-политической и литературной борьбе разных эпох, ее достижений как фактора национального просвещения и института массовой информации.
3. Раскрыть многообразие идейных позиций публицистов, тенденции изменения основных типов газет и журналов, выполняемых ими социальных функций.

Особенность и сложность данного спецкурса заключается в том, что в настоящее время идет переосмысление истории, места в ней российских революций.

«Русская пресса за границей» – не только газеты, журналы, но и радио, телевидение, исследовательские центры – это достаточно серьезная сила, это целая линия в мировой журналистике», – эти слова принадлежат одному из организаторов первого всемирного конгресса русской прессы, генеральному директору ИТАР-

ТАСС В.Н. Игнатенко. Конгресс состоялся в июне 1999 г. в Москве и собрал 300 представителей русской зарубежной журналистики из 47 стран. Мы обращаемся к истокам и истории этой «целой линии в мировой журналистике»: она насчитывает века.

В рамках данного спецкурса большое внимание уделяется системе журналистики, сформировавшейся за рубежом после Октябрьской революции 1917 г., ведущим ее журналам и газетам: «Современные записки», «Путь», «Новый град», «Последние новости», «Руль» и др.

Студенты, изучающие спецкурс «Журналистика русского зарубежья», обязательно должны прочитать все тексты, о которых идет речь в лекциях. Не говоря уже о том, что журналистика – это и есть опубликованные в периодической печати произведения, и изучать ее необходимо по первоисточникам, а не в пересказе, стоит заметить, что знакомство будущего публициста с творчеством предшественников позволяет расширить кругозор, познакомиться с методами, приемами, стилем журналистов прошлого. В изложение материала учитываются объективные трудности, которые представляет для студентов отсутствие в библиотеках многих текстов.

Учебное пособие адресовано студентам 5 курса отделения журналистики, специальность 030601 – Журналистика.

Тематический план лекций

№	Темы	Лекции	Тексты
1.	Журналистика эмиграции: истоки и проблемы. Эмигрантские течения.	4	И.А. Бунин «Миссия русской эмиграции»
2.	Типологические особенности журналистики русского зарубежья	2	
3.	«Русский Берлин» (1921 – 1923 годы). Своеобразие берлинского политического и коммуникационного пространства.	4	М.В. Вишняк «На Родине. Традиции русской журналистики»; «На Родине. Мы и они».
4.	Основные журналы русского зарубежья. Журнал «Современные записки» (Париж, 1920-1940 гг.), Журнал «Воля России» (Прага, 1921-1927 гг., Париж, 1927-1932 гг.), Журнал «Социалистический вестник» (Берлин, Париж, Нью-Йорк, 1921 – 1965	4	В.М. Чернов «Убийство русской литературы».

	г.)		
5.	Журнал «Русская мысль» П.Б. Струве	4	<i>П.Б. Струве</i> «Прошлое, настоящее, будущее»; «Владимир Галактионович Короленко». <i>Н.В. Устрялов</i> «Национал-большевизм».
6.	Военная журналистика. Общевоинские издания русского зарубежья. Журнал «Армия и флот» (Париж, 1938-1939 гг.), газета «Русский инвалид» (Париж, 1930 г.)	4	<i>Е.Д. Кускова</i> «А что внутри?».
7.	Военно-морская печать русского зарубежья. Журнал «Морские записки» (Нью-Йорк, 1914-1917 гг.)	2	
8.	Духовная журналистика. Журнал «Путь»	2	
9.	Ведущие газеты русского зарубежья: «Последние новости», «Дни», «Руль»	4	<i>Ю.О. Мартов</i> «Напрасное беспокойство»; «Из дальних странствий возвратясь»; «Диалектика диктатуры».
10.	Роль периодических изданий в культурной и литературной жизни русского Китая. Периодизация русской печати в Харбине.	2	
11.	Ранний этап развития эмигрантской печати в Харбине. «Листок ежедневных телеграмм и объявлений», «Харбинский вестник».	2	
12.	Расцвет русской периодике в Харбине	2	
13.	Особенности русских эмигрантских журналов. Журнал «Рубеж»	2	
14.	Издательство «Заря». Газета «Заря», газета «Наша заря», газета «Шанхайская заря».	2	
	Итого	32	
	Консультации	5,6	
	Зачет	6	

Содержание курса:

Тема 1

Журналистика эмиграции: истоки и проблемы

Октябрьская революция и гражданская война вызвали огромную эмигрантскую волну: Россию покинули по различным оценкам до трех миллионов человек. К декабрю 1924 года только в Германии оказалось около 600 тыс. русских эмигрантов, во Франции – около 400 тыс., в Маньчжурии – более 100 тысяч, даже

США – около 30 тысяч. Русские эмигранты обосновались в 25 государствах, не считая стран Америки. Столь огромная эмиграция переставала быть лишь способом физического выживания. Она приобрела характер духовной миссии, которая заключалась в том, чтобы сохранить ценности и традиции русской культуры и продолжить творческую жизнь ради духовного прогресса родины, независимо от того, суждено ли было эмигрантам вернуться домой, или умереть на чужбине.

Поэтому эмигранты, даже попав в чуждое окружение, хотели жить, работать и творить как неотъемлемая часть России, посланцами которой они себя считали. Они остались за границей и создали Зарубежную Россию именно для того, чтобы передать своим детям взгляды на сущность истинной русской культуры. Какие бы разногласия о сути русской культуры и ее традициях ни возникали среди эмигрантов, они преодолевались ради молодого поколения, которому, как они считали, предстояло в будущем создавать новую свободную Россию. Слова Зинаиды Гиппиус: «Мы – не в изгнании, мы – в послании» стали своего рода девизом Зарубежной России.

Центрами русского зарубежья были Берлин, Париж, Рига, Прага, Харбин, в меньшей степени и в течение более короткого времени – Константинополь (в первые годы), Белград, София, а также ряд населенных пунктов в Аргентине и США (в послевоенные годы). Возникновение подобных центров стало возможным также благодаря значительной русской аудитории, готовой и стремящейся к восприятию культурных ценностей, создаваемых их товарищами по изгнанию. Очагами притяжения являлись энергичные и творчески активные люди, которые, несмотря ни на что, продолжали вносить вклад в развитие русской культуры, и те печатные органы, которые имели достаточно средств для распространения своих изданий.

Приход к власти в Германии Гитлера и последовавшая вскоре немецкая оккупация Чехословакии подорвали творческий потенциал центров русской эмиграции в этих странах и положили конец существованию там русских учебных заведений, литературной и художественной жизни.

Последний удар по России за рубежом был нанесен начавшейся в 1939 году второй мировой войной, в особенности немецким вторжением во Францию, а затем ее поражением весной 1940 года. Война принесла материальные тяготы и невзгоды, от которых страдала вся завоеванная Гитлером Европа, но, кроме того, она сделала невозможным творчески свободное существование русской эмиграции.

Многие эмигранты пережили войну, немало их героически сражалось за независимость стран, предоставивших им убежище. Тем не менее, как самостоятельное «общество в изгнании» русская эмиграция выжить не смогла. В 1945 году произошли два важных события, которые и положили конец истории России за рубежом. Во-первых, молодое поколение эмигрантов, принявшее участие в войне против Гитлера, и их дети оказались полностью интегрированными в общества тех стран, где они проживали. Во-вторых, за границу стали прибывать русские беженцы второй волны – так называемые перемещенные лица. Часть из них составляли эмигранты, прежде жившие на Балканах и в Центральной Европе и вновь бежавшие от Красной Армии. Но в основном это были военнопленные, угнанные на работы в Германию мирные жители Советского Союза, или же те, кто по каким-либо причинам решил воспользоваться немецкой оккупацией и бежать от сталинского режима. В отличие от своих предшественников – эмигрантов 1920-х годов – новые беженцы отнюдь не стремились к воссозданию России за рубежом. Они хотели лишь обрести мир, безопасность, спокойную жизнь вдали от кошмаров Советской России. В силу всех названных причин временем существования России за рубежом, «общества в изгнании», можно считать период с 1919 по 1939 год.

История русской эмиграции позволяет заключить, что в географическом смысле она не представляла собой единого целого. Ее представители были рассеяны по разным странам и континентам. Центры русского зарубежья сформировались там, где значительные по численности группы творчески активных в науке или искусстве эмигрантов находили более или менее стабильные условия для своей деятельности.

Так как русская диаспора возникла в результате политических изменений, произошедших в России, – после длительной мировой войны, радикальной политической революции, кровавой гражданской войны, – то есть, казалось бы, все основания предположить, что русское зарубежье должно было сосредоточить основное внимание на политических проблемах и политического же свойства предрассудках. Это, однако, верно лишь в самом общем смысле.

Единственное убеждение, разделявшееся большинством эмигрантов и особенно остро ощущавшееся в первые годы эмиграции, – это неприятие большевистского режима. Интеллектуальные споры разворачивались по двум основным вопросам. Первый: как большевикам удалось захватить власть, и кто в том виноват? Второй вопрос касался будущего большевистской системы.

В 20-30-е годы контакты между эмигрантами и советскими гражданами были ограничены, а после 1934 года, когда советская власть ужесточила политику внутри страны и полностью отрезала ее от внешнего мира, прекратились окончательно, русское зарубежье лишилось возможности сношений с Советской Россией. Советские граждане боялись поддерживать связи с внешним миром, в первую очередь – с эмигрантами.

В конце концов, из-за отсутствия прямых и действенных контактов с сочувствующими на родине, которые в свое время столь широко поддерживали русские эмигранты XIX – начала XX веков, всякая политическая жизнь в изгнании заканчивалась бесплодными усилиями.

Гораздо успешнее представители русского зарубежья реализовали себя в культурной сфере деятельности. Для русской эмиграции культура была существенной составной частью их национального самосознания, мироощущения образованного русского человека. Все ее проявления в литературе, художественном и научном творчестве нации, которое развивается в рамках таких общественных институтов, как церковь, школа, театр, книги и журналы, неформальные общественные клубы, общества и организации, отмечены печатью особой, русской, индивидуальности.

Доминирующей формой выражения творческого потенциала русской культуры всегда, начиная с петровской эпохи, была литература. В разнообразных своих формах она отражала культурный идеал и наиболее яркие элементы самосознания интеллигенции. В эмиграции литература приобрела еще более существенное значение для сохранения «русскости» коллектива эмигрантов, поскольку язык, слово выступают как основные признаки принадлежности к определенной группе. Русское слово, устное и печатное, связывало между собой разбросанных по свету эмигрантов.

Естественно, что и русскоязычная печать служила для эмигрантов средством выражения их принадлежности к «обществу в изгнании» и осуществления той культурной миссии, которую русское зарубежье выполняло по отношению к обеим Россиям.

В Германии первоначально находилось наибольшее число русских эмигрантов, так как в 1922-23 гг. стоимость жизни для иностранцев здесь была наиболее низкой и открывались возможности дешевле публиковать литературные произведения и выпускать периодические издания.

Стабилизация марки, наступившая после 1924 года, драматическим образом повлияла на рост стоимости жизни и обусловила массовый отток эмигрантов из Германии. Новые волны отъездов поднимались по мере ухудшения политической обстановки в Веймарской республике, когда постепенно создалась угроза не только свободе слова, но и личной безопасности людей.

В то же время, рост безработицы в период Великой депрессии, начавшейся в 1931 году, вызвал к жизни целый ряд законодательных актов, ограничивавших возможности трудоустройства иностранцев, так что многие русские эмигранты были вынуждены искать счастья в другом месте. В результате русская община в Германии к 1930 году сократилась до 90 тысяч.

Во Франции в целом отношение к эмигрантам было весьма либеральным, кроме выдачи разрешений на трудоустройство. Зато французские власти выдавали виды на жительство на большие сроки, для тех же, кто располагал определенными средствами, ограничений вовсе не существовало. Русские,

проживая привезенные из России сбережения и беднея год от года, имели, тем не менее, возможность насладиться свободной и волнующей атмосферой культурной жизни Парижа и, в определенной мере, вносили и свой вклад в ее развитие. Неудивительно, что Париж стал настоящей политической и культурной столицей зарубежной России, где были представлены все оттенки политических взглядов и все культурные течения.

Русское зарубежье должно было заботиться об объединении своих разбросанных по свету граждан, сохранении и развитии их самосознания. Печатное слово – газеты, журналы, книги – были действенным и фактически единственным средством достижения этих целей.

Рассеянные по всему земному шару группы эмигрантов были слишком немногочисленны и слишком бедны, чтобы, например, основать радиостанцию: для ее организации необходима была государственная лицензия, и по тем временам она не обладала большим радиусом действия. Личные контакты были затруднены в связи со сложностями с оформлением виз и заграничных паспортов. Поэтому основная роль в поддержании и укреплении чувства единства русского зарубежья принадлежала издательскому делу.

Различные политические группировки издавали за границей в общей сложности свыше трех тысяч наименований газет и журналов. В этом огромном потоке периодики четко выделяются органы печати монархистов, кадетов, эсеров и меньшевиков. На самом правом фланге находились такие издания, как «Двуглавый Орел» (затем «Вестник Высшего монархического Совета». Берлин, Париж – 1920-1922 гг.), газета «Новое время» (Белград, 1921-1930 гг., ред. М.А. Суворин). Затем следует назвать более умеренные журналы «Грядущая Россия» (Париж, 1920, редакторы – лидер энесов Н.В. Чайковский и М.А. Ландау-Алданов) и «Русская мысль» (София, Прага, Берлин, 1921 - 1924 гг., ред. П.Б. Струве). К ним примыкала право-кадетская газета «Руль» (Берлин, 1920 - 1931, ред. И.В. Гессен). Ведущим органом кадетов являлась газета «Последние новости» (Париж, 1920 - 1940 гг., ред. П.Н. Милюков); центральным органом эсеров был журнал «Революционная Россия» (Юрьев, Берлин, Прага, 1920 - 1931 гг., ред. В.М. Чер-

нов), меньшевиков – «Социалистический вестник» (Париж, Нью-Йорк, 1921-1965, первым редактором был Л. Мартов (Ю.О. Мартов-Цедербаум). Широкую известность получил журнал «Современные записки» (Париж, 1920 -1940, ред. коллегия: Н.Д. Авксентьев, И.И. Бунаков-Фондаминский, М.В. Вишняк, А.И. Гуковский, В.В. Руднев). Не утихали споры вокруг сменовеховских изданий: журнала «Смена вех» (Париж, 1921-1925) и газеты «Накануне» (Берлин, 1922-1924. Редактором и журнала, и газеты был Ю.В. Ключников). Не менее известным был «Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)» (Париж, Берлин, Нью-Йорк, 1929 - 1941, ред. Л.Д. Троцкий).

Монархисты сгруппировались вокруг претендовавших на титул российского императора великого князя Николая Николаевича (внука Николая I, Верховного главнокомандующего русской армией в 1914 - 1915 гг.) и великого князя Кирилла Владимировича (внука Александра II, двоюродного брата Николая II). 8 августа 1924 г. Кирилл Владимирович издал манифест «К русскому народу», в котором объявил себя вождем монархического движения и единственным законным претендентом на русский престол, а через три недели провозгласил себя государем всея Руси Кириллом I. Покончить с коммунизмом и обеспечить реставрацию династии Романовых призывали оказавшиеся за границей члены Союза русского народа (СРН) В.Н. Пуришкевич (умер в 1920 г.), В.В. Шульгин, Н.Е. Марков и другие. Одним из главных идеологов продолжения борьбы с большевиками «всеми способами и прежде всего «вооруженным путем» был П.Б. Струве, редактировавший в эмиграции журнал «Русская мысль».

Тема 2

Типологические особенности журналистики русского зарубежья

Создание системы русской журналистики за рубежом (20-40-е годы XX века). Ряд важных факторов определил качественную характеристику типологии журналистики эмиграции. Она отражала своеобразные условия функционирования журналистики русского зарубежья, ее газетно-журнального производства, социально-демографическую структуру аудитории, возможности взаимодействия с родиной. Эти факторы наложили *отпечаток* известной *неопределенности на типы*

изданий. При знакомстве с ними исследователь сталкивается с большими трудностями при определении типа органа печати, о чем свидетельствуют «Материалы к сводному каталогу периодических и продолжающихся изданий русского зарубежья в библиотеках Москвы» (М., 1991). Произведенный обсчет представленных в «Материалах» различных органов периодики дал следующие результаты:

Тип издания	Число изданий
Журнал	178
Вестник	36
Бюллетень	28
Сборник	27
Альманах	16
Еженедельник	13
Газета	9
Информ. листок	3
Известия	2
Другие типы изданий	10
Итого:	322

Эту картину типологии журналистики дополняют записки, хроники, труды, ведомости, временник, журнал-памятка. Все это говорит о типологическом разнообразии изданий эмиграции. Но оно как бы повернуто в XIX в. Наличие значительной прослойки интеллигенции, образованных людей, испытывавших острую потребность в чтении русской литературы, в разнообразной информации, привело к созданию немалого числа «толстых» журналов и преобладанию влияния этого типа издания на аудиторию по сравнению с газетой, что подпитывалось традициями русской печати XIX в. Журналистика русского зарубежья этих лет в какой-то степени осталась в плену этих традиций.

Эта типологическая характеристика соответствует данным по Югославии. О. Джурич в книге «Русская литературная Сербия» приводит список вышедших в Сербии в 1920-1940-е годы русских периодических изданий, включающий 155 названий. Среди них значительно преобладали журналы.

Общая тенденция сводится к тому, что в типологии русской периодики журнал не только преобладал, но и постепенно вытеснял другие типы изданий, о чем свидетельствуют статистические данные за 1927-1929 гг. Попутно следует

отметить, что цифры русской периодики по Германии говорят о резком уменьшении здесь общего числа газет и журналов с 1927 г.

В XX в. наблюдается явное господство газет, во второй половине – телевидения. Своеобразные условия эмиграции как бы законсервировали типологию журналистики. Конечно, ее характер во многом определялся ограниченными материальными возможностями беженцев. Издания появлялись, как бабочки-однодневки. Не успев расцвести, они быстро увядали. Незначительное число журналов и газет выходило в течение пяти-десяти и более лет. Поэтому возникла такая любовь к альманахам, сборникам, которые могли появиться по мере накопления материала и средств, независимо от времени. Необходимость регулярного выпуска вестников, бюллетеней, информационных листков и других изданий такого рода отсутствовала. Нередко их появление было как бы привязано к определенному событию (съезду, юбилею и т.п.).

Условия функционирования журналистики эмиграции, интересы и потребности ее аудитории отчетливо отразились на содержательной характеристике ее типологии:

Тип изданий	Число изданий
Литературные	64
Общественно-политические	48
По вопросам культуры	28
По вопросам экономики и хозяйства	29
Партийные	30
Религиозные	21
Исторические	15
Земские	5
Евразийские	5
Другие проблемы (наука, искусство, сатира)	12
Всего:	257

Несмотря на условность предложенной дифференциации журналистики русского зарубежья, общая картина вполне объективна. Журнал был прибежищем интеллигенции. Многие писатели и поэты существовали за счет гонорара, хотя и достаточно скудного. Нередко даже такие известные авторы, как Д. Мережковский, З. Гиппиус, М. Цветаева, А. Куприн испытывали большие материальные трудности. Рижский еженедельник «Для вас» писал в 1934 г.:

«Куприн, гордость русской литературы, перебивается с хлеба на квас!». Это обстоятельство реальной жизни вызвало потребность в журналах – литературных, экономических, хозяйственных (инженерных), по вопросам культуры (педагогических).

Одной из существенных особенностей печати русского зарубежья было то, что в ней много места отводилось литературе. В этом проявились традиции русской дореволюционной периодики. В России XIX в. наблюдалась тесная связь литературного и журналистского творческих процессов. XX век политизирует журналистику, выявляет более полно ее специфику и обособляет от литературного процесса, превращая в конце концов даже книгу в СМИ, используемое в политических целях.

Естественно, российская аудитория нуждалась в адаптации к новой среде, новому информационному полю, в котором она жила. Отсюда появление в журналистике большого числа общественно-политических изданий. Ностальгические настроения, старение основной части читателей, обращавшихся к воспоминаниям о прошлом, привели к появлению немалого числа *исторических журналов и сборников*. Среди них такие, как «Архив русской революции», издаваемый И. В. Гессеном, «Архив гражданской войны», «Белый архив», «Белое дело» и др., сохранившие для нас огромное число документов и свидетельств тех лет.

Тема 3

«Русский Берлин» (1921 – 1923 годы)

Своеобразие берлинского политического и коммуникационного пространства

Приток политических беженцев в германию, усилившийся в нач. XX в., характеризуется возрастающим количеством российского студенчества, пополнявшего ряды русской социал-демократической эмиграции. С 1900 по 1905 г. германия была основным прибежищем для социал-демократической и либеральной эмиграции из царской империи. Любая политическая эмиграция стремится к смене политической обстановки и возвращению на родину, в этом стремлении русская исключением не являлась. Ее особенность состояла в том, что она объявила войну

не только своему врагу на родине, но и международному большевизму – как проводившему, с ее точки зрения, агрессивную политику и развивавшему подрывную деятельность в остальных государствах.

Именно Берлин, бывший центром недавних противников по войне, неожиданно в самом начале 1920-х годов становится первым городом, куда притекает огромная масса беженцев. Это обстоятельство вносит существенные изменения в новую политическую роль Берлина. Город превращался в место ведения открытых дискуссий и свободно высказываемых мнений во всех кругах, начиная от коренных немецких до представителей старой и новой России.

Отношение к Берлину 1921-1923 гг. со стороны интенсивного и компактного мира русской колонии косвенно отражалось в многочисленных анекдотах и остротах. Главная магистраль Берлина Курфюрстендамм была шутливо окрещена в «Неппский проспект» (по аналогии с Невским проспектом, с одной стороны, и от немецкого Neer – обман, надувательство – с другой), а сам город получил ироничное название «Шарлоттенграда» (от имени западного района «Шарлоттенбург», густо заселенного русскими) или «Берлино-града» (изобретение многочисленной диаспоры). У Андрея Белого мы находим переделку известного пушкинского выражения «и кюхельбекерно и скучно» в «и стало мне и курфюрстендаммно и томительно», что отражает своеобразную атмосферу «города в городе».

Определения одной из важных на карте Европы столицы как «большой вокзал», «Ноев ковчег» (И.Эренбург), «мачеха российских городов» (В.Ходасевич), «караван-сарай» (М.Шагал) отражают характеристику как бы не города, а некоего пункта, станции, площадки, принадлежать которым могла бы если Европа – то на границе с Азией, а если Азия – то довольно европеизированная. Они иллюстрируют весьма импульсивный, распыленный, непостоянный, бурлящий характер «после»: Европы в целом – после войны и Германии в частности – еще и после революции.

В условиях поствоенного времени «русский вопрос» (заключавший в себе отношение и к эмиграции, и к новому политическому образованию на карте,

испытывавшей и без того немалые корректировки) протекал в общеевропейских рамках переменчивого pro et contra.

6 января 1922 г. старейшая, уважаемая в кругах интеллигенции и влиятельная немецкая газета «Фоссише Цайтунг», выходящая в Берлине, вынесла на обсуждение немецкой общественности проблему беженцев. В статье «Новое великое переселение народов» писалось: «Большая война вызвала движение среди народов Европы и Азии, являющееся быть может началом большого исторического процесса образца великого переселения народов. Особую роль играет русская эмиграция, подобных примеров которой нет в новейшей истории. Причем в этой эмиграции речь идет о целом комплексе политических, экономических, социальных и культурных проблем и разрешить их невозможно ни общими фразами, ни сиюминутными мерами... Для Европы назрела необходимость рассматривать русскую эмиграцию не как временное происшествие... Но именно общность судеб, которую создала эта война для побежденных, побуждает задуматься кроме сиюминутных тягот о грядущих возможностях сотрудничества».

Аудитория берлинской эмиграции. Противоречия и полемика.

Тема 4

Основные журналы русского зарубежья

Журнал «Современные записки» (Париж, 1920-1940 гг.) – один из наиболее известных журналов русской эмиграции, тип столь популярного в России XIX в. «толстого» общественно-политического и литературного журнала. Его редакция опиралась на традиции русской демократической журналистики, что отразилось в названии, которое напоминало об «Отечественных записках» и «Современнике», вписавших в историю культуры России блистательные страницы. В качестве ближайшего предшественника рассматривался журнал «Русское богатство», который в 1906 г. после приостановки цензурой временно поменял название на «Современные записки», а после приостановки в 1914 г. (до февраля 1917 г.) – на «Русские записки». Первая редакция «Современных записок» была чисто

эсеровской, в нее входили М.А. Вишняк, А.И. Гуковский и В.В. Руднев, позже Н.Д. Авксеньев и И.И. Фондаминский.

Журнал «Воля России» (Прага, 1921-1927 гг., Париж, 1927-1932 гг.), в октябре 1921 г. газета «Воля России» по причине финансовых затруднений превратилась сначала в еженедельник, а к концу 1922 г. – в журнал, выходящий два раза в месяц. В журнал пришли новые редакторы В.И. Лебедев, М.Л. Слоним, В.В. Сухомлин, с 1924 г. Е.А. Сталинский. С 1925 г. «Воля России» стала ежемесячным общественно-политическим и литературным журналом.

Журнал «Социалистический вестник» (Берлин, Париж, Нью-Йорк, 1921 – 1965 гг.). Журнал был центральным органом РСДРП, основанный Ю.О. Мартовым. В советской России меньшевики социал-демократы не могли иметь собственную партийную газету или журнал. И как только такая возможность представилась, руководители меньшевиков Р.А. Абрамович и Ю.О. Мартов попытались наладить выпуск партийного органа за границей. 20 декабря 1920 г. Ю.О. Мартов пишет П.Б. Аксельроду: «Мы думаем с января (в начале) выпускать здесь – по-русски – нечто вроде бюллетеня с материалами из России и статьями. Авось, это поможет собрать и организовать публику».

Тема 5

Журнал «Русская мысль» П.Б. Струве

«Русская мысль» была наиболее традиционным журналом. Редакция под руководством П.Б. Струве декларировала преемственную связь с дореволюционным изданием, выходявшем под тем же названием. Основная задача журнала – «быть органом свободной русской национальной мысли политической и культурной». По замыслу редакции, «Русская мысль» пыталась сплотить вокруг себя все живые духовные силы, преданные идеалу органического национального возрождения России, ее государственности и культуры.

П.Б. Струве в обращении редакции к аудитории призывал к объединению всех сил эмиграции: «Мы освобождаем нашу патриотическую страсть от раболепия перед отдельными политическими формулами и лозунгами, от пленения партийными программами и платформами... мы свободно отдаемся великому

целому – России... Сквозь угар коммунистических замыслов и интернационалистических умыслов, среди несказанных страданий и великой мерзости безбожия и бесчеловечности, восстает и воскресает Россия. Осознать и осмыслить в глубочайшем падении это Воскресение России, ее векового и в то же время живого образа – вот задача русской мысли и нашего журнала». Реализуя программу, сам редактор опубликовал серию статей по политическим проблемам: «Размышления о русской революции», «Историко-политические заметки о современности», «Голод», «Ошибки и софизмы «исторического» взгляда на революцию», «Познание революции и возрождение духа» и др. одновременно печатались статьи других известных политических деятелей, вышедшие затем в виде отдельных книг: «размышления о русской революции», «1920 год» В. Шульгина, «Европа и человечество» Н.С. Трубецкого, «Военный максимализм и демократия» Г. Ландау, «Русские дела», «Дела иностранные» С. Ольденбурга.

В литературно-художественном отделе журнала публиковались многие известные писатели и поэты: И. Бунин, А. Куприн, А. Толстой, М. Цветаева, З. Гиппиус, Д. Мережковский, А. Ремизов и др. Литературно-критический отдел представляли известные публицисты: П. Струве, К. Мочульский, П. Бицилли, К. Зайцев, П. Савицкий (псевдоним Петроник) и др.

Одновременно с «Русской мыслью» в берлине выходили журналы большого формата «Сполохи» и «Жар-птица».

Тема 6

Военная журналистика

Общевойские издания русского зарубежья. Журнал «Армия и флот» (Париж, 1938-1939 гг.), газета «Русский инвалид» (Париж, 1930 г.)

Русская военная журналистика – необычайно богатый, интересный, но плохо изученный пласт в истории отечественной печати. И если военная журналистика дореволюционной России и затем советского периода все-таки являлась предметом изучения ряда исследователей, то русская зарубежная военная печать по-прежнему находится в забвении, хотя в силу объективных причин военные

оказались одной из самых многочисленных групп русской эмиграции. Причем эта группа была наиболее сплоченной и в отличие от других имела в дореволюционной России разветвленную сеть изданий – военного министерства, отдельных видов и служб вооруженных сил, родов войск, военно-учебных заведений, а также частных военных изданий. К началу первой мировой войны в России издавались 21 военный журнал и 2 газеты. В 1914-1917 гг. количество газет в армии возросло: появились фронтовые и армейские издания и органы печати других войсковых объединений.

Прежние традиции печати вооруженных сил в определенной мере повлияли на формирование системы периодических изданий русского военного зарубежья. Во-первых, как и до 1914 г., большинство из них были журналы. Во-вторых, военные журналы и газеты русской эмиграции выходили как для всего зарубежья, так и для отдельных корпораций вооруженных сил (армии, флота, артиллерии, авиации, казачества), организаций участников первой мировой войны, белого движения, кадетских и полковых сообществ, других союзов военных. Были среди них научно-теоретические, военно-исторические, литературно-художественные издания. В меньшем количестве была периодика политической тематики, хотя в 20-30-е годы неприятие советского строя ярко проявлялось на страницах многих зарубежных военных изданий. После второй мировой войны содержанием большинства изданий стало освещение профессиональных, военно-исторических проблем и вопросов жизни военных за рубежом и их службы в армии и на флоте в прошлом. Только «Часовой» и некоторые другие журналы продолжали борьбу против общественно-политического и государственного строя, установившегося в России с 1917 по 1991 г.

Точную цифру газет и журналов, издававшихся военной эмиграцией, невозможно указать по той причине, что большинству их была уготована недолгая жизнь – газеты и журналы создавались и исчезали, и лишь единицы смогли удержаться на долгое время. Многие из выходивших изданий сохранились в отдельных номерах, о выпуске ряда других исследователи узнают из документов архивов и подшивок старых газет и журналов.

Военно-морская печать русского зарубежья

В царской России каждый вид вооруженных сил и основные рода войск имели свои периодические издания. Особенно разнообразны они были во флоте. Начало собственно военной печати в России и было положено изданием «Морских записок, или Собрания всякого рода касающихся вообще до мореплавания сочинений и переводов» (СПб., 1800-1807 гг.). На смену им пришли «Записки, издаваемые Государственным Адмиралтейским департаментом, относящиеся к мореплаванию, наукам и словесности» (СПб., 1807-1827 гг.). С 1828 г. морская тематика освещалась в «Записках Ученого комитета морского штаба», а в 1848 г. Морской ученый комитет стал издавать «Морской сборник», который выходит и поныне, являясь журналом ВМФ России. Существовали и другие журналы по военно-морской тематике: «Известия по минному делу» (СПб., 1886-1916 гг.), «Записки по гидрографии» (СПб., 1887-1917 гг.), «Вестник общества морских инженеров» (СПб., 1898-1915 гг.), ежегодный сборник «Известия по подводному плаванию» (Либава, 1907-1916 гг.) и др.

Таким образом, флотская печать имела самую богатую историю и разностороннюю специализацию, а морские офицеры являлись не только самой читающей публикой, но многие из них были и авторами своих изданий, журналистами.

Оказавшись за границей, морское воинство возродило издательскую деятельность. Первая такая попытка была предпринята в Бизерте (французская база в Тунисе), где базировалась русская эскадра. Здесь в июне 1921 г. начал выходить журнал «Морской сборник». Его основателем и редактором стал капитан второго ранга *Нестор Александрович Монастырев*, посвятивший флоту всю свою жизнь, не раз выступавший со статьями в военно-морских журналах, автор монографии «В Черном море 1912-1920 гг.» и ряда книг по истории флота. «Морской сборник» печатался на ротаторе, последний номер журнала – тридцать первый – вышел в 1924 г. также в Бизерте, а затем в Белграде. Ежемесячно с января по апрель 1922 г. издавался «Журнал кружка морского училища».

Выпускались военно-морские издания и в других центрах русской эмиграции. Так, в Чехословакии в г. Брно мичман *П. В. Репин* с 1925 по 1927 г. издавал ежемесячный морской журнал «Звено». Он выходил в одном экземпляре, передавался из рук в руки. Всего был подготовлен 21 выпуск. В 1928-1931 гг. в Чехословакии капитан первого ранга *Я. И. Подгорный* организовал выпуск «Зарубежного морского сборника». Журнал преимущественно публиковал исторические статьи о прошлом русского флота, очерки о русских мореплавателях, материалы по различным отраслям морского дела. Было выпущено тринадцать номеров.

В Париже корабельные гардемарины *Н. Цветков* и *А. Покотилев* с ноября 1927 по апрель 1928 г. выпустили два номера журнала «Сигнал». Там же в 1934 г. 7-й Военно-морской очаг союза младоросов издал один номер журнала «Норд-Ост 23». Более солидно было поставлено издание «Записок военно-морского исторического кружка». Этот журнал выходил в Париже с апреля 1931 по апрель 1937 г. Редактировал его старший лейтенант *М. О. фон Кубе*, автор ряда статей об эпопее Дунайской речной флотилии в первую мировую войну. Всего вышло восемь выпусков.

Несколько позднее издания русских военно-морских журналов появились в США. Начало этому положил «Вахтенный журнал», который выпускался морским издательством при Кают-компани в Сан-Франциско с января 1938 по декабрь 1939 г. За это время редакция, возглавляемая *Ю. М. Горденевым*, бывшим офицером российского флота, подготовила и выпустила девять номеров журнала. Там же с 15 апреля 1952 г. начали издаваться «Бюллетени Общества офицеров Российского императорского флота». Выпускались они до конца 60-х годов. Здесь публиковались статьи о жизни российских морских офицеров в США, деятельности их Общества, списки и фотографии воинов флота, которые оказались за рубежом, сообщалось об их судьбе.

В Нью-Йорке выходил журнал «Морские записки». Его издавало Общество бывших русских морских офицеров в Америке. Долгие годы редактором «Морских записок» являлся барон *Г. Н. Таубе*, бывший старший

лейтенант флота, автор исторического исследования «Описания действий гвардейского экипажа на суше и на море в войну 1914-1917 гг.», отрывки из которого печатались в «Морских записках». Журнал публиковал статьи об участии русского флота в минувших войнах, о военном кораблестроении, дальних плаваниях, а также воспоминания бывших офицеров российского флота, очерки и сообщения об их жизни за рубежом.

С 1927 г. военно-морская тематика широко освещалась в «Морском журнале» – издании Кают-компании в Праге. С ноября 1927 г. он выходил ежемесячно; осенью 1939 г. издан его 140-й номер. С 1940 г. журнал выходил нерегулярно. Основателем «Морского журнала» и долгое время его бессменным редактором являлся *Михаил Сергеевич Стахевич*, бывший лейтенант российского флота, автор монографии «Полярная экспедиция лейтенанта А. В. Колчака в 1903 году», изданной в Праге в 1933 г., а до этого публиковавшейся в «Морском журнале».

Будучи редактором «Морского журнала», М. С. Стахевич обратился к бывшим офицерам российского флота с предложением свести труды, написанные ими, в «Русскую морскую зарубежную библиотеку». Обращение получило поддержку авторов и создателей.

Под № 1 в серии «Русская зарубежная морская библиотека» вышла книга капитана первого ранга Г. К. Графа «На Новике». В ней изложена история Балтийского флота в первую мировую войну и революцию. Под №2 – труд генерал-лейтенанта Н.Н.Головина и контр-адмирала А.Д.Бубнова «Тихоокеанская проблема в XX веке». Последними в серии под №80 значатся «Морские рассказы» Н. П. Солодкова, изданные в Париже в 1968 г.

Статьи по морской тематике публиковались и в журналах «Армия и флот», «Военная быль» и многих других. В них широко освещались морские сражения русского флота, подвиги моряков, рассказывалось об адмиралах Ф. Ушакове, П. Нахимове, С. Грейге и других выдающихся флотоводцах.

Попыталось организовать выпуск своего органа и Общество офицеров-артиллеристов. В 1927 г. это военное сообщество начало издание «Артиллерийского журнала». Он выходил в Париже, печатал статьи,

воспоминания, письма о жизни русских офицеров-артиллеристов. Публиковалось также много материалов о боевой службе артиллерии в прошедших войнах. Редактором-издателем журнала являлся А. А. Андреев, ответственным секретарем редакции – А. С. Олехнович. Десять номеров журнала издано литографским способом капитаном А. Любищевым и двенадцать типографским.

Тема 8

Духовная журналистика

Значительное число священников, теософов, эмигрировавших или высланных из России, мировая солидарность церковников разных конфессий, их помощь беженцам – факторы, которые послужили основой создания целой сети русских духовных изданий. Важную роль в этом сыграла журналистика как средство единения большей части эмиграции. Независимо от политической ориентации большинство были религиозными людьми. Условия жизни в чужой стране способствовали усилению и углублению их религиозности, что отчасти являлось реакцией на официальный советский атеизм. Беженцам было свойственно противостояние всему большевистскому. Существенную роль сыграло и то обстоятельство, что в духовной журналистике выступали блестящие философы и теософы, политики и публицисты.

Духовная журналистика эмиграции и по влиянию, и по своему положению в обществе, и по вовлеченным в нее культурным силам не идет ни в какое сравнение с православной печатью в Советской России, находившейся на грани исчезновения. Можно сказать, «серебряный век» русского искусства и поэзии сопровождали рост интереса к духовности и ренессанс философии. «Серебряный век» как бы эмигрировал из метрополии вместе с ее беженцами, что отразилось на всех сторонах культурной жизни российской колонии в разных странах. Особое отношение это имеет к духовной жизни эмиграции. «Такие эпохи религиозно-философского творчества, – замечает профессор Н. А. Струве, директор издательства «УМСА-РКЕ55», главный редактор «Вестника РХД», –

какое было в России до революции, а особенно просияло в эмиграции, тоже случаются не каждое столетие».

В Праге создается Русский университет, в Берлине русские ученые организуют Русскую академическую группу, затем – Русский институт; начинает функционировать Свободное религиозное философское общество. Организатор и руководитель Вольной академии духовной культуры 1918-1919 гг. в Советской России Н.А.Бердяев, оказавшийся в столице Германии, основал здесь в 1922 г. с помощью УМСА Свободную духовную и философскую академию. К 1925 г. в Париже сложился комплекс Сергиевского подворья с богословским институтом и семинарией.

Все эти культурно-религиозные центры вели определенную издательскую деятельность: выпускали ученые труды, сборники научных исследований, периодику, работы русских философов и богословов. В ряду произведений, получивших широкую известность и мировое признание, «Философия неравенства», «Смысл истории», «О назначении человека», «Русская идея» Н.А.Бердяева; «Агнец Божий», «Утешитель», «Невеста агнца» – трилогия о Богочеловечестве о. С.Н.Булгакова; «Сердце в христианской и индийской мистике», «Этика преображенного эроса» Б. П. Вышеславцева; «Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция», «Ценность и бытие (Бог и царство Божие, как основа ценностей)» Н. О. Лосского; «Крушение кумиров», «Материализм как мировоззрение» С. Л. Франка и др. Эти и другие труды показали всему миру глубину русской философской школы и способствовали ее утверждению как составной части мировой философии. «Соединение пастырей и мыслителей в одном лице – редкое культурное явление, причем редкостное не только для России, но и для любой страны, – говорит Н. А. Струве. – Люди, подобные тому же отцу Сергию Булгакову, появляются, возможно, даже реже, чем раз в столетие».

Многие произведения, ставшие классикой философии и теософии, появляются именно на страницах духовной периодики.

Сеть конфессиональной печати была достаточно велика: судя по заграничному историческому архиву в Праге, каждый десятый журнал имел религиозно-нравственное направление (соотношение 102:1005). Число изданий на протяжении первого десятилетия возросло, о чем свидетельствует следующий график.

**График динамики развития религиозно-нравственной журналистики
(всего 102 издания)**

1921 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 Год

Данная сеть периодики включала:

1. *Официальные церковные издания разных конфессий:* «Американский православный вестник» (Нью-Йорк, 1923); «Благовест», издание русской католической церкви (Париж, 1930-1933); «Вестник Высшего старообрядческого совета в Польше» (Вильно, 1930, 1932); «Вестник Русского христианского движения» (Париж; Нью-Йорк; Москва, 1925-1990); «Голос Литовской православной церкви», (Каунас, 1931-1938); «Китеж», русский католический вестник (Варшава, 1922-1932); «Утренняя заря: Голос финляндской православной церкви» (Сортавала, 1926-1939); «Церковные ведомости» — издание Синода Русской православной церкви за границей (Белград, 1922-1929); «Церковный вестник Западно-европейской епархии» (затем Западно-европейского православного русского экзархата) (Париж, 1927-1959).
2. *Издания разных церковных обществ:* «Вера и Родина» еже-месячник, издание общества св. Иоанна Златоуста, Лион, 1924-

1926; «Родная старина» – журнал, посвященный вопросам религиозно-нравственного и национального просвещения, издание Староверческого кружка ревнителей старины при обществе «Гребенщиковское училище», Рига, 1928-1930 и др.

3. *Философско-теоретические, теософские издания:* «Вестник» (теософский журнал, Женева, 1924-1940); «Православная мысль» (труды Православного богословского института в Париже, 1928-1942, 1947); «Новый град» (философский, религиозный и культурный обзор (Париж, 1931-1939); «Путь» (орган русской религиозной мысли, издание Религиозно-философской академии, Париж, 1925-1940); «Сергиевские листки» (издание Братства имени преподобного Сергия Радонежского при Православном богословском институте в Париже, 1927-1934).
4. *Издания, рассчитанные на широкий круг прихожан:* «Вера и жизнь» (ежемесячный духовный журнал, Рига, 1932); «Воскресное чтение» (еженедельный церковно-народный иллюстрированный журнал, Варшава, 1924-1936); «Духовный мир студенчества» (вестник русского христианского студенческого движения в Европе, Прага; Париж, 1923-1925); «Пробуждение» (ежемесячный русский свободный христианский орган в Финляндии, Гельсингфорс, 1921-1925) и др.

Вся эта периодика играла важную роль в нравственном, духовном воспитании беженцев из России, поддерживала их веру в лучшее будущее, давала столь нужную опору на чужбине.

Тема 9

Ведущие газеты русского зарубежья

«Последние новости» – русская ежедневная газета, 1920-40, Париж. Среди редакторов – П. Н. Милюков. Ведущий литературный критик – Г. В. Адамович (с 1928). Одна из самых авторитетных газет русского зарубежья. Газета была основана

М.Л. Гольштейном, опытным журналистом, бывшим редактором «Вечерние новости» (Петроград). Но в новых условиях создать интересную газету ему не удалось. Расцвет «Последних новостей» связан с именем Павла Николаевича Милюкова (1859-1943), ставшего вместе с М.М. Винавером и В.А. Харламовым редактором газеты и ее основной публицистической силой с февраля 1921 г.

Оппонентами «Последних новостей» в Париже были газеты «Возрождение» и «Дни». Орган русской национальной мысли «Возрождение» появился на свет 3 июня 1925 г., выходил до 7 июня 1940 г. Газету основали П.Б. Струве, редактировавший ее первые годы, и нефтепромышленник А.О. Гукасов, финансировавший ее.

Газета эсеров «Дни» издавалась еженедельно сначала в Берлине, затем в Париже (1922-1928), позднее стала двухнедельным журналом (1931-1933). Ее редактором и вдохновителем, главным публицистом был Александр Федорович Керенский (1881-1970), юрист, адвокат, государственный деятель. В газете активно сотрудничали Е.Д. Кускова, С.Н. Прокопович, В.М. Зензинов. Литературным отделом заведовали писатель М.А. Алданов и критик искусствовед, публицист М.А. Осоргин. Некоторое время поэтический отдел вел В. Ходасевич, выступая с литературно-критическими статьями.

В Берлине наиболее авторитетной была ежедневная газета «Руль», издаваемая правыми кадетами (1920-1931). Во главе газеты стоял долгое время опытный издатель и редактор, один из партийных лидеров и видных публицистов И.В. Гессен (1866-1943). Вместе с ним газету редактировал один из лидеров партии кадетов В.Н. Набоков (убит монархистами в 1922 г.), профессор А.И. Каминка.

Тема 10-14

Роль периодических изданий в культурной и литературной жизни русского Китая. Периодизация русской печати в Харбине

Роль русского печатного слова в духовной жизни наших соотечественников, оказавшихся в Китае в первой половине XX в., была огромна. Оно было не только источником информации о происходящем в мире и стране проживания, но и

основной духовной жизни российской диаспоры, главным средством сохранения ее национальных корней.

Существует несколько точек зрения на периодизацию развития русской печати в Харбине. Обоснованной и убедительной представляется точка зрения китайского исследователя профессора Дяо Шао Хуа, изложенная в его книге «Литература русского зарубежья в Китае». Он выделяет четыре периода в истории развития русской печати в Харбине.

1. Ранний период, охватывающий первые два десятилетия XX века (1901 - 1919), характеризует культурную и литературную жизнь многонационального Харбина в его первые годы. В это время активно работали русские поэты, приехавшие в Китай до 1918 г. Среди них самые известные – Александра Петровна Паркау (псевдоним Нилус), Федор Камышнюк, Сергей Алымов.
2. Второй период охватывает 20-е годы, вплоть до японской оккупации (1920-1931). В эти годы в Харбине наблюдался наивысший подъем по выпуску периодики. Город был средоточием межнациональных книжных контактов, где издательства, книжные магазины, библиотеки работали в интересах как русского населения, так и представителей других национальностей. До начала 30-х гг. Харбин играл роль ведущего центра русского книжного дела на китайской территории
3. Третий период (1932- август 1945 г.) включает годы японской оккупации Маньчжурии. Она повлекла за собой миграцию русского населения на юг, в результате чего основной центр русской издательской деятельности переместился из Харбина в Шанхай. Японское вторжение и продажа в 1935 г. КВЖД Японии значительно ухудшили положение выходцев из России. Это повлияло на обстановку в сфере издания и распространения русской книги на китайской территории: прекратилась русская издательская деятельность; последовало закрытие высших учебных и научных заведений, что повлекло за собой прекращение их работы по выпуску печатных трудов. Ведущую роль в издании книг и периодики для русских стали играть

учреждения, созданные под контролем японских властей: Бюро по делам российских мигрантов в Маньчжурской империи.

4. Четвертый, последний период, длился со времени освобождения Харбина советскими войсками до массового отъезда русских из Китая (октябрь 1945 г. – 1955 г.). Последнее обстоятельство определило естественный спад русской издательской деятельности в Китае.

По данным библиографических указателей М.С. Тюнина (1927; 1936), в 1917 г. в Харбине издавалось 13 русских газет и журналов, а с конца двадцатых – начала тридцатых годов выходило 298 различных по своей направленности газет и журналов. Правда, многие из них оказались недолговечными: вышло всего несколько номеров этих изданий.

Периодические издания Харбина отличались разнообразием. Это были общественно-политические, ведомственные, церковно-религиозные, литературно-художественные, научные и иные издания.

Первая харбинская газета на русском языке – «Листок Ежедневных Телеграмм и Объявлений» – вышла 1 августа 1901 г. Само название указывает на ее справочно-информационный характер. В 1902 г. «Листок» был закрыт. Позже при КВЖД появилась первая официальная газета «Харбинский Вестник». На ее страницах освещались вопросы экономической деятельности дороги и культурной жизни края.

После манифеста октября 1905 года в Харбине стало выходить несколько частных газет. Например, ежедневная газета «Харбин», выпускавшаяся с 1906 года, первоначально принадлежала купцу и поставщику КВЖД А.Д. Попову и держала либеральное направление. Газета «Новый Край» была газетой монархического направления. В 1908 году в Харбине существовали даже две подпольных газеты: «Революционная Мысль» и «Досуги заамурца».

В Харбине выпускались и торговые газеты. Первая – это еженедельный «Торговый Бюллетень Харбинской Биржи», выходивший до конца 30-х гг. В 1912 г. появился ежедневный «Харбинский Листок Объявлений», просуществовавший весьма недолго.

После гражданской войны в России, когда в соседний Китай хлынула масса людей, не согласных с новыми условиями жизни на родине, в Харбине начало издаваться множество ежедневных русских газет различной направленности. В их числе просеменовская и прояпонская газета «Свет», антибольшевистский «Русский голос», коммерческий «Вестник Маньчжурии», слабо откликавшийся на изменения политической жизни, и другие издания.

Исторические события начала 30-х гг. (продажа КВЖД, вторжение японских войск в Китай, образование Маньчжурской империи) сильно изменили жизнь русских эмигрантов. В это время на правом фланге русской эмигрантской печати стояло «Русское слово», близкое к военным кругам эмиграции. Далее шли общественно-политические издания «Заря» и «Рупор» (вечерняя газета), орган фашистской партии «Наш путь» и придерживавшаяся того же направления «Наша газета». Бюро по делам российских эмигрантов издавало свою газету – «Голос эмигрантов».

Кроме того, в Харбине издавались журналы об архитектуре и об армии, экономические журналы и издания, посвященные КВЖД, еврейские журналы на русском языке, многочисленные детские журналы, литературные, журналы по искусству театру, восемь казачьих журналов.

Самым ранним журналом был еженедельник «Досуги заамурца», издававшийся штабом Заамурского Округа Отдельного Корпуса Пограничной Стражи с 1905 г. по 1912 г. Это был иллюстрированный журнал для чтения нижним чинам.

С 1908 г. издавался журнал «Железнодорожная Жизнь на Дальнем Востоке», посвященный вопросам железнодорожного хозяйства и жизни железнодорожников, экономике края. В 1925 г. Управление КВЖД основало журнал «Вестник Маньчжурии» под редакцией Экономического Бюро. Журнал закрылся в связи с продажей КВЖД Советским Союзом Японии в конце 1934 г.

«Известия Юридического факультета в Харбине», выходили в течение 1925-1938 гг. нерегулярно – в зависимости от имеющихся в распоряжении факультета средств. В «Известиях» печатались научные работы преподавателей, официальные отчеты о жизни и деятельности факультета.

В 20-е гг. в Харбине впервые появились литературно-художественные журналы. Первым из них был журнал «Даль», первый и единственный номер второго вышел в 1920 г. Еженедельный литературно-художественный журнал «Вал» появился в ноябре-декабре 1922 г. В нем были такие разделы, как беллетристика, поэзия, живопись, рецензии на драматические и музыкальные спектакли, кино, освещалась жизнь богемы, искусство в России и за границей, мода, спорт, давались разнообразные объявления.

В Харбине существовали и детские журналы. В октябре 1926 г. был создан двухнедельный детский журнал «Ласточка». Этот журнал был самым любимым среди русских детей на Дальнем Востоке, издавался много лет и закрылся в начале сороковых годов перед окончанием Второй мировой войны.

В русском православном Харбине издавалось немало церковно-религиозных изданий. Так, с 1926 по 1935 гг. Казанско-Богородицким Мужским Монастырем выпускался религиозно-нравственный журнал «Хлеб Небесный».

Особое место в жизни русской диаспоры в Харбине занимал **литературно-художественный журнал «Рубеж»**. Он был одним из самых популярных и долговечных изданий.

Автор изданной в Париже монографии «Зарубежная Россия» П.Е.Ковальский писал о культуре русского зарубежья: «Нам еще предстоит открытие этого неопознанного материка русской культуры. Девять десятых того, что было сделано русской эмиграцией, было сделано ею в Харбине».

«Рубеж» издавался с 1926 по 1945 гг. в Харбине. Он был создан в противовес парижскому изданию «Иллюстрированная Россия». Э.Штейн отметил: «...по количеству выпущенных номеров харбинский журнал «Рубеж» сопоставим в эмиграции разве что лишь с парижской «Иллюстрированной Россией» и брюссельским «Часовым».

Начав издаваться под редакцией А.С.Циганова, «Рубеж» совершенно «преобразился» в 1928 г., когда его главным редактором стал Е.Кауфман. Начиная с этого года, журнал выходил по субботам в течение 18-ти с половиной лет, став примером хоть какой-то стабильности в зыбком море эмигрантской жизни. В редакционной статье «500 «Рубежей» отмечалось: «Для эмигрантского издания

десять лет – огромный срок, который можно уподобить чуть ли не 100-летию обычного существования в нормальных условиях... 500 номеров, выпущенных им со времени основания, – это 500 сражений с трудностями журнального дела в Зарубежье, 500 пройденных этапов нелегкого пути, приведших журнал к теперешнему положению и прочной популярности во всех уголках зарубежной Руси – от Парижа до Шанхая и от Риги до Буэнос-Айреса».

Первый номер вышел 22 августа 1926 г., и три года журнал выходил нерегулярно. Лишь начиная с 1929 г, со 102-го номера, журнал стал печататься еженедельно. В первый период существования журнала редактором-издателем был А. С. Циганов, главным редактором – А.Г.Кокшаров. С 1928 г. издателем стало Товарищество «Рубеж», с 1929 г. директор-распорядитель Е.С. Кауфман, с 1933 г. заведовал редакцией М.С.Кауфман. С сентября 1942 г. по «закону» японских властей «Рубеж» стал выходить три раза в месяц. С приходом в Маньчжурию японцев несколько изменилось содержание журнала, редакции пришлось помещать материалы о Маньчжу-Ди-Го, о жизни «великой Ниппон» и т.п.

В 1940 г. когда М.Рокотов уехал в Калифорнию, на должности редактора его сменил К.Сабуров. В августе 1945 г, после освобождения Харбина частями Советской армии, журнал перестал существовать: последний, 862-й номер вышел 10 августа 1945 г.

Объем журнала обычно составлял 20 страниц (праздничные номера – 30-34 страницы). В каждом номере печаталось 7-8 стихотворений и 2-3 рассказа местных русских авторов, рассказы и «романы с продолжением», переведенные с иностранных языков, иллюстрированные очерки о культурной и политической жизни в разных странах мира, местная хроника, полезные советы, реклама «Рубеж» не был литературным журналом в полном смысле слова - на его страницах печатались не только стихи и рассказы, но и популярные очерки, местная хроника, библиография и т.д. Журнал откликался довольно живо на события тогдашнего мира, причем событиям на Дальнем Востоке отдавалось сметное предпочтение. На обложке журнала «Рубеж» располагалась фотоиллюстрация, выполняющая не столько информативную, сколько эстетическую функцию. Страничка женщины давала

описания и рисунки последних моделей самых больших европейских домов, косметические и кулинарные советы. Кроме того, «крестословицы» (кроссворды), отдел задач и шарад, уголок «За милых женщин» могли поспособствовать приятному проведению досуга.

Читатель имел возможность познакомиться с творчеством зарубежных авторов в переводах Е.Сентяниной, Т.Беляевой, В.Иевлевой, Е.Петровой и др. «Обычно в каждом номере, – вспоминала Ю.В.Крузенштерн-Петерец, – было не меньше одного-двух оригинальных рассказов русских авторов, один или два переводных, семь-восемь очерков на местные или заграничные темы (переводные или от собственных корреспондентов), страничка талантливой карикатуристки Виты (Загибаловой), которая позднее работала в студии Уолта Диснея, и две странички серьезных переводных романов. В разделе «Местная хроника» печатались анонсы и рецензии на все значительные события культурной жизни Харбина, театральные постановки, оперные и балетные спектакли, концерты симфонического оркестра.

Считая, что современный эмигрантский иллюстрированный журнал должен быть «зеркалом жизни» и «полностью отражать ее бешеные темпы и калейдоскопическую пестроту», редакция «Рубежа» печатала очерки с иллюстрациями как перепечатанными из других изданий, так и присланными специальными корреспондентами. Среди постоянных корреспондентов «Рубежа», рассеянных по всем частям света, были В.Н.Унковский (Франция), А.В.Амфитеатров (Италия), Т.Баженова (США), священник Серышев (Австралия), супруги Булы-гины (Северная Африка) и др. Присылались материалы из Токио, Филиппин, Тегерана и других мест русского рассеяния (см. в юбилейных номерах журнала: 1937, №35; 1943, №1).

Как вспоминает Ю.В.Крузенштерн-Петерец, «большие русские писатели» (И.Бунин, Б.Зайцев, И.Шмелев) «Рубеж» своими рассказами не баловали, «впрочем, однажды прислал рассказ Саша Черный, другой раз был получен рассказ от Амфитетрова с письмом, содержащим лестную оценку нашего журнала. Из более молодых заграничных писателей присылали рассказы из Берлина – Сергей Горный, из Риги – Ирина Сабурова; сотрудничал в «Рубеже» некоторое время и писатель проф. Леонид Страховский, позднее основавший в Канаде журнал «Современник».

Известны также самые теплые отзывы о журнале М.Алданова, Б.Зайцева, Н.Брешко-Брешковского, Н.Тэффи. А из Риги специально для «Рубежа» прислал свой рассказ и фотографию с надписью «Редакции «Рубежа» привет из Эстонии» И.Северянин.

Подписчиками журнала были многие русские эмигранты, рассеянные по всему миру. В №1 за 1943 г. отмечалось: «Можно указать немало фактов, когда «Рубеж» был единственным русским печатным словом, достигающим эмигрантского читателя где-либо на островках, в колониях Африки или даже в таком центре, как Тегеран, куда волею судеб попало немало русских изгнанников». Тираж еженедельника в дни его расцвета (1931-1936) приближался к двум с половиной тысячам экземпляров. Большинство номеров расходилось в Харбине и по линии КВЖД. Сотни две-три экземпляров шли в Шанхай, Пекин, Японию, а остальные - в Прибалтийские государства, Польшу, Чехословакию и другие места Европы. Были подписчики в Персии, Турции, Северной и Южной Америке и в Австралии.

Успеху журнала и его популярности у читателя, несомненно, способствовала продуманная издательская политика его основателей, считавших, что «...держа русскую читательскую аудиторию в курсе событий, происходящих в мире, «Рубеж» призван теснее связать читательскую массу с русской культурой, русским литературным творчеством ...дать пишущей братии возможность проявить свои дарования, а с другой стороны, дать читательской массе хороший литературный журнал» (Е.Кауфман).

«Неслучайность» появления «Рубежа» объяснялась, прежде всего, желанием консолидировать творческие силы дальневосточного зарубежья, дать возможность «печататься сколько-нибудь регулярно» харбинским поэтам и писателям. Такая благородная цель вызвала ответный отклик у творческой интеллигенции. В той же статье «500 «Рубежей» подчеркивалось: «Поэтому немудрено, что сразу после того как «Рубеж» обосновался и прочно стан на ноги, к потянулись все местные литературные силы, и вскоре редакция журнала превратилась в прочное литературное содружество, куда был открыт доступ всем работникам пера, не чуждым интереса подлинного искусства.

Действительно, редакция «Рубежа» сумела сплотить вокруг журнала и старшее, и младшее поколения харбинских литераторов; в нем регулярно печатались произведения А.Несмелова, В.Логинова, Я.Ловича (Дейча), А.Хейдока А.Ачаира, К.Сабурова. В.Перелешина и многих других дальневосточных авторов. На страницах журнала публиковались стихи победителей конкурсов литературно-художественного объединения «Чураевка», поэтические переводы В.Перелешина, Н.Светлова и других.

Таким образом, журнал «Рубеж» остается памятником русской культурной жизни в зарубежье, помогающим воссоздать целостную картину развития русской культуры дальневосточной эмиграции.

Газета «Заря». Владельцем и издателем «Зари» вплоть до своей смерти был М.С. Лембич – журналист, начинавший свою литературную карьеру в московских газетах «Русское слово» и «Голос Москвы» и уже тогда снискавший известность в писательских кругах и у читающей публики. Начав свою деятельность в Харбине изданием «городской» газеты, М.С. Лембич впоследствии стал организатором и основателем крупнейшего на Дальнем Востоке русского издательского дела.

Помимо «Зари» им издавались с конца 1920-х г. газета «Наша Заря» в Тяньцзине и «Шанхайская заря» в Шанхае. Было также образовано издательство «Заря», на полиграфической базе которого, кроме газет, печатался журнал «Рубеж», различные по жанровой и тематической направленности произведения.

Организаторские и предпринимательские способности М.С. Лембича в значительной степени обеспечили успех «Зари» как ежедневной газеты. По свидетельству современников «до него местные русские газеты носили либо правительственных, либо узко кружковых изданий, не имевших общественного значения и не отражавших русских национальных нужд». Популярность «Зари» обуславливалась продуманной издательской политикой, учитывающей все специфические особенности русской зарубежной диаспоры, ее духовные и культурные запросы. Оперативность подачи информации и объективность в освещении самых различных проблем.

Контрольные вопросы к публицистическим текстам:

1. Николай Васильевич Устрялов «Национал-большевизм»

Ответ Петру Бергандовичу Струве.

1. Что понимает Н.В. Устрялов и П.Б. Струве под большевизмом и коммунизмом?
2. Какие два пути развития России видит Н.В. Устрялов?
3. С каким тезисом П.Б. Струве соглашается Н.В. Устрялов?
4. Каким образом, согласно Н.В. Устрялову, укрепитя социальное и экономическое положение России?

2. Виктор Михайлович Чернов

Статья «Убийство русской литературы».

1. Что подразумевает под убийством русской литературы В.М. Чернов? Какие примеры в подтверждение приводит?
2. В статье В.М. Чернов рассматривает прямую и косвенную цензуру. Что понимал В.М. Чернов под косвенной цензурой и почему она была худшей, ужасной?
3. Какие эпитеты, образные сравнения приводит В.М. Чернов по отношению к большевизму?
4. Какой вывод делает В.М. Чернов?

3. Екатерина Дмитриевна Кускова

Статья «А что внутри?»

1. Что хотела показать читателям Е.Д. Кускова на примере доклада Питерима Сорокина? (Петерим Сорокин один из теоретиков теории социальной мобильности и социальной стратификации, социолог, правый эсер (социалист-революционер)).
2. Объясните вывод в статье Е.Д. Кусковой?

4. Юлий Осипович Мартов

Статья «Диалектика диктатуры»

1. Почему Ю.О. Мартов считает, что диктатура большевиков есть диктатура меньшинства?
2. Что, по мнению Ю.О. Мартова, утратила большевистская диктатура в связи с переходом к НЭПу?

3. Какое оправдание для своей диктатуры находят большевики?
4. Какой вывод делает Ю.О. Мартов?

Статья «Напрасное беспокойство»

1. За что критикует Ю.О. Мартов газету «Руль»?
2. Какие методы, по мнению Ю.О. Мартова, должны использоваться в борьбе с большевиками?

Статья «Из дальних странствий возвратясь...»

1. О чем данная статья?
2. Какое отношение в данной статье к большевикам?
3. Найдите факты, противоречащие описанным событиям?

5. Петр Бергандович Струве

Статья «Прошлое, настоящее, будущее» (Мысли о национальном возрождении России).

1. Что для П.Б. Струве прошлое, настоящее и будущее?
2. Что значит, по мнению П.Б. Струве, принятие революции?
3. Как относится П.Б. Струве к течению «Смена Вех», к Н.В. Устрялову?
4. Через что (как) может произойти возрождение России?

Статья «Владимир Галактионович Короленко»

Как характеризует П.Б. Струве В.Г. Короленко? За что укоряет его?

6. Марк Винаминович Вишняк

Статья «На Родине. Традиции русской журналистики»

О какой традиции в русской журналистике говорит М.В. Вишняк?

Что значит журнал в России и журнал за рубежом?

Статья «На Родине. Мы и они»

1. Как характеризует русского эмигранта М.В. Вишняк?
2. Что в данной статье олицетворяет А. Белый и Эринбург ?
3. Проанализируйте высказывание В.В. Розанова, посвященное дочери?
4. Проанализируйте высказывание И.С. Тургенева «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись».
5. Проанализируйте сказку-миниатюру Е. Замятина?

Вопросы к зачету

1. Русская эмиграция: причины, этапы, состав.
2. Европейские центры русской эмиграции 1920-х годов: особенности культурной жизни, писательские объединения, издательства.
3. Русская эмигрантская периодика 1920-1930-х годов: основные издания, их задачи, журналисты и писатели, принимавшие в них участие.
4. Типологические особенности журналистики русского зарубежья.
5. Эмигрантские течения.
6. Своеобразие берлинского политического и коммуникационного пространства.
7. Основные журналы русского зарубежья.
8. Журнал «Современные записки».
9. Журнал «Воля России».
10. Журнал «Социалистический вестник».
11. Журнал «Русская мысль».
12. Журнал «Жар-птица».
13. Русская военная журналистика за рубежом. Журнал «Военный сборник».
14. Общевоинские издания русского зарубежья. Журнал «Армия и флот».
15. Военно-морская печать русского зарубежья. Журнал «Морской сборник».
16. Духовная журналистика. Журнал «Путь».
17. Роль периодических изданий в культурной и литературной жизни русского Харбина.
18. Периодизация русской печати в Харбине.
19. Ранний этап развития эмигрантской печати. «Листок ежедневных телеграмм и объявлений», «Харбинский вестник».
20. Издательство «Заря». Газета «Заря», газета «Наша заря», газета «Шанхайская заря».
21. Особенности русских эмигрантских журналов в Харбине. Журнал «Рубеж».
22. Анализ статей М.В. Вишняка «На Родине. Традиции русской журналистики»; «На Родине. Мы и они».
23. Анализ статьи Е.Д. Кусковой «А что внутри?».

24. Анализ статей Ю.О. Мартова «Напрасное беспокойство»; «Из дальних странствий возвратясь»; «Диалектика диктатуры».
25. Анализ статьи Н.В. Устрялова «Национал-большевизм».
26. Анализ статьи В.М. Чернова «Убийство русской литературы».
27. Анализ статей П.Б. Струве «Прошлое, настоящее, будущее»; «Владимир Галактионович Короленко».
28. Русские «короли смеха» в эмиграции: А.Т. Аверченко, Тэффи, Саша Черный. Анализ произведения Саши Черного «Кому в эмиграции жить хорошо».

ВХОДЯЩИЙ КОНТРОЛЬ

Тест

Предложенный тест служит для проверки остаточных знаний по курсу «История отечественной журналистики нач. XX в.». Вопросы отражают материал, пройденный на лекциях и практических занятиях. Правильно ответив на все вопросы, студент может набрать 60 баллов (2 балла за каждый правильный ответ).

1. Какой тип газеты первым возник в России?
 - а) массовый;
 - б) качественный;
 - в) бульварный;
 - г) информационный.
2. Какая газета относится к качественному типу издания?
 - а) «Русские ведомости»;
 - б) «Новое время»;
 - в) «Русское слово»;
 - г) «Московский листок».
3. Какая газета относится к массовому типу издания?
 - а) «Россия»;
 - б) «Газета-копейка»;
 - в) «Русские ведомости»;
 - г) «Новое время».
4. В каком сатирическом журнале сотрудничала Н.А. Тэффи?

- а) «Осколки»;
- б) «Сатирикон»;
- в) «Развлечение»;
- г) «Будильник».

5. Кто назвал газету А.С. Суворина «Новое время» газетой «Чего изволите»?

- а) М.Е. Салтыков-Щедрин;
- б) Н.К. Михайловский;
- в) В.И. Ленин;
- г) И.Д. Сытин.

6. Кому принадлежит сборник очерков «Мултанское жертвоприношение»?

- а) Н.К. Михайловский;
- б) Г.И. Успенский;
- в) В.Г. Короленко;
- г) А.П. Чехов.

7. Кто первым создал и возглавил один из первых в России газетно-издательских концернов?

- а) С.М. Пропер;
- б) А.С. Суворин;
- в) И.Д. Суворин;
- г) А.Ф. Маркс.

8. Кому из публицистов принадлежит псевдоним В. Варварин?

- а) В.В. Розанов;
- б) А.И. Богданович;
- в) Н.К. Михайловский;
- г) А.Т. Аверченко.

9. Самое популярное издание бульварного типа?

- а) «Газета-копейка»;
- б) «Московский листок»;
- в) «Петербургский листок»;
- г) «Звезда».

10. Как называлась газета, издаваемая партией кадетов?

- а) «Новая жизнь»;
- б) «Речь»;
- в) «Вперед»;
- г) «Пролетарий».

11. Какую газету издавали черносотенцы?

- а) «Земщина»;
- б) «Утро России»;
- в) «Слово»;
- г) «Голос Москвы».

12. Какой толстый энциклопедический журнал просуществовал почти целый век?

- а) «Русское богатство»;
- б) «Мир божий»;
- в) «Вестник Европы»;
- г) «Журнал для всех».

13. Как называлась первая легальная большевистская газета?

- а) «Искра»;
- б) «Новая жизнь»;
- в) «Правда»;
- г) «Русское знамя».

14. Кто выступил с критикой статьи В.И. Ленина «Партийная организация и партийная литература»?

- а) А.М. Горький;
- б) В.Я. Брюсов;
- в) Г.В. Плеханов;
- г) В.В. Розанов.

15. Кого называли «королем русского репортажа»?

- а) А.В. Амфитеатров;
- б) В.А. Гиляровский;

- в) С.П. Дягилев;
- г) А.Т. Аверченко.

16. Какую газету называли «фабрикой новостей»?

- а) «Русское слово»;
- б) «Русские ведомости»;
- в) «Россия»;
- г) «Московский листок».

17. Кого высмеял В. Дорошевич в фельетоне «Старый палач»?

- а) В. И. Буренин;
- б) Николай II;
- в) М.О. Меньшиков;
- г) Статский советник Филонов.

18. Кто написал репортаж о трагедии на Ходынском поле?

- а) А.В. Амфитеатров;
- б) В.А. Гиляровский;
- в) В. Дорошевич;
- г) А.Т. Аверченко.

19. Кого называли «литературным Иудушкой»?

- а) М.О. Меньшиков;
- б) А.С. Суворин;
- в) Н.Я. Абрамович;
- г) В.И. Буренин.

20. Как назывался журнал-манифест акмеистов?

- а) «Аполлон»;
- б) «Весы»;
- в) «Любовь к трем апельсинам»;
- г) «Сатирикон».

21. Кто написал фельетон «Почему мы отказались от «наследства 60-70-х годов?»

- а) В.В. Розанов;

- б) В.Я. Брюсов;
- в) П.Б. Струве;
- г) Д.С. Мережковский.

22. Кто написал статью «От какого наследства мы отказываемся?»

- а) В.И. Ленин;
- б) Д.С. Мережковский;
- в) К.К. Арсеньев;
- г) Н.А. Бердяев.

23. Кто был автор «Маленьких писем»?

- а) Н.И. Иорданский;
- б) А.В. Пешехонов;
- в) А.С. Суворин;
- г) В.Г. Короленко.

24. В каком произведении В.Г. Короленко была поднята проблема деревенских кустарей?

- а) «Павловские очерки»;
- б) «В голодный год»;
- в) «Хроника внутренней жизни»;
- г) «Река играет».

25. Какой журнал относится к тонкому еженедельнику?

- а) «Журнал для всех»;
- б) «Мир божий»;
- в) «Русское богатство»;
- г) «Вокруг света».

26. Кто считал, что день Ходынской катастрофы есть вместе с тем и счастливый день русской истории?

- а) В.В. Розанов;
- б) К.К. Арсеньев;
- в) Н.А. Бердяев;
- г) П.Б. Струве;

27. Кто наперекор общепринятой схеме выносил на первые полосы не информационные сообщения, а статьи, очерки и фельетоны?
- а) А.В. Амфитеатров;
 - б) В.А. Гиляровский;
 - в) В. Дорошевич;
 - г) А.Т. Аверченко.
28. Кого называли «совестью русской журналистики»?
- а) К.К. Арсеньев;
 - б) А.С. Суворин;
 - в) Н.Я. Абрамович;
 - г) В.И. Буренин.
29. Кому принадлежал псевдоним Old Gentleman?
- а) А.В. Амфитеатров;
 - б) Н.И. Иорданский;
 - в) А.В. Пешехонов;
 - г) А.Т. Аверченко.
30. Кто из русских издателей начала XX в. открыл свой театр (Петербургский Малый театр)?
- а) С.М. Пропер;
 - б) И.Д. Сытин;
 - в) А.С. Суворин;
 - г) А.Ф. Маркс.

ПРОМЕЖУТОЧНЫЙ КОНТРОЛЬ
КОНТРОЛЬНАЯ РАБОТА № 1

1 вариант

1. В какое время начало формироваться понятие «зарубежная Россия» и с чем это было связано?
2. Раскройте типологические особенности журналистики Русского зарубежья.
3. Охарактеризуйте журнал «Социалистический вестник».

4. Что хотела показать читателям Е.Д. Кускова на примере доклада П. Сорокина.

2 вариант

1. Раскройте эмигрантские течения: сменовеховство и евразийство.
2. Раскройте своеобразие берлинского политического и коммуникативного пространства.
3. Охарактеризуйте журнал «Русская мысль».
4. Какие два пути развития России видит Н.В. Устрялов?

КОНТРОЛЬНАЯ РАБОТА № 2

1 вариант

1. Пресса военных объединений эмиграции.
2. Ведущие газеты русского зарубежья. Охарактеризуйте газету «Руль».
3. Охарактеризуйте журнал «Современные записки». За счет чего журнал просуществовал почти 20 лет? Программа журнала.
4. Что понимал В.М. Чернов в ст. «Убийство русской литературы» под косвенной цензурой?

2 вариант

1. Духовная журналистика эмиграции.
2. Ведущие газеты русского зарубежья. Охарактеризуйте газету «Последние новости».
3. Охарактеризуйте журнал «Воля России». Согласно каким параметрам складывался тип этого издания?
4. Проанализируйте высказывание В.В. Розанова, посвященное дочери: «От лучинки к лучинке, Надя, опять зажигай лучинку, скорей, некогда ждать, сейчас потухнет. Пока она горит, мы напишем еще на рубль... Тело покрывается каким-то странным выпотом, который нельзя иначе сравнить ни с чем, как с мертвой водой. Оно переполняет все существо человека до последних тканей. И это есть именно мертвая вода, а не жива. Убийственная своей мертвечиной...»

ИТОГОВЫЙ КОНТРОЛЬ

ТЕСТ

Цель – проверка знаний по курсу «Журналистика русского зарубежья». Вопросы отражают материал, пройденный на лекциях. Правильно ответив на все вопросы, студент может набрать 70 баллов.

Часть 1. Отметьте правильные ответы (2 балла за каждый ответ)

1. Когда стало формироваться понятие «зарубежная Россия»:
 - а) 1860 г.
 - б) 1890 г.
 - в) 1905 г.
 - г) 1917 г.
2. В какой стране первоначально находилось наибольшее число русских эмигрантов:
 - а) Франция;
 - б) Германия;
 - в) Китай;
 - г) США.
3. Какой тип русского издания был наиболее популярным за рубежом:
 - а) Альманах;
 - б) Вестник;
 - в) Журнал;
 - г) Газета.
4. Одной из отличительных черт журналистики русского зарубежья по сравнению с советской была ее:
 - а) многопартийность;
 - б) подцензурность;
 - в) однопартийность;
 - г) аристократичность.
5. Кто был идеологом течения «сменовеховство»:
 - а) Н.В. Устрялов;
 - б) П.Б. Струве;

в) Е.Д. Кускова;

г) Ю.О. Мартов.

6. Кто первым заговорил о «мессианском» призвании эмигрантов:

а) Г.П. Федоров;

б) И.А. Бунин;

в) Н.А. Бердяев;

г) Н.А. Тэффи.

7. О каком журнале Виктор Некрасов говорил: «Но, пожалуй, самое интересное, что я обнаружил на берегу Сены, – это журнал...Издание – превосходное, на белой бумаге с цветными вклейками, ну почти как «Аполлон» или «Золотое руно»:

а) Рубеж;

б) Русская мысль;

в) Жар-птица;

г) Заря.

8. Кто был организатором и основателем крупнейшего на Дальнем Востоке русского издательского дела:

а) М.С. Лембич;

б) И.В. Гессен;

в) В.И. Лебедев;

г) М.А. Алданов.

9. Кто автор поэмы «Кому в эмиграции жить хорошо?»

а) Н.А. Тэффи;

б) А.М. Черный;

в) А.Т.Аверченко;

г) А. Белый.

10. Какой журнал был наиболее традиционным изданием, декларировавший преемственную связь с дореволюционными изданиями, выходявшим под тем же названием:

а) Русская мысль;

- б) Русские записки;
- в) Перезвоны;
- г) Версты.

11. Кто был редактором крупнейшей русской ежедневной газеты «Руль», выходившей в Берлине:

- а) А.И. Гуковский;
- б) И.В. Гессен;
- в) В.В. Руднев;
- г) М.В. Вишняк.

12. Кто считал, что решающая ошибка П.Б. Струве состоит в том, что он смешивает большевизм с коммунизмом.

- а) П.Н. Милюков;
- б) Л.Д. Троцкий;
- в) Н.В. Устрялов;
- г) В.М. Чернов.

13. Кто был организатором «Союза журналистов и литераторов» в Германии.

- а) И.В. Гессен;
- б) А.И. Гуковский;
- в) И.И. Фондаминский;
- г) В.В. Руднев.

14. Какая газета в связи с финансовыми затруднениями превратилась сначала в еженедельник, а к концу 1922 г. – в журнал:

- а) «Воля России»;
- б) «Современные записки»;
- в) «Армия и флот»;
- г) «Руль».

15. Какой журнал выпускали эсеры:

- а) «Числа»;
- б) «Перезвон»;

в) «Современные записки»;

г) «Сполохи».

16. Какой журнал выпускали меньшевики:

а) «Социалистический вестник»;

б) «Звено»;

в) «Версты»;

г) «Встречи».

17. Какой журнал ориентировался на традиции «Мира искусства» и «Аполлоны» и даже внешне был похож на последний (красивые шрифты, хорошая бумага, пробелы, иногда печатался в три-четыре краски):

а) «Рубеж»;

б) «Числа»;

в) «Парус»;

г) «Врата».

18. В какой статье поднимался вопрос о косвенной цензуре?

а) «Убийство русской литературы»;

б) «На Родине. Мы и они»;

в) «Прошлое, настоящее, будущее» (Мысли о национальном возрождении России);

г) «А что внутри?».

19. Первая газета, появившаяся в Харбине:

а) «Заря»;

б) «Харбинский вестник»;

в) «Наша Заря»;

г) «Листок ежедневных телеграмм и объявлений».

20. Что понимал Н.В. Устрялов под большевизмом:

а) идеологию;

б) экономический строй;

в) политическое учение;

г) моральную доктрину.

Литература

Основная:

1. Бережной А.Ф. По страницам неисследованных изданий русской периодики: (Из истории русского зарубежья): Очерки. С.-Петербург. 1999. – 120 с.
2. Бузуев О.А. Очерки по истории литературы русского зарубежья Дальнего Востока (1917 -1945). М. 2000, 123 с.
3. Василенко Н.А. Об истории русской печати в Харбине (по материалам китайских публикаций) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 3. – Амурский гос. ун-т. Благовещенск, 2002. – 664 с.
4. Кочубей О.И., Печерица В.Ф. Исход и возвращение... (Русская эмиграция в Китае в 20-40-е годы). Владивосток, 1998.
5. Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918 - 1940) / Том 1. Писатели русского зарубежья. М. 1997 , 512 с.
6. Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918-1940) / Том 2. Периодика и литературные центры. М. 2000, 640 с.
7. Огороков А.В. Фашизм и русская эмиграция (1920-1945 гг.). М.: «РУСАКИ», 2001. – 593 с.
8. Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX в. Энциклопедический биографический словарь. М. 1997, 742 с.
9. Журналистика русского зарубежья XIX – XX веков: Учебное пособие / А.Ф. Бережной, Н.Л. Волковский, Л.П. Громова и др.; Под ред. Г.В. Жиркова. СПб: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2003. – 320 с.
10. Публицистика русского зарубежья. Сборник статей. Составители: И.В. Кузнецов, Е.В. Зеленина. М, 1999. – 351 с.
11. Язык и литература русского восточного зарубежья. Материалы областного научно-методического семинара «Региональный компонент в преподавании русского языка и литературы» / Под общ. Ред. Е.А. Оглезнева. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2003.

Дополнительная:

1. Бусласова Т.П. Литература русского зарубежья: Курс лекций / Т.П. Бусласова М.: Высш. шк.; 2003. – 365 с.
2. Россия и Китай на дальневосточных рубежах. 2. / Амурский гос. ун-т. Благовещенск, 2001.
3. Литература русского зарубежья в Китае (в г. Харбине и Шанхае). Библиография // Сост. Дяо Шаохуа. Харбин, изд-во Бейфан Вен-и, 2001.
4. Михайлов О.Н. литература русского зарубежья. От Мережковского до Бродского. М., 2001.
5. Раев М.И. Россия за рубежом. История культуры российской эмиграции, 1918-1939. М, 1994.
6. Соколов А.Г. Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х гг. – М., 1991.
7. Струве Г.П. Русская литература в изгнании. Опыт исторического обзора зарубежной литературы. Изд. 3-е, испр. и доп. Париж–Москва, 1996.

Журналы и сборники

Указатель периодических изданий русского зарубежья, выходивших в Китае

Библиографический сборник: Обзор литературы по китаеведению / Ред. — директор Центральной библиотеки КВЖД проф. Н.В. Устрялов. Харбин, 1932. Т. 1-11. Ранее (в 1927-30) носил название «Библиографический бюллетень Центральной библиотеки КВЖД» и публиковался на страницах журнала «Вестник Маньчжурии».

1. **Вестник Маньчжурии** / Изд. Управления КВЖД (Кит.-Вост. желез. дороги). Харбин, 1923-1934. Ранее газ. «Вестник Маньчжурии» (1918-20). Приложение «Экономический бюллетень».
2. **Луч Азии:** Двухнедельный (затем Ежемесячный) литературно-художественный, научно-популярный и общественно-политический журнал / Ред. А. Краснов, затем С. Корнилов. Харбин, 1932 или 1934-1945. № 1-142.
3. **Нация:** Ежемесячный рус. общественно-политический журнал. Изд. Верховного совета Всероссийской фашистской партии. / Ред. О.В. Константинов. Шанхай; Харбин, 1932-1943.
4. **Рубеж:** Ежедневный литературно-художественный журнал / Ред. М. Рокотов (М.С. Бибинов); Изд. Е.С. Кауфман. Харбин; Шанхай, (1927-1946). № 1-(825).

5. **Русская жизнь:** Альманах (Непериодическое изд., посвященное вопросам общественным, экономическим и культурным). Вып. 1-4/ (Ред. Н.В. Устрялов, Г.Н. Дикий); Изд. «Русской жизни». Харбин, 1922-1923.
6. **Русские записки:** Общественно-политический и литературный журнал /При ближайшем участии Н.Д. Авксентьева, И.И. Бунакова-Фондамнского, М.В. Вишняка, В.В. Руднева; (затем Ежемесячный журнал /Ред. П.Н. Милюков (с 1938, № 4). Париж; Шанхай. 1937-1939. № 1-20/21.
7. **Феникс:** Иллюстрированный еженедельник / Ред. С.Г. Шахматов; Изд. Литературно-художественного объединения «Восток». Шанхай, (1935-1936). № 1-(29).

Газеты

1. **Заря:** Ежедневная демократическая газета/ Ред. (последовательно) М.С. Лембич, Н.П. Кобцов, Г.Н. Шипков. Харбин, 1920-1939.
2. **Молодая Чураевка:** Газета для юношества / Ред. А. Ачаир; Изд. Кружка при Ассоциации христианской молодежи (УМСА) в Харбине. Харбин, 1932, 3 июля-6 авг. № 1-6. (Еженедельное приложение к газете «Харбинские ежедневные новости»). Далее газ. «Чураевка» (1932-34).
3. **Наш путь:** Ежедневный орган русской национальной мысли за рубежом / Ред. К.В. Родзаевский; Изд. В.Н. Василенко. Харбин, 1932-1941- Шанхай 1941-1943.
4. **Новости жизни:** Ежедневная политическая, общественная, литературная, торгово-промышленная газета/ Ред. З.Г. Клиорон, С.Р. Чернявский. Харбин, 1907-1929.
5. **Рупор:** Ежедневная вечерняя демократическая газета/ Ред. И.Л. Миллер; Изд. Е.С. Кауфман. Харбин, 1921-1930.
6. **Русский голос:** ежедневная газета/ Ред. И.К. Окунцов, с 1920 А.Я. Браиловский. Нью-Йорк, 1917, февр. –... Изд. продолжается. Русский голос: Ежедневная газета/ Редактор-издатель С.В. Востротин. Харбин. 1920, 1 июля-1926, 30 янв. № 1-(1616).

7. **Русское эхо**: Ежедневная (с июля 1922 Ежедневная) антибольшевистская общественно-политическая, промышленная и литературная газета: Орган защиты рус. интересов в Китае / Редактор-издатель И.Н. Шендриков. Шанхай, 1920-1922. № 1-(602).
8. **Шанхайская заря**: Ежедневная газета/ Глав. ред. Б.А. Суворин (1928-29); Ред. Л.В. Арнольд; Изд. М.С. Лембич. Шанхай, 1924-1940. № 1-(4820).

ХРЕСТОМАТИЯ

Одна из основных целей предлагаемого вниманию читателей сборника текстов – показать своеобразие исторических условий, в которых развивалась журналистика русского зарубежья, показать движение общественных и философских идей, отражавшиеся на страницах газет и журналов, познакомить читателей с мнениями и взглядами, которые многие десятилетия считались ошибочными и даже враждебными, но оказали в свое время влияние на развитие общественной мысли.

Для включения в настоящее пособие были отобраны те материалы, которые вызвали наибольший общественный резонанс, полемику в печати (статьи *Н.В. Устрялова*, *П.Б. Струве* и др. В сборник включены и тексты, в которых идет речь о состоянии русской журналистики (статьи *М.В. Вишняка* «На Родине. Традиции русской журналистики»; «На Родине. Мы и они»; *В.М. Чернова* «Убийство русской литературы).

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ БУНИН

МИССИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

(Речь, произнесенная в Париже 16 февраля 1924 года)

Соотечественники.

Наш вечер посвящен беседе о миссии русской эмиграции.

Мы эмигранты, – слово «emigrer» к нам подходит как нельзя более. Мы в огромном большинстве своем не изгнанники, а именно эмигранты, то есть люди, добровольно покинувшие родину. Миссия же наша связана с причинами, в силу которых мы покинули ее. Эти причины на первый взгляд разнообразны, но в сущности сводятся к одному: к тому, что мы так или иначе не приняли жизни, воцарившейся с некоторых пор в России, были в том или ином несогласии, в той или иной борьбе с этой жизнью и, убедившись, что дальнейшее сопротивление наше грозит нам лишь бесплодной, бессмысленной гибелью, ушли на чужбину.

Миссия – это звучит возвышенно. Но мы взяли и это слово вполне сознательно, памятуя его точный смысл. Во французских толковых словарях сказано: «миссия есть власть, данная делегату идти делать что-нибудь». А делегат означает лицо, на котором лежит поручение действовать от чьего-нибудь имени. Можно ли употреблять такие почти торжественные слова в применении к нам? Можно ли говорить, что мы чьи-то делегаты, на которых возложено некое поручение, что мы представляем за кого-то? Цель нашего вечера – напомнить, что не только можно, но и должно. Некоторые из нас глубоко устали и, быть может, готовы, под разными злостными влияниями, разочароваться в том деле, которому они так или иначе служили, готовы назвать свое пребывание на чужбине никчемным и даже зазорным. Наша цель – твердо сказать: подымите голову! Миссия, именно миссия, тяжкая, но и высокая, возложена судьбой на нас.

Нас, рассеянных по миру, около трех миллионов. Исключите из этого громадного числа десятки и даже сотни тысяч попавших в эмигрантский поток уже совсем несознательно, совсем случайно; исключите тех, которые, будучи противниками (вернее, соперниками) нынешних владык России, суть однако их кровные братья; исключите их пособников, в нашей среде пребывающих с целью позорить нас перед лицом чужеземцев и разлагать нас: останется все-таки нечто такое, что даже одной своей численностью говорит о страшной важности событий, русскую эмиграцию создавших, и дает полное право пользоваться высоким языком. Но численность наша еще далеко не все. Есть

еще нечто, что присваивает нам некое назначение. Ибо это нечто заключается в том, что поистине мы некий грозный знак миру и посильные борцы за вечные, божественные основы человеческого существования, ныне не только в России, но и всюду пошатнувшиеся.

Если бы даже наш исход из России был только инстинктивным протестом против душегубства и разрушительства, воцарившегося там, то и тогда нужно было бы сказать, что легла на нас миссия некоего указания: «Взгляни, мир, на этот великий исход и осмысли его значение. Вот перед тобой миллион из числа лучших русских душ, свидетельствующих, что далеко не вся Россия приемлет власть, низость и злодеяния ее захватчиков; перед тобой миллион душ, облеченных в глубочайший траур, душ, коим было дано видеть гибель и срам одного из самых могущественных земных царств и знать, что это царство есть плоть и кровь их, дано было оставить дома и гробы отчие, часто поруганные, оплакать горчайшими слезами тысячи и тысячи безвинно убиенных и замученных, лишиться всякого человеческого благополучия, испытать врага столь подлого и свирепого, что нет имени его подлости и свирепству, мучиться всеми казнями египетскими в своем отступлении перед ним, воспринять все мыслимые унижения и заушения на путях чужеземного скитальчества: взгляни, мир, и знай, что пишется в твоих летописях одна из самых черных и, быть может, роковых для тебя страниц!»

Так было бы, говорю я, если бы мы были просто огромной массой беженцев, только одним своим наличием вопиющих против содеянного в России, – были, по прекрасному выражению одного русского писателя, ивиковыми журавлями, разлетевшимися по всему поднебесью, чтобы свидетельствовать против московских убийц. Однако это не все: русская эмиграция имеет право сказать о себе гораздо больше. Сотни тысяч из нашей среды восстали вполне сознательно и действительно против врага, ныне столицу свою имеющего в России, но притязующего на мировое владычество, сотни тысяч противоборствовали ему всячески, в полную меру своих сил, многими смертями запечатлели свое противоборство — и еще неизвестно, что было бы в Европе, если бы не было

этого противоборства. В чем наша миссия, чьи мы делегаты? От чьего имени дано нам действовать и представлять? Поистине действовали мы, несмотря на все наши человеческие падения и слабости, от имени нашего Божеского образа и подобия. И еще – от имени России: не той, что предала Христа за тридцать сребреников за разрешение на грабеж и убийство и погрязла в мерзости всяческих злодеяний и всяческой нравственной проказы, а России другой, подъяремной, страждущей, но все же до конца не покоренной. Мир отвернулся от этой страждущей России, он только порою уподоблялся тому римскому солдату, который поднес к устам Распятого губку с уксусом. Европа мгновенно задавила большевизм в Венгрии, не пускает Габсбургов в Австрию, Вильгельма в Германию. Но когда дело идет о России, она тотчас вспоминает правило о невмешательстве во внутренние дела соседа и спокойно смотрит на русские **«внутренние дела»**, то есть на шестилетний погром, длящийся в России, и вот дошла даже до того, что **узаконяет** этот погром. И вновь, и вновь исполнилось таким образом слово Писания: «Вот выйдут семь коров тощих и пожрут семь коров тучных, сами же от того не станут тучнее... Вот темнота покрывает землю и мрак – народы... **И лицо поколения будет собачье...**» Но тем важнее миссия русской эмиграции.

Что произошло? Произошло великое падение России, а вместе с тем и вообще падение человека. Падение России ничем не оправдывается. Неизбежна была русская революция или нет? Никакой неизбежности, конечно, не было, ибо, несмотря на все эти недостатки, Россия цвела, росла, со сказочной быстротой развивалась и видоизменялась во всех отношениях. Революция, говорят, была неизбежна, ибо народ жаждал земли и таил ненависть к своему бывшему господину и вообще к господам. Но почему же эта будто бы неизбежная революция не коснулась, например, Польши, Литвы? Или там не было барина, нет недостатка в земле и вообще всяческого неравенства? И по какой причине участвовала в революции и во всех ее зверствах Сибирь с ее допотопным обилием крепостных уз? Нет, неизбежности не было, а дело было все-таки сделано, и как и под каким знаменем? Сделано оно было ужасающе и знамя их было и есть

интернациональное, то есть претендующее быть знаменем всех наций и дать миру, взамен синайских скрижалей и Нагорной проповеди, взамен древних божеских уставов, нечто новое и дьявольское. Была Россия, был великий, ломившийся от всякого скарба дом, населенный огромным и во всех смыслах могучим семейством, созданный благословенными трудами многих и многих поколений, освященный богопочитанием, памятью о прошлом и всем тем, что называется культом и культурой. Что же с ним сделали? Заплатили за свержение домоправителя полным разгромом буквально всего дома и неслыханным братоубийством, всем тем кошмарно-кровавым балаганом, чудовищные последствия которого неисчислимы и, быть может, вовеки непоправимы. И кошмар этот, повторяю, тем ужаснее, что он даже всячески прославляется, возводится в перл создания и годами длится при полном попустительстве всего мира, который уж давно должен был бы крестовым походом идти на Москву.

Что произошло? Как не безумна была революция во время великой войны, огромное число будущих белых ратников и эмигрантов приняло ее. Новый домоправитель оказался ужасным по своей всяческой негодности, однако, чуть не все мы грудью защищали его. Но Россия, поджигаемая «планетарным» злодеем, возводящим разнузданную власть черни и все самые низкие свойства ее истинно в религию, Россия уже сошла с ума, – сам министр-президент на московском совещании в августе 17 года заявил, что уже зарегистрировано, – только зарегистрировано – десять тысяч зверских и бессмысленных народных «самосудов». А что было затем? Было величайшее в мире попрание и бесчестие всех основ человеческого существования, начавшегося с убийства Духонина и «похабного мира» в Бресте и докатившееся до людоедства. Планетарный же злодей, осененный знаменем с издевательским призывом к свободе, братству и равенству, высоко сидел на шее русского дикаря, и весь мир призывал в грязь топтать совесть, стыд, любовь, милосердие, в прах дробить скрижали Моисея и Христа, ставить памятники Иуде и Каину, учить «Семь заповедей Ленина». И дикарь все дробил, все топтал и даже дерзнул на то, чего ужаснулся бы сам дьявол: он вторгся в самую Святую святых своей родины, в место страшного и

благословенного таинства, где пока почивал величайший Зиждитель и Заступник ее, коснулся раки Преподобного Сергия, гроба, перед коим веками повергались целые сонмы русских душ в самые высокие мгновения их земного существования. Боже, и это вот к этому самому дикарю должен я идти на поклон и служение? Это он будет державным хозяином всея новой Руси, осуществившим свои «заветные чаяния» за счет соседа, зарезанного им из-за полдесятины лишней «земельки»? В прошлом году, читая лекцию в Сорбонне, я приводил слова великого русского историка Ключевского⁵: «Конец русскому государству будет тогда, когда разрушатся наши нравственные основы, когда погаснут лампы над гробницей Сергия Преподобного и закроются врата Его Лавры». Великие слова, ныне ставшие ужасными! Основы разрушены, врата закрыты и лампы погашены. Но без этих лампад не бывать русской земле – и нельзя, **преступно служить ее тьме.**

Да, колеблются устои **всего** мира, и уже представляется возможным, что мир не двинулся бы с места, если бы развернулось красное знамя даже и над Иерусалимом и был бы выкинут самый Гроб Господень: ведь московский Анти-христ уже мечтает о своем узаконении даже самим римским наместником Христа. Мир одержим еще небывалой жадной корысти и равнением на толпу, снова уподобляется Тиру и Сидону, Содому и Гоморр. Тир и Сидон ради торгашества ничем не побрезгуют, Содом и Гоморра ради похоти ни в чем не постесняются. Все растущая в числе и все выше поднимающая голову толпа сгорает от страсти к наслаждению, от зависти ко всякому наслаждающемуся. И одни (жаждущие покупателя) ослепляют ее блеском мирового базара, другие (жаждущие власти) разжиганием ее зависти. Как приобрести власть над толпой, как прославиться на весь Тир, на всю Гоморру, как войти в бывший царский дворец или хотя бы увенчаться венцом борца якобы за благо народа? Надо дурачить толпу, а иногда даже и самого себя, свою совесть, надо покупать расположение толпы угождением ей. И вот образовалось в мире уже целое полчище провозвестников «новой» жизни, взявших мировую привилегию, концессию на предмет устройства человеческого блага, будто бы всеобщего и

будто бы равного. Образовалась целая армия профессионалов по этому делу – тысячи членов всяческих социальных партий, тысячи трибунов, из коих и выходят все те, что в конце концов так или иначе прославляются и возвышаются. Но, чтобы достигнуть всего этого, надобна, повторяю, великая ложь, великое угодничество, устройство волнений, революций, надо от времени до времени по колению ходить в крови. Главное же надо лишить толпу «опиума религии», дать вместо Бога идола в виде тельца, то есть, проще говоря, скота. Пугачев! Что мог сделать Пугачев? Вот «планетарный» скот – другое дело. Выродок, нравственный идиот от рождения, Ленин явил миру как раз в самый разгар своей деятельности нечто чудовищное, потрясающее; он разорил величайшую в мире страну и убил несколько миллионов человек – и все-таки мир уже настолько сошел с ума, что среди бела дня спорят, благодетель он человечества или нет? На своем кровавом престоле он стоял уже на четвереньках; когда английские фотографы снимали его, он поминутно высовывал язык: ничего не значит, спорят! Сам Семашко брякнул сдуру во всеуслышание, что в черепе этого нового Навуходоносора нашли зеленую жижу вместо мозга; на смертном столе, в своем красном гробу, он лежал, как пишут в газетах, с ужаснейшей гримасой на серо-желтом лице: ничего не значит, спорят! А соратники его, так те прямо пишут: «Умер новый бог, создатель Нового Мира, Демиург!» Московские поэты, эти содержанцы московской красной блудницы, будто бы родящие новую русскую поэзию, уже давно пели:

Иисуса на крест, а Варраву –
Под руки и по Тверскому...
Кометой по миру вытяну язык.
До Египта раскорячу ноги...
Богу выщиплю бороду.
Молюсь ему матерщиной...

И если все это соединить в одно – и эту матерщину, и шестилетнюю державу бешеного, и хитрого маньяка, и его высовывающийся язык, и его красный гроб, и то, что Эйфелева башня принимает радио о похоронах уже не просто Ленина, а нового Демиурга, и о том, что Град Святого Петра переименовывается в

Ленинград, то охватывает поистине библейский страх не только за Россию, но и за Европу: ведь ноги-то раскорячиваются действительно очень далеко и очень смело. В свое время непременно падет на все это Божий гнев, – так всегда бывало. «Се Аз восстану на тя, Тир и Сидон, и низведу тя в пучину моря...» И на Содом и Гоморру, на все эти Ленинграды падет огонь, и сера, а Сион, Селим, Божий Град Мира, пребудет вовеки. Но что же делать сейчас, что делать человеку вот этого дня и часа, русскому эмигранту?

Миссия русской эмиграции, доказавшей своим исходом из России и своей борьбой, своими ледяными походами, что она не только за страх, но и за совесть не приемлет Ленинских градов, Ленинских заповедей, миссия эта заключается ныне в продолжении этого неприятия. «Они хотят, чтобы реки текли вспять, не хотят признать совершившегося!» Нет, не так, мы хотим не обратного, а только иного течения. Мы не отрицаем факта, а расцениваем его, – это наше право и даже наш долг, – и расцениваем с точки зрения не партийной, не политической, а человеческой, религиозной. «Они не хотят ради России претерпеть большевика!» Да, не хотим – можно было претерпеть ставку Батые, но Ленинград нельзя претерпеть. «Они не прислушиваются к голосу России!» Опять не так: мы очень прислушиваемся и – ясно слышим все еще тот же и все еще преобладающий голос хама, хищника и комсомольца да глухие вздохи. Знаю, многие уже сдались, многие пали, а сдадутся и падут еще тысячи и тысячи. Но все равно: останутся и такие, что не сдадутся никогда. И пребудут в верности заповедям Синайским и Галилейским, а не планетарной матерщине, хотя бы и одобренной самим Макдональдом. Пребудут в любви к России Сергия Преподобного, а не той, что распевала: «Ах, ах, тра-та-та, без креста!» и будто бы мистически пылала во имя какого-то будущего, вящего воссияния. Пылала! Не пора ли оставить эту бессердечную и жульническую игру словами, эту политическую риторику, эти литературные пошлости? Не велика радость пылать в сыпном тифу или под пощечинами чекиста! Целые города рыдали и целовали землю, когда их освобождали от этого пылания. «Народ не принял белых...» Что же, если это так, то это только лишнее доказательство глубокого падения народа. Но, слава

Богу, это не совсем так: не принимали хулиган, да жадная гадина, боявшаяся, что у нее отнимут назад ворованное и грабленное.

Россия! Кто смеет учить меня любви к ней? Один из недавних русских беженцев рассказывает, между прочим, в своих записках о тех забавах, которым предавались в одном местечке красноармейцы, как они убили однажды какого-то нищего старика (по их подозрениям, богатого), жившего в своей хибарке совсем одиноко, с одной худой собачонкой. Ах, говорится в записках, как ужасно металась и ныла эта собачонка вокруг трупа и какую лютую ненависть приобрела она после этого ко всем красноармейцам: лишь только завидит вдали красноармейскую шинель, тотчас же вихрем несется, захлебывается от яростного лая! Я прочел это с ужасом и восторгом, и вот молю Бога, чтобы Он до моего последнего издыхания продлил во мне подобную же собачью святую ненависть к русскому Каину. А моя любовь к русскому Авелю не нуждается даже в молитвах о поддёрствованию» мертвецов, которыми будто бы оказались мы. За ней, за этой статьёй, последовало еще не малое количество подобных же строк (даже статей — «Пастыри и молодежь», «Апостольство или недоразумение», «Религия и аполитизм» и т. д.), нашедших отклик в Праге и даже в Москве. И легенда все растет, и вот какой-то г. Быстрое доходит уже до того, что утешает «Последние Новости» на счет общественного влияния того самого вздора, который ими же самими и выдуман: не бойтесь, говорит он в номере от 25 марта, — молодежь не пойдет за этими писателями, «ставшими за границей публицистами и на сто лет от жизни отставшими!».

Думаю, что читатель «Руля» не посетует на то, что появляется, наконец, в печати один из подлинных документов страшной и зловредной отсталости от века, проявленной в Париже 16 февраля (а 5 апреля имеющей быть продолженной) и не сочтет за личную полемику мою приписку к этому документу: дело имеет все-таки некоторый общий интерес. И тем более имеет, что в московской «Правде» от 16 марта уже появилась статья, почти слово в слово совпадающая со всем тем, что писалось о нас в «Последних Новостях». Московская «Правда» тоже страстно жаждет нашей смерти, моей особенно, для видимости беспристрастия

тоже не скупясь в некрологах на похвалы. Она сперва сообщила, что я на смертном одре в Ницце, потом похоронила меня (а вместе со мною Мережковского и Шмелева) по способу «Последних Новостей» – морально. В «Правде» статья озаглавлена «Маскарад мертвецов» и в статье этой есть такие строки:

«Просматривая печать белой эмиграции, кажется» — какой прекрасный русский язык! – «кажется, что попадаешь на маскарад мертвых...».

«Бунин, тот самый Бунин, новый рассказ которого был когда-то для читающей России подарком, позирует теперь под библейского Иоанна... выступает в его черном плаще... как представитель и защитник своего разбитого революцией класса... Это особенно ярко сказывается в его последних произведениях: в рассказе «Несрочная Весна» и в стихах в «Русской Мысли»... Здесь он не только помещик, но помещик-мракобес, эпигон крепостничества... Он мечтает, как и другой старый белогвардеец, Мережковский, о крестовом походе на Москву... А Шмелев, приобщившийся к белому подвижничеству только в прошлом году, идет еще дальше: один из значительных предреволюционных писателей, он не крепостник, а народник... Для него «народ» кроток и безвинен, сахарная бонбоньерка, крылатый серафим... и он во всем обвиняет интеллигенцию и Московский университет, недостаточно усмирленный в свое время романовскими жандармами...».

«Вообще выступление этих трех писателей, по сравнению с которыми даже вехи 1907 г. кажутся безвинной елочной хлопушкой, вызвало в эмиграции широкий отклик. Даже седенький профессор (П.Н. Милюков)... назвал это выступление в своей парижской газете голосами из гроба...».

Париж, 29 марта 1924 г.

1924, 5 апреля.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ УСТРЯЛОВ

(1890–1937)

НАЦИОНАЛ-БОЛЬШЕВИЗМ

(ответ П.Б. Струве)

Из всей обширной критической литературы, посвященной «национал-большевизму», статья П.Б. Струве в берлинском «Руле» представляется наиболее примечательной. Она сразу берет проблему в корне, выдвигает самые существенные, самые серьезные возражения, формулируя их выпукло, лапидарно и изящно. В ней нет ничего лишнего, но главное, что можно сказать против оспариваемой позиции, исходя из ее же собственного отправного пункта («имманентная критика»), – ею сказано.

Тем отраднее констатировать ее внутреннее бессилие по существу опровергнуть национал-большевизм в его основных утверждениях. Даже и наиболее, казалось бы, веские, наиболее убедительные на первый взгляд аргументы, по-видимому, неспособны поколебать этой точки зрения, завоевывающей ныне все более широкие симпатии в стане русских патриотов. Разберемся в интересующей нас статье.

Решающая ошибка П.Б. Струве состоит в том, что он смешивает большевизм с коммунизмом. Исходя из этого неверного и недосказанного им отождествления, он и получает легкую возможность утверждать «абсолютную и объективную антинациональность большевизма».

Я готов согласиться с П.Б. Струве, поскольку острие его полемики направлено против ортодоксального коммунизма. Едва ли реже, чем моим нынешним политическим противникам, приходилось мне самому подчеркивать чрезвычайную экономическую вредоносность коммунистического режима в современной России (эта сторона примиренческой позиции уже отмечалась в критической литературе: ср., напр., статьи Пасманика в «Общем Деле» и проф. Ященко в № 5 «Русской Книги»). Струве совершенно не прав, заявляя, будто национал-большевизм, увлекшись государственным фасадом Советской России, склонен «идеализировать весь ее строй» (т.е. очевидно, включая и социально-экономическое экспериментаторство?). Этого никогда не было и не могло быть.

Но ведь в том-то и дело, что советский строй не только не исчерпывается экономической политикой «немедленного» коммунизма, но даже и не связан с нею органически и неразрывно. Сам Струве несколькими строками ниже

говорит о большевизме, как о «государственной системе», представляющей собою «чистейшую политическую надстройку без экономического базиса или фундамента». Таким образом, необходимо признать, что качество «абсолютной и объективной антинациональности» присуще не большевизму, как таковому, а лишь той экономической политике, которую вела большевистская власть в период гражданской войны в неоправданном расчете на близкую мировую революцию.

Однако, общая обстановка заставила ее изменить систему своей экономической политики. Пришло время, когда хозяйственная опустошительность социального опыта уже не может более компенсироваться никакими политическими успехами революционной власти. Государство затосковало по хозяйству. На наших глазах происходит то тактическое «перерождение большевизма», которое нами упорно предсказывалось вот уже более полутора лет (см. хотя бы мою статью «Перспективы» в сборнике «В борьбе за Россию»), и ориентация на которое есть один из основных элементов национал-большевистской идеологии и тактики. Коммунизм из реальной программы дня постепенно становится своего рода «регулятивным принципом», все меньше отражающимся на конкретном организме страны. Советская власть капитулирует в сфере своей экономической политики, – какими бы правдоподобными словами эта капитуляция ни прикрывалась ее официальными представителями.

Совершенно верное указание на национальную вредоносность коммунизма бьет, таким образом, мимо «примиренцев», поскольку они утверждают (а жизнь подтверждает), что большевизм эволюционно принужден будет во имя сохранения своей «эффектной политической надстройки», нужной ему для мировых целей, ликвидировать хозяйственно не оправдавший себя «базис» насильственного, «азиатского коммунизма». Тем самым и фасад мало-помалу окончательно утратит свою кажущуюся «призрачность» и обманчивость.

При этом для нас имеют лишь второстепенное значение мотивы, которыми руководствуется советская власть в своей «эволюции». П.Б. Струве правильно подчеркнул в первой своей статье наше утверждение: большевизм может осу-

ществить известную национальную задачу вне зависимости от своей интернационалистической идеологии.

Другой вопрос – удастся ли советской власти в тяжелых условиях современной русской жизни перевести страну на «новые хозяйственные рельсы». Но что она принуждена «искренно» и всеми силами стремиться к этому, – сомнений быть уже не может. Равным образом ясно, что это ее устремление – объективно в интересах страны. Следовательно, оно должно встретить активную поддержку со стороны русских патриотов. Другой же путь – «возврат к капитализму» через новую политическую революцию – при данной обстановке несравненно более эфемерен, извилист и разрушителен.

2.

Государственная «надстройка» имеет самостоятельный корень и самодовлеющее значение. Государственная мощь создается духом еще в большей мере, нежели материей; тем более что здоровый дух в конечном счете неизбежно дополняет себя и материальной мощью – облекается в золото и ощетиливается штыками. Вообще говоря, терминология марксизма, которую зачем-то пользуется П.Б. Струве в нашем споре, совсем не идет к делу и лишь напрасно затемняет проблему. Ни для него, как для участника «Вех», ни для меня, как для их воспитанника, не может быть сомнения в огромной и творческой ценности самого начала социальной организации, как такового. В социальной жизни «надстройка» может подчас сыграть созидательную и решающую роль. Она не есть непременно нечто вторичное и производное, фатально предопределенное фундаментом. Она может сама обрести базу, при чем нет математически установленного соотношения между данной конкретной надстройкой и определенной конкретной базой. В творческих поисках экономической основы, государственное здание может само себя трансформировать. Нет надобности его, во что бы то ни стало, разрушать дотла, чтобы не очутиться перед сплошной грудой развалин без всякого фундамента и без всякой постройки вообще. Спасение приходит часто через «политику», через «фасад», – так сказать сверху, а не снизу. Как же игнорировать политическую организацию, которую сумела

выковать наша революция только на том основании, что до сего времени эта организация сочеталась с утопической и вредной системой хозяйствования?

Не могу не признаться, что с моей точки зрения правительства Львова и Керенского, в полгода доведшие (пусть невольнo) страну до полного государственного распада методами своей политики, едва ли не в большей степени заслуживают названия «абсолютно и объективно антинациональных», нежели большевизм, сумевший ни из чего возродить государственную дисциплину и создать хотя бы «эффектный фасад государственности». Для начала и это бесконечно много. Через мощную, напряженно волевою власть, и только через нее одну, Россия может прийти к экономическому и общенациональному оздоровлению. Какой же смысл расшатывать в таких муках создавшуюся революционную власть, не имея взамен никакой другой, – да еще тогда, когда наличная власть делает героические усилия восстановить государственное хозяйство, хотя бы путем постепенного возвращения к «нормальным условиям хозяйственной жизни», до сих пор ею по принципиальным соображениям уничтожавшимся?

Я понимаю «формальных демократов» и радикалов-интеллигентов старого типа в их органической ненависти к «московским диктаторам». Эти по-своему цельные, хотя и мало интересные люди, еще долгое время останутся в России профессионалами подполья и перманентными обитателями Бутырок. Но разве место в их рядах или рядом с ними тем, кто так чуждается «дореволюционной интеллигентщины» и постиг до конца логику государственной идеи?

Пусть конечные цели большевиков внутренне чужды идеям государственного и национального могущества. Но не в этом ли и заключается «божественная ирония» исторического разума, что силы, от века хотящие «зла», нередко вынуждаются «объективно» творить «добро»?..

3.

Откровенно говоря, меня прямо поражает утверждение П.Б. Струве, что «события на опыте опровергли национал-большевизм». Мне кажется – как раз наоборот, события покуда только и делают, что подтверждают его с редкостной

очевидностью, оправдывая все наши основные прогнозы и систематически обманывая все ожидания наших «друзей-противников». Идеология примиренчества прочно входит в историю русской революции. Кстати, простая хронологическая справка опровергает догадку Струве о причинной зависимости этой идеологии от эпизодических большевистских успехов на польском фронте: определяющие положения национал-большевизма, тогда уже «носившиеся в воздухе» и проникавшие к нам из глубин России, были мною сформулированы печатно в феврале 20 года, а устно и предположительно (ближайшим политическим друзьям) – еще раньше в последние месяцы жизни омского правительства. Будучи внутренне обусловлена анализом русской революции, как известного сложного явления русской и всемирной истории, идеология национал-большевизма внешне порождена *приятием результата нашей гражданской войны* и открыто выявлена за границу в связи с ликвидацией белого движения в его единственной серьезной и государственно-многообещающей форме (Колчак-Деникин). Струве прав, признавая, что это течение «родилось из русской неэмигрантской почвы и отражает какие то внутренние борения, зачатые и рожденные в революции». Дни польской войны дали ему лишь яркий внешний пафос, естественно потускневший после ее окончания, но сделавший свое дело, широко распространив лозунги и прояснив лик народившегося течения. Логическое же его содержание было нисколько не поколеблено неудачным исходом польской войны. Дальнейшие события – крушение Врангеля, сумевшего лишь обеспечить Польше рижский мир, явное обмельчание и абсолютное духовное оскудение дальнейших белых потуг (ср. позорище нынешнего Владивостока), и главное, начавшаяся тактическая эволюция большевизма – все это лишь укрепляло нашу политическую позицию и обуславливало ее успехи в широких кругах русских националистов, заметно разочаровывающихся в эмигрантской «головке».

Мы никогда не ждали чуда от нашей пропаганды и не прикрашивали безотрадного состояния современной России. Приходилось выбирать путь наименьшего сопротивления, наиболее жизненный и экономный при

создавшихся условиях. Нельзя было не предвидеть всей его тернистости и длительности, но выбора не было.

Пусть П.Б. Струве перечтет статьи своих единомышленников за последний год и сравнит их с литературой национал-большевизма: кто проявил большую трезвость, больше чутье действительности, и кто обнаружил больше политического «сумбура»? Кто сумел установить известную историческую перспективу, и кто фатально принимал всех мух за слонов, настоящего-то слона так и не удосужившись приметить?..

4.

Наконец, что же противопоставляется самим П.Б. Струве отвергаемой им политической тактике? – Неясно. – «Сумбурно». Дразнящая «апория» на самом интересном месте, как в ранних диалогах Платона.

Впрочем, в «Размышлениях о русской революции» высказывается такой прогноз-императив: «Русская контрреволюция сейчас смятая и залитая революционными волнами, по-видимому, должна войти в какое-то неразрывное соединение с некоторыми элементами и силами, выросшими на почве революции, но ей чуждыми и даже противоположными» (стр. 32).

Эта туманная фраза (сама по себе дающая материал и для выводов в духе национал-большевизма) получает известное разъяснение в анализируемой статье из «Руля». И это разъяснение делает ее в моих глазах уже совсем неприемлемой. «Некоторые элементы и силы» – это, очевидно, прежде всего красная армия, которую П.Б. Струве и рекомендует использовать непосредственно в целях контрреволюции, т.е. направить ее против большевистского режима в той революционной борьбе, которую должны с ним вести национальные силы.

Этот рецепт при современной политической конъюнктуре, явно неудачен: в лучшем случае, он утопичен, а в худшем – антинационален и противогосударственен. Если он имеет в виду безболезненный и «в полном порядке» акт выступления красной армии (со всеми ее курсантами) против нынешней русской власти, во имя определенной идеи или определенного лица, – то он просто «лишен всякого практического смысла», и из него, как из наивной

фантазии, «нельзя извлечь никаких директив для практических действий», даже при признании его «теоретически правильным». Если же он стремится разложить красную армию теми методами, какими в свое время большевики разлагали белую, – он национально преступен и безумен, ибо разрушает те «белые принципы», которые, по меткому замечанию Шульгина, переползли-таки за линию красного фронта в результате нашей ужасной, но поучительной гражданской войны... Я убежден, что именно П.Б. Струве должен понимать лучше других всю безмерную опасность внесения революции в красную армию, всю недопустимость новой демагогической дезорганизации русской военной силы. Зачем же бросать недоговоренные лозунги и двусмысленные рецепты. К чему этот рецидив красной большевистской весны?..

Момент конфликта революции с «некоторыми элементами и силами, выросшими на ее почве, но ей глубоко чуждыми», еще далеко не настал и пока что он даже не обрисовывается впереди. Напротив, в данный момент наблюдается скорее своеобразное взаимное сближение этих двух факторов современной жизни России. Нет смысла искусственно вызывать или форсировать их конфликт, – гораздо более целесообразно добиваться возможно большего органического или даже механического приспособления революции к национальным интересам страны, хотя бы формально и внешне победа осталась за интернационалистской революцией, хотя бы лозунги ее были по-прежнему внешне противоположны началам национализма и государственности. И та сторона национал-большевизма, которую Струве неправильно называет «идеологией национального отчаяния», как раз и учитывает известную полезность революционной формы в «защитных» государственных целях. Не совсем для меня понятная ссылка на «чудовищное лицемерие и маккиавелизм» такой точки зрения не может служить ее убедительным опровержением. Тем более что ведь сама-то революция «субъективно» действует здесь без всякого лицемерия и маккиавелизма. Следовательно, известные и чисто конкретные результаты (хотя бы они были и очень далеки от заправской «мировой революции») могут быть достигнуты. Для патриота же все действенные пути

сохранения и восстановления родины, мыслимые при данных условиях, должны быть сполна использованы.

Тактика национал-большевизма столь же осмысленна, сколь ясна и внутренне цельна его идеология.

1921.

ВИКТОР МИХАЙЛОВИЧ ЧЕРНОВ
(1873-1952)

УБИЙСТВО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

«Книга и революция», журнал. 1920, № 6. «Красная Москва», сб. под ред. Ю. Каменева и Ангарского. Изд. Моск. С.Р. и К.Д. П. Витязев. Частные издательства в Сов. России. П. 1920 (на правах рукописи).

«Все грехи прощаются, только хула на Духа Святого не прощается, – говорит народное присловье. И в нем скрыт глубокий символический смысл. Выше, непростительнее всех грехов является покушение на жизнь духа. Можно много навредить человеку в его материальном благосостоянии, можно покуситься на его физическую свободу, даже жизнь; но ничего не может быть ненавистнее попытки закабалить и убить его душу. В жизни целого народа также можно нанести ему какой угодно материальный или территориальный ущерб, но всякий такой ущерб – преходящий и поправимый, не идет ни в какое сравнение с покушением на убийство, на умерщвление свободного духовного творчества народа.

И этот-то величайший из всех исторических грехов перед русским народом совершен – победоносным большевизмом. Без всяких преувеличений, отвечая за каждое слово, мы можем сказать, что большевизм духовную жизнь России сковал сильнее, чем сковывало ее русское самодержавие. И потому он совершил то, чего самодержавие в самые худшие времена своего существования не могло совершить: он осмелился покуситься на **убийство русской литературы.**

Это не пустые слова. Они могут быть подтверждены в изобилии фактическими доказательствами.

Одним из гнуснейших порождений самодержавия была **предварительная цензура**. Эти «испанские сапоги» для человеческой мысли навсегда останутся памятником глубочайшей внутренней подлости разнузданного деспотизма. Победоносный большевизм тотчас же проявил психологию выбившегося в люди раба, лакея, севшего за стол и тотчас же «по-барски» положившего ноги на стол. Он, не задумываясь ни на минуту, восстановил в полной мере этот атрибут самодержавного деспотизма.

Пусть, впрочем, об этом расскажет перо самих героев большевизма. Есть такой сборник «Красная Москва», изданный Московским Советом под редакцией гг. Каменева и Ангарского. В статье «Печать и книжное дело», принадлежащей перу второго из них (бывшего комиссаром печати по городу Москве), мы читаем о положении книгоиздательства (стр. 519): «Независимо от обязанностей представления общего плана, ни одна книга не могла быть сдана в набор издательством без визы отдела печати, точно так же типографиям было запрещено брать такие книги в работу».

Теперь посмотрим, какие мытарства пришлось претерпеть при этом отдельным авторам, – и прежде всего тем авторам, чьи имена чтятся всей мыслящей революционной Россией.

Николай Константинович Михайловский. Его сочинения «национализированы». На целый ряд лет право литературной собственности на них закреплено за государством. Частные лица, не исключая наследников, сыновей Михайловского, – не имеют права его печатать. Что же касается до государства, то оно изображает из себя собаку на сене, которая сама не ест и другим не дает. И сочинения Михайловского становятся антикварной редкостью. Но вот издательство «Колос», в виду этого, возбуждает специальное ходатайство о разрешении ему выпустить в свет полное издание произведений Михайловского под редакцией Иванова-Разумника. Ответ получается классический: «Государственное издательство находит несвоевременным издание полного собрания сочинений Михайловского и рекомендует вам употребить имеющуюся у вас бумагу на печатанье литературы агитационного характера».

Под этими строками, в «отношении» от 2 марта 1920 г. за № 1904, красуется подпись В. Воровского, который еще слышет, сравнительно с другими деятелями на славном поприще душиительства мысли, «европейцем»...

Много пришлось покойному Н.К. Михайловскому страдать от царской цензуры, но такого издевательства переживать ему не приходилось. Ни одно ведомство не распоясывалось тогда настолько, чтобы «рекомендовать» издательству «Русского Богатства» употребить предназначенную для сочинений Михайловского бумагу – скажем, на какие-нибудь «троицкие листки» или брошюры генерала Богдановича. Надо было, чтобы появился большевистский «советизм» – и только тогда официально была провозглашена истина, что в России нет бумаги для Н.К. Михайловского, а есть для Демьяна Бедного и иных нищих духом «агитационных» писателей на «бутербродном» иждивении у советской власти.

Петр Лаврович Лавров... Когда то же издательство «Колос» подало заявление о разрешении печатать книгу Лаврова «Социальная революция и задачи нравственности» – знаменитую работу его, впервые появившуюся за границей в «Вестнике Народной Воли» – то Петроградский отдел печати потребовал предварительно ее рукопись «на просмотр»! Издательству пришлось разъяснить, что речь идет о «том самом» Лаврове, который был другом Маркса и Энгельса, издавал за границей «Вперед» и написал «Парижскую Коммуну» – вещь, которая явилась для большевиков целым открытием и так их восхитила, что Госуд. издательство решило ее «от себя» вторично опубликовать к юбилею Коммуны; что цензуровать его «рукописи» так же дико, как цензуровать Герцена, что из-за царской цензуры эта работа и без того издается с опозданием на четверть века и т.п. элементарные вещи. Еще хуже обстояло дело с брошюрой Лаврова «Из истории социальных учений» и с его примечаниями к книге Цезаря де-Папа об «Общественных службах в будущем обществе». Они были запрещены к печати «комиссаром печати и пропаганды г. Петрограда» неким Лисовским, который объяснил при личном свидании издателю П. Витязеву, что «все сочинения П. Лаврова есть старый хлам, который надо выбросить в сорную корзину, а не тратить на них печатную бумагу...». И если дальнейшими демаршами – главным образом благодаря все той же «Парижской Коммуне» –

удалось добиться к Лаврову более снисходительного отношения от «европейца» В. Воровского, то тот же самый Воровский вот как реагировал на другую попытку дать русской публике научную оценку литературной деятельности Лаврова:

«Книгоиздательству «Колос». Рассмотрев заявление дочери П.Л. Лаврова М.П. Негрескул и редактора его сочинений П. Витязева, Государственное издательство сообщает, что не находит возможным увековечить память П.Л. Лаврова путем издания предлагаемого т-ством «Колос» сборника статей, так как эти статьи не являются произведением самого Лаврова, а составляются лицами, группирующимися около издательства «Колос» и, как это известно Государственному издательству, оппозиционно настроенными к Советской власти, почему могущие дать в своей работе не столько объективную оценку Лаврова, сколько апологию своей партии. Заведующий Госуд. издательством В. Боровский. 3 июля 1919 г., № 161, Москва».

Это говорится о сборнике, в котором, кроме таких беспартийных людей, как проф. Э. Радлов, гг. Шпет, А.А. Васильев, принимали участие такие разные по взглядам люди, как П.А. Кропоткин, Н.И. Кареев, как Иванов-Разумник и П.А. Сорокин, как П.Ф. Пантелеев и Э.А. Серебряков, как А. Гизетти и А.З. Штейнберг! Апологию какой своей партии они могли все, вместе взятые, сочинить – об этом дано знать только сердцеводам из большевистской литературной охранки, каковой откровенно выступает в приведенном документе Государственное издательство.

Петр Алексеевич Кропоткин... Его сочинения «Государство и его роль в истории» и «Анархия» были категорически запрещены к печати уже упомянутым Лисовским анархическому издательству «Голос труда». И с этим запретом ничего нельзя было поделать. Другим злоключениям подверглись три его книги: «Взаимопомощь, как фактор эволюции», «Поля, фабрики и мастерские» и «Великая Французская Революция». Представитель Гос. изд., некий г. Закс, отказал в визе на печатание этих вещей под тем предлогом, что Гос. изд. «само» издаст эти вещи. Получив ответ, что это нарушает волю Кропоткина, который отнюдь не желает, чтобы его работы издавало государство, Закс бесцеремонно предложил «сделку»: пусть анархисты сами печатают Кропоткина, но только поставят на обложке марку Госуд. издательства. После же отказа от такой недопустимой для партийного издательства и оскорбительной для

Кропоткина сделки, г. Закс кратко и просто заявил, что бумаги для издания отпущено не будет, ибо предпочитает, чтобы в таком случае труды Кропоткина остались неизданными. Стоит припомнить, что из трех названных книг Кропоткина две даже при самодержавии беспрепятственно были изданы в России. Михаил Александрович Бакунин... Анархисты мечтали издать полное собрание его сочинений в Советской России – той России, октябрьским родам которой они содействовали изо всех сил. Но тома четвертый и пятый этого полного собрания сочинений были запрещены к печати «цензором» Лисовским, запретившим также печатанье сочинений Малатесты и даже вышедшей в свет при самодержавии знаменитой книги прародителя революционного синдикализма Фернанда Пеллутье «История бирж труда»...

Михайловский, Лавров, Кропоткин, Бакунин... Если эти социалистические и анархистские теоретики не всегда могут пролезть сквозь «игольные уши» большевистской предварительной цезуры, то чего же ждать другим, менее известным авторам?

Удивительно ли, что издательство «Сотрудничество», начавшее в 1917 году издание собрания сочинений пишущего эти строки, не могло напечатать очередного выпуска – «Моральные искания современности» – хотя он был целиком набран, и даже матрицы уже отлиты? Удивительно ли, что Иванову-Разумнику было отказано в разрешении напечатать книгу о Герцене, к пятидесятилетию со дня его смерти? Что едва перескочила через запреты книга П.А. Сорокина «Система социологии», и не перескочила книга М.Б. Ратнера «Национальный вопрос»? Что советский «цензор» г. Вейс *не* пропустил сочинений сотрудника Герцена – Огарева – и избранных сочинений Левитова? Что меньшевик В. Гриневиц не мог издать свободно печатавшейся при самодержавии известной книги «Профессиональное движение рабочих в России». Что оказалась под запретом даже старая Павленковская серия «биографии великих людей», должно быть, из-за того, чтобы не затмить новых «великих людей» большевизма, всю свою позу и ухватками изображающих из себя прижизненные монументы самим себе?

Даже Блоку, несмотря на его «Двенадцать», пришлось немало претерпеть затруднений и мытарств с книгой стихов «Седое Утро». Даже невинным

«имажинистам» приходится печатать свои книжки подпольно и явочным порядком от Гос. изд.

Русский символизм только патронажу Максима Горького обязан возможностью свободно предъявлять свои труды русским читателям. Об этом свидетельствует следующий курьезный исторический документ – письмо Горького одному из советских «цензоров»:

«Товарищ Лисовский! 3 июля Вы запретили издательству «Алконост» печатать книги: «Записки мечтателей», «Кризис культуры» Андрея Белого; «Скрижали» и «Электрон» Алексея Ремизова; «Цель творчества» Конст. Эрберга и «Прометей» Вячеслава Иванова. Позвольте осведомить Вас, что одна книга «Записки мечтателей» уже напечатана, все же остальные частью или целиком набраны. Все эти книги поступают в распоряжение Наркомпроса и Центропечати. Все они имеют серьезное значение, как попытка группы литераторов разобраться в ее отношении к действительности. На бумагу и набор этих книг уже затрачены крупные средства. Поэтому я бы убедительно просил Вас разрешить эти книги к печати. Книг так мало. Агитационная литература не может исчерпать всех потребностей духа. Книга – орудие культуры, одно из чудес ее. Она особенно ценна теперь, когда люди так быстро превращаются в дикарей.

Сегодня я уезжаю в Москву, где буду докладывать Совнаркому о необходимости разрешить книгоиздательское дело. 9. VII. 1919г. М. Горький».

Мучительно стыдно за великую страну, в которой крупнейший писатель должен царапать просительные письма какому-то культур-дикарю, осторожно разъясняя ему такие истины, что книга есть орудие культуры, и, что «азбуки коммунизма» гг. Бухариных и заказные стишки дяди Михея, то бишь Демьяна Бедного, «не могут исчерпать всех потребностей человеческого духа»...

Пушкин когда-то написал эпиграмму на цензоров николаевской эпохи:

Тимковский царствовал – и все твердили вслух,
Что в мире не было ослов подобных двух;
Явился Бируков, а вслед за ним – Красовский,
Ну, право, их умней покойник был Тимковский.

Да простится нам за перифраз этой эпиграммы, применительно ко времени:

Красовский царствовал – и все твердили вслух,
Что в мире не было ослов подобных двух;
Явились Закс и Вейс, Лисовский и Боровский –
Ну, право же, их всех приличней был Красовский.

* * *

Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно. Но в России писателям – и издателям – не до смеха.

Не одна прямая цезура существует в Советской России: в ней есть еще худшая цензура – косвенная. «Государство» является в ней владельцем и распорядителем всех типографий, всех печатных средств, владельцем и распорядителем всех наборных сил и всех запасов бумаги. Оно может не только запретить печатанье тех или иных произведений в порядке исследования и осуждения их содержания. Оно может поступить еще проще: не допустить их печатанья в порядке чисто-хозяйственном; предлогов может быть сколько угодно: нет свободного времени у заваленных работой типографий, нет свободной бумаги, которая вся распределена на «самонужнейшие» потребности государства. А так как Российская Коммунистическая Партия – РКП, или, как в просторечии это обычно произносится, грозная «Рыкапа» – может с большим правом произнести «государство – это я», чем сам первоначальный автор этого крылатого изречения, то результат понятен...

Скучно заниматься мелочами, но вот несколько примеров того, как можно неугодных издателей донимать не мытьем, так катаньем. С.-р-ам отщепенцам из группы «За народ» (Вольский и др.) в виде премии за раскол разрешают издавать еженедельный журнальчик. Но они пробуют держаться самостоятельно и не спускаться вполне до роли большевистских подголосков. Тогда в отпуске им бумаги происходят систематические «заторы». «Народовольцы» ухитряются вылезти из этого положения, разыскав где-то бумагу на вольном рынке. Тогда им грозят привлечением к суду ревтрибунала за «спекуляцию бумагой»!

В 1916 г., по инициативе, если не ошибаюсь, С.П. Постникова было затеяно издание дешевой народной библиотеки «Коробейник», вдохновлявшейся словами Некрасова о времени, «когда народ не «Блюхера» и не «Милорда» глупого – Белинского и Гоголя с базара понесет». Было выпущено 12 номеров произведений Некрасова, Достоевского, Толстого, Чехова, Тургенева, Лескова, Ремизова, Замятина и др. Не успело издание появиться на рынке, как из Москвы приходит грозная телеграмма завед. литер.-изд. отделом Наркомпроса П.И. Лебедева-Полянского: конфисковать все издание, а правление издательства предать суду Ревтрибунала. Откуда такая катастрофа? Оказалось, что собрания сочинений некоторых из этих авторов объявлены государственной монополией, а потому печатать их можно было лишь со специального разрешения Наркомпроса. Пришлось прибегнуть к старому способу: хлопот и ходатайств, обивания порогов у Луначарского, Бонч-Бруевича и иных тому подобных ревнителей народного просвещения. Исход тоже характерен. Гнев переложили на милость, из-под суда высвободили, но наказали тем, что заставили уменьшить цену на все книжки на курьезную сумму в... пять копеек! Эта «шуточка» означала, однако, переклейку всех обложек и обошлась издательству в копейчку, не говоря уже о потере времени; а так как, кроме того, издание пролежало около пяти месяцев, то и оказалось, что к моменту выпуска издания в свет цены на печатный лист, благодаря изменению тарифных ставок, выросли почти вдвое. Словом, всем этим бюрократическим кунштштюком все начинание было убито наповал. «Не дубьем, так рублем».

Иногда пускались в ход кунштштюки и еще более гениальные по своей простоте. В 1918 г. начал набираться сборник «Искусство и народ» под ред. К. Эрберга. Когда половина этой книги была уже набрана по старой орфографии, то небезызвестный Лисовский потребовал, чтобы вторая половина книги набиралась уже по новой орфографии. Никакие увещевания и даже заступничество Луначарского не подействовали; пришлось бросить старый набор и заново набирать всю книгу, потерпев на этом немалые убытки. А в то же самое время литературно-издательский отдел самого Наркомпроса, используя старые матрицы, захваченные у ликви-

дированных частных издательств, закатывал книжку за книжкой по той же старой запретной орфографии!

Зачем и кому, спрашивается, было нужно все это озорство? Понятно кому, и не менее понятно зачем. Немоощное, хилое, нищее духом бюрократическое порождение большевизма – государственное издательство, про которое даже Горький VIII съезду Советов писал: «В этом учреждении порядка и работы еще меньше, чем во всех других» – поражало всех своим невежеством и бесталанностью. Оно оказалось, несмотря на все свои привилегии и прерогативы не на столбовой дорожке развития и роста русской литературы, а где-то на отшибе. Естественно, что всякое живое частное или кооперативное издательское начинание было у него бельмом на глазу, живым укором и обличением его собственной беспомощности и организационной бездарности. Таким образом, независимо от партийных счетов, деятели государственного издательства сводили с русским книгоиздательским делом еще и свои личные счета. Обладая неограниченными материальными средствами, имея в руках все бумажные запасы страны, распоряжаясь всей типографской техникой, Госуд. издательство умело только накладывать свою руку на чужие начинания и жить чисто паразитической жизнью. Мы уже видели, как, под угрозой неотпуска бумаги, «Госиздат» пытался наклеить свою обложку на научнее труды П.А. Кропоткина. Но таких и подобных фактов не перечесать. Так, вопреки воле автора, он пытался захватить у «Алконоста» третий том стихотворений Блока; так, им было сделано покушение на «Воспоминания» В.Н. Фигнер, и только после личных и довольно бурных объяснений автора с главой Госиздата г. Вейсом в присутствии «самого» Луначарского, были восстановлены права изд. «Задруга», которому автором была отдана рукопись; так, «Колосу» предлагали передать Госиздату «Парижскую Коммуну» Лаврова, а затем объявили, что в дальнейшем на нее устанавливается монополия Госиздата, и т.п. Иногда захватническая бесцеремонность Госиздата принимала прямо легендарные размеры. Так, без ведома и согласия издательства Сабашниковых Госиздат «просто», в самой типографии, где у него «своя рука – владыка», вычеркнул на корректурных листах обложки и титула книги Эд. Страсбургера: «Учебник ботаники» имя «фирмы» и поставил свою марку. Так,

затребовав от «Задруги» «на просмотр» рукопись «Краткой теории внутренних болезней» проф. Стериопула, совсем удержал ее у себя для издания, не спрашиваясь ни автора, ни издательства. Так, изд. Сабашниковых было запрещено издание книги проф. Круткова «Курс статической физики» с мотивировкой: «мы издадим ее сами», причем к автору ни до, ни после этого не потрудились обратиться ни за разрешением, ни за рукописью. Словом, режим ясен. Писатели в Советской России рассматриваются под углом зрения «всеобщей милитаризации труда», как крепостные власти, и под страхом объявления «саботажниками» должны вытягивать руки по швам и говорить «слушаю-с».

И пусть не говорят, будто мы преувеличиваем. Нынешний – последний по счету – руководитель Госиздата, г. И. Степанов, в журнальчике «Книга и революция», высказывается по этому вопросу в выражениях, не оставляющих желать большего:

«В других областях мы выкуривали саботажников, а тут мы создаем для них теплые уголки (sic!)... Мы сумели сломить саботаж спецов в промышленности... Здесь мы не либеральничали, не боялись быть грубыми. Тех, кто не хотел работать с Советской властью, мы хладнокровно лишали продовольственного пайка. В издательском деле мы терпели постыдное положение»...

Вы видите: для этих господ писатели – спецы, а литература должна быть их «промышленностью». Раньше только литературные «публичные мужчины», у которых на лбу явно красовались исписанные «роковые слова – продается с публичного торга» придерживались циничного правила: чей хлеб-соль кушаю, того и песни пою. Большевики желают всех писателей перевести на положение «бутербродных» платных литературных агентов власти. Их союзником в этом достойном предприятии, с одной стороны, должен быть Царь-Голод, а с другой – волшебное слово «паек». А если этого мало, так ведь можно заставить «выправлять курс» и просто из-под палки...

И пусть не говорят, что мы опять преувеличиваем. Тот же самый, уже цитируемый нами г. Степанов, начав говорить о таком искреннем и чутком писателе и ценителе искусства, как А.Г. Горнфельд, пишет ни мало ни краснея:

«Нам приходится повсюду – и в литературе – использовать «спецов», хотя бы они были антисоветскими или внесоветскими по своим настроениям. Но их надо взять под строгий контроль, к ним надо приставить комиссаров».

Чем не новый Скалозуб, с его окриком:

... я вам

Фельдфебеля в Вольтеры дам!

Он в три шеренги вас построит,

А пикнете – так разом успокоит!

И тот же самый г. Степанов имеет бесстыдство писать о жалком положении литераторов и литературы при капитализме. «Плохо было дело, – говорит он, – с новыми исканиями и открытием «новых мозговых извилин». Новаторы работали не для удовлетворения старых потребностей, а для создания новых. На них был нулевой спрос. И, значит, предложение капитала, как такового, на эту область литературного производства было тоже нулевое. Этим новаторам приходилось искать покровительства у богатого человека». И г. Степанов не щадит красок для изображения униженности положения искусства, вынужденного прибегать к «буржуазному меценатству», для которого естественно «смотреть на это дело, как на потеху». Но сколько бы ни наговорил здесь верного и даже азбучного г. Степанов, в его устах все это превращается в ложь и фальшь. Не видели ли мы, как «меценатство» – только более робкое и скудное – в советском режиме возродилось в лице отдельных влиятельных людей, в особенности комиссаров, стыдящихся грубой обнаженности коммунистического самодурства, желающих хоть немного казаться «европейцами» и своим заступничеством иногда спасающих обреченные на жертву начинания в области искусства и литературы? Не видели ли мы, как порою такую роль играет личное вмешательство все еще немножко чтимого в Кремле Горького? Или «блаженного» Анатолия Луначарского, когда-то грешившего всякими ересями, вплоть до «богостроительства»? Недаром тот же г. Степанов, с гордостью называющий себя «грубым» и «топорным» коммунистом, не может говорить о Луначарском иначе, как с насмешкой над его миной «удрученного либерала»,

желающего казаться «интересным, широким, культурным», возвышающимся «над грубой коммунистической толпой».

В «Книге и Революции» г. Степанов вменяет в вину капитализму то, что он не давал хода «новым исканиям». И это тогда, когда из официального отчета Госиздата — след., от того же г. Степанова — мы узнаем, что «Госиздат не может предоставлять типографские средства и бумагу на перепечатку художественных произведений, которые и до революции имели ограниченное значение; на издание научных и философских работ, которые дышат буржуазной ограниченностью и к тому же по своему общему характеру найдут крайне малочисленных читателей. И, нечего скрывать от себя, может быть, иногда Госиздат не дает выступить представителям новых исканий, из которых со временем получилось бы что-нибудь ценное и положительное»...

«От себя» гг. Степановы этого не скрывают. В «отчетах», печатаемых «для внутреннего употребления» компартии и советской бюрократии, говорить об этом позволительно. Но в журнале, предназначенном для читающей публики, вроде «Книга и Революция», за то же самое надо клеймить капитализм. «Про взятки Климычу читают, а он украдкой кивает на Петра»...

* * *

Как-то совестно по поводу таких вещей, как циническое озорство советских Бируковых и Красовских или теоретизирования советских Иудушек и Скалозубов, говорить о великих принципах социалистического мирозерцания. И, однако, нельзя этого не делать.

Когда-то Герберт Спенсер написал против социализма памфлет под названием «Грядущее Рабство». Яркими штрихами рисовал он картину всеобщего закрепощения всех живых сил страны, материальных и духовных, колоссальному спруту — Государству. Мертвящая централизация всего, плен в колоссальной всенародной тюрьме-казарме — таким пугалом выставлял он «государство будущего». Среди социалистов не было двух мнений об этом фантоме. Все одинаково отнеслись к продукту фантазии Герберта Спенсера, как к самой неосновательной клевете на социализм. Все последующие авторы книг и работ о «Zukunftsstaat» заботливо

отгораживались от представления о социализме, как системе, в которой все исходит от нового пролетарско-бюрократического государства и все возвращается к нему же. Самый догматичнейший из всех марксистов, папа ортодоксии, Карл Каутский, в своих брошюрах: «Социальная революция» и «На другой день после социальной революции» с категоричностью, не оставлявшей большего желать, объявил, что социализм будет лишь в области материального производства собственно системой коллективистической централизации, в области же творчества духовных идеологических ценностей – в области науки, искусства, литературы – он будет применением принципа анархии, т.е. царством безусловной личной свободы, царством ничем не стесненной индивидуальной и групповой инициативы...

Большевизм жестоко насмеялся над всей историей развития социалистической мысли. Злобные карикатуры на социализм Герберта Спенсера и других, еще менее оригинальных клеветников на новое учение, в лице большевизма оделись в плоть и кровь. И в этом отношении ни один враг социализма не нанес ему столь смертельных ударов, сколько отцы красные иезуиты ленинской церкви. Легенда о Великом Инквизиторе Достоевского была разогрета и подана миру под новейшим коммунистическим соусом.

В декабре 1920 г. Всероссийский Союз писателей подал наркомпросу А.В. Луначарскому «докладную записку», требуя для русского писателя возврата его законного «права на книгу», «права на читателя». «Ныне, – говорит записка, под которой стоят имена Веры Фигнер, Льва Рогачевского, проф. Сакулина и др., – закрывают издательства, отбирают наши последние запасы бумаги, запирают наши типографии, прекращают набор рукописей, аннулируют уже данные разрешения на издания, даже отказываются от контрактов, которые органы власти, в качестве представителей государства, заключили с писательскими коллективами и с издательствами на потребу самого государства». «Доступ к типографиям не расширяется, а суживается. Последние рукописи ныне снимаются с очередей и возвращаются авторам. Русская художественная, критическая, философская, историческая книга окончательно замуровывается. Русская литература перестает существовать. Из явления мирового значения она превратилась в явление комнатного

обихода, для небольшой группы лиц, имеющих возможность услышать друг друга за чтением своих рукописей. История не забудет отметить того факта, что в 1920 г., в первой четверти века XX-го, русские писатели, точно много веков назад, до открытия книгопечатания, переписывали от руки свои произведения в одном экземпляре и так выставляли их на продажу в двух-трех лавках Союза писателей в Москве и Петрограде, ибо никакого другого пути к общению с читателем им дано не было». И этот крик души, вырывающийся из уст русских писателей, кончается констатированием зловещего факта: «Политика Государственного издательства, монополизировавшего все русское книгопечатание, делает молчание русской литературы явлением принципиальным: для русского писательства книг нет, ибо оно должно молчать. Мы с негодованием видим, что невольное стеснение литературы превращается в ее сознательное умерщвление».

Вы видите, что когда мы озаглавили эту статью «Убийство русской литературы» – это была не пустая фраза. Сами жертвы большевистского преступления указывают пальцем на своих убийц. Да, аракчеевский коммунизм Ленина и товарищей хладнокровно свершил это преступное и гнусное дело. Он превратил русских писателей в живые трупы...

О, поле, поле, кто тебя

Усеял мертвыми костями?

«Писательский быт, гласит статья «Литературная Москва за 1918-1920 гг.» в сб. «Красная Москва», – остается в наши дни безотрадным зрелищем писательской службы в советских учреждениях и других различных учреждениях, ничего общего с литературой не имеющих... По данным анкеты, произведенной Союзом писателей, более 90% писателей не живут литературой. В графе запроса: «Ваш литературный заработок прежде и теперь?» – неуклонно стоит ответ: «Прежде 100%, теперь иногда – 1/4, иногда – ничего».

Кто же, как не живые трупы, эти писатели, превращенные в помощников делопроизводителей и регистраторов? И что же, как не живые трупы, их рукописи, завалившиеся либо на их запыленных письменных столах, за ненужностью превращенных в обеденные, либо в портфелях полузадавленных частных издательств?

По сведениям Союза писателей таких, имеющих на учете и лежащих неподвижно рукописей только художественного и литературно-критического содержания, к концу 1920 г. было более полутора тысяч. Редакционные портфели всех издательств – настоящие кладбища для таких «живых трупов».

В многострадальной жизни Н.Г. Чернышевского был один, едва ли не самый трагический момент. Передают, что в каторжной тюрьме он много, иногда целые ночи напролет, лихорадочно что-то писал, писал и писал. А затем, в минуты мрачного отчаяния, обливаясь слезами, беспощадно жег, жег и жег написанное. Невысказанные слова жгли его душу, заживо убитые мысли переполняли все его существо – он задыхался от них. Не было ли это прообразом будущей судьбы всей русской литературы в современной всероссийской псевдокоммунистической каторжной тюрьме?

Страна переживает величайший кризис. Нынешний голод, на фоне которого победоносно шествует «конь блед» и на нем страшный всадник – Cholera morbus – только подводит итоги всей великой разрухе огромной страны. В мрачном величии кладбищенской тьмы, распростирающей свои черные крылья, «смерть жатву жизни косит, косит»... Если не теперь, то когда же напряженнее всего должна работать индивидуальная и групповая мысль и рваться на простор свободное, убежденное слово? И обывательские души ждут, что коммунистическая диктатура хоть тут, перед лицом всероссийского кошмара, опомнится и раскует цепи, сковывающие общественную и личную свободу. И большевистская власть, как некогда встревоженное самодержавие, делает... одну миллионную долю шага навстречу kloкочущей общественной потребности. Комитету помощи голодающих, предусмотрительно возглавленному несколькими надежными коммунистами, всемилостивейше даруется привилегия бесцензурного издания всяких бюллетеней, воззваний и отчетов, при условии полной их аполитичности. Вот оно, единственное завоевание, сделанное российской словесностью за все время. Для этого нужно было скопление всех возможных бедствий – «труса, глада и мора».

Кладбищенская тьма простирает свои черные крылья над осиротелой землей. И в этой глубокой тьме по-прежнему со страниц всяких «Правд» и «Известий»

монополю «ухают» совы и филины советской прессы, гг. Стекловы, Мещеряковы и иные Смердяковы большевизма, вместе с переходящими порой на газетное поприще заплечными мастерами советского режима, такими новоиспеченными «писателями», как Ладис, Петере. Это нашествие профессиональных убийц на арену очищенной от настоящих писателей литературы, как нельзя более символично для всего режима. Ибо, что такое вся эта власть, как не власть ночных убийц, убийц всякой свободы, всякой личной и общественной инициативы, убийц вольного творчества, – убийц великой русской литературы?

1921.

ЕКАТЕРИНА ДМИТРИЕВНА КУСКОВА

(1869-1958)

А ЧТО ВНУТРИ?

I.

Глубоко взволновали русскую эмиграцию доклады Пит. Сорокина. Корреспондент газеты «За Свободу» пишет, что в Праге эти речи произвели ошеломляющее, паническое впечатление.

Да, есть от чего впасть в панику... Там, внутри, не раз охватывало нас за это время паническое состояние. И вовсе не личные ужасы придавливали большее всего. А вот это сознание, что в огне разложения горит что-то основное, сгорает душа народа, искажается уродливой гримасой лик человеческий, – это сознание было мучительно; оно придавливало, принижало дух.

Первые годы некогда было всматриваться в глубину процесса. Во-первых, была по нервам гражданская война и ее эпизоды, во-вторых, тогда было очень немного прозорливых людей, которые считали бы поход большевиков на Россию длительным. Большинство думало иначе: тяжело, страшно, но непрочно, преходяще. Разве может такая уродливость истории быть длительной?

Оказалась очень длительной... Большинству, миллионам русских людей, не могущих исчезнуть, бежать, скрыться, пришлось приспособляться, пришлось ради сохранения жизни и возможности существования сломить себя, откинуть в сторону свои симпатии, привычки, потребности и подчиниться неумолимому, неизбежному.

Лишь немногие люди, единицы, какими-то судьбами сумели оградить свою независимость. Остальные – подвергнулись не только внешней, но и внутренней трансформации.

Многие люди стали неузнаваемы.

Если прибавить к этому, что этот процесс трансформации задевал не отдельные кусочки психологического и бытового уклада – что он был всесторонним, всеобъемлющим, то произведенные им глубокие перемены станут очевидными.

Совсем, однако, другой вопрос, можно ли уже теперь, сейчас суммировать, делать выводы о «нравственном и умственном состоянии современной России», как это делает Пит. Сорокин. Думаю, что в такой категорической форме, в какой решается это делать он, – такие обобщения преждевременны. Покойный П.А. Кропоткин писал: «Занимаюсь этикой, уверен, что усилия отдельного человека сейчас ничего не значат. Встряска масс – огромна, индивидуальное масс – еще не выявилось». Совершенно верно. Встряска масс – колоссальна.

Но еще нет ничего кристаллизовавшегося, того индивидуального, что дает определенность личности, группе, партии, классу.

А без этого индивидуального, все того особенного, что отложится в переживаниях масс, как результат революции, и что можно уже будет принимать, как данное, как слагаемое, – трудно делать широкие обобщения. Видя только оболочку, нельзя говорить о том, что там, внутри. А сейчас именно «оболочка» играет в Совдепии совершенно особенную роль: с одной стороны она служит щитом, прикрытием, и в этом своем качестве принимает цвет защитный, а не тот, который соответствовал бы внутреннему

содержанию; с другой – эту оболочку трудно сорвать, раскусить – нет орудий и средств для ее раскрытия, – ни свободной печати, ни обучения, ни какого бы то ни было выявления свободных стремлений и чувств. О многом приходится догадываться, – а во всякой догадке есть так много субъективного. Поэтому сейчас для эмиграции, – не говорю уже для России, – особенно большое значение имеет точное установление фактов, описание, добросовестное и беспристрастное, не тенденциозное, того, что есть, и затем – крайне осторожное отношение к выводам, обобщениям; необходима постоянная проверка и фактов, и обобщений, собирание самых разнообразных свидетельских показаний и новая проверка их. Может быть, при таком осторожном обращении с больной Россией меньше будет паники, придавленности больше вдумчивости и больше веры в то, что за страшной оболочкой не все сгнило, что под ней еще сохранилось здоровое ядро, могущее на иной почве пустить здоровые ростки.

А ведь эта вера нам так необходима! Можно ли без нее жить, работать, к чему-то стремиться?

Мне думается, что именно с этой точки зрения «оставления надежды» доклады Пит. Сорокина и то, что напечатано в IV и V книжках «Воли России», несколько неосторожны и уж во всяком случае допускают поправки и возражения. Есть также в его докладах и та специфическая тенденциозность, которая так свойственна многим по отношению к Советской России.

Как свидетельница, могу сказать, что эта тенденциозность живущих в России оскорбляет, возмущает. «У нас и так моря горести, зачем же еще прикрашивать, преувеличивать?».

Такие речи после чтения заграничной информации можно услышать нередко.

Помню, как-то приехал из-за границы П.И. Бирюков. Его выслали тогда из Швейцарии. За что? спрашиваем. «За то, говорит он, что я резко протестовал на митинге против одного докладчика. Понимаете, он рассказывал, что большевики, борясь с религиозными заблуждениями, в одном из монастырей зарезали

архимандрита-настоятеля, изрубил его, сделали котлеты и заставили монахов их съесть.

Я и кричал: Неправда, неправда, этого не было! Не было! А когда я вышел с митинга, многие из русских не подавали мне руки, как защитнику большевиков».

Я не знаю, за что выслали из Швейцарии Бирюкова. Но совершенно уверена, что из архимандрита большевики котлет не делали и монахов ими не кормили.

В другой раз член английской делегации д-р Гест, посетивший общественную организацию, Лигу спасения детей, спросил меня: «А правда ли, что в большевистских детских приютах... родится очень много детей?» Сначала мы, члены правления Лиги, даже не поняли, – каких детей? У кого? переспрашиваем. «В Англии, отвечает д-р Гест, одна русская читала доклад о России. В нем она говорила, что все дети в приютах сплошь заражены сифилисом и что у них (у детей!) благодаря тому, что в приютах содержатся мальчики и девочки вместе, родится преждевременно много детей». Мы спросили д-ра Геста, г-жу Сноуден и г-жу Банфильд, – как фамилия этой докладчицы, но никто из них ее не помнил. Мы постарались им объяснить, как обстоит дело на самом деле.

Вот мне кажется, что привкус этих легенд о большевизме есть и в докладах Пит. Сорокина.

Перейдем, однако, к фактам.

II.

Начнем с непоправимого. «Одним из результатов половой вольности, пишет – Пит. Сорокин, – является громадное распространение венерических болезней и сифилиса в населении России (5% новорожденных – наследственные сифилитики, 30% населения заражены этой болезнью)».

Если 20-30% населения вымрет от голода и гражданской войны, а из оставшихся 30-35% будет заражено сифилисом, то... возможно ли возрождение этой сгнившей страны?

Обращаюсь к одному в высшей степени компетентному врачу, только что приехавшему из России, с вопросом: точны ли цифры Пит. Сорокина?

Неточны, безусловно. Во-первых, – откуда он их взял? Ссылки нет. А вот что говорит врач. «По долгу моей службы я должен был собрать цифры заболеваний сифилисом и потому обращался к сифилидологам с просьбой дать сведения о распространенности этой болезни. Они решительно отказались признать какую бы то ни было цифру точной, никто такой статистики не ведет и вести не может. Но на глаз, по записям в амбулаториях, по собственным приемам они устанавливают цифру распространения этой болезни в 8-10%, не более. До войны заболеваемость равнялась 2%. Локализация в отдельных местах может быть очень велика.

Всем памятно описания В.Г. Короленко отдельных уездов Нижегородской губернии, в которых целые деревни поголовно были заражены сифилисом. Но общая распространенность равнялась 2%. И на Западе, и у нас война, солдатчина, нарушение семенной жизни должны были сильно повысить процент, так всегда бывало после крупных войн. Но то, что можно сейчас установить, не превышает 8-10%. Таково сообщение компетентного врача. Итак, есть цифра в 30% и цифра в 8-10%. Разница настолько велика, что, несомненно, требуется серьезная проверка цифры Пит. Сорокина и показаний врача. Странная вещь! Приходится остро относиться к «проценту». Кто раньше обращал внимание – 2 или 3 или 1½? Теперь всякий понимает, что как раз в этих-то процентах и лежит наша гибель или спасение. Судите сами– 30% зараженной сифилисом нации! Как же не бросаться за проверкой?

Теперь о разврате молодежи. Пит. Сорокин приводит, напр., такие ужасающие примеры, как две обследованные в Царском Селе детские колонии, питомцы которых были все сплошь заражены гонореей. Девочки в 86% – дефлорированы, живут с комиссарами и т.д. и т.д. Затем уже просто недопустимое сообщение: «Отдельные члены коммунистической партии вплоть до лиц, занимавших очень высокие посты в Нар. Ком. Просвещения, взялись за борьбу с

половыми предрассудками «экспериментально», путем публичного развращения институток и гимназисток».

Во-первых, я даже не понимаю, что это значит – публичное развращение... Просто не понимаю.

Во-вторых, такое сообщение требует названия имен сих лиц, занимающих высокие посты. Безымянно как будто бы – невозможно... Слишком тяжкое обвинение, и имена должны быть, безусловно, названы. Кто такие? Когда? Где?

Коммунисты слишком гнусно, без совести и чести клеветают на нас, так называемых контрреволюционеров. Никто из нас не может следовать этой тактике по отношению к ним. Наоборот: сугубая правда и сугубая осторожность должна проникать все наши сообщения.

Теперь по существу. Мне 2½ года пришлось работать в «Лиге спасения детей». У Лиги было свыше 18 колоний, 11 детских садов, санаторий, детские клубы и огороды. Детей мы брали всякого возраста и, безусловно, с улицы.

Во главе нашего учреждения стояли видные врачи, покойный Дорф, проф. Тарасович, проф. Диатропов, Н.М. Кишкин⁵. Дети постоянно свидетельствовались всесторонне. Были золотушные, малокровные, рахитики. Но совершенно не было сифилитиков и зараженных гонореей.

По делам Лиги нам приходилось связываться с колониями и приютами большевистскими. «Родившихся детей от детей» мы там не наблюдали.

Были вещи, для нас абсолютно неприемлемые, вроде введенного в систему шпионажа детей за воспитателями, запрещения молитв. Были и другие вещи, вроде грязи, распущенности, иногда голода, воровства и пр. Но тут же нам пришлось установить факт: нельзя говорить просто о большевистских учреждениях. Надо говорить о таком-то конкретно. Ибо все зависит от персонала, его подбора, его добросовестности. Мне лично приходилось видеть детские дома, превосходно поставленные, руководимые такими опытными московскими педагогами, как М.Х. Свенцицкая или приют для дефективных детей д-ра Кащенко и многие другие. В общем, большинство домов поставлено плохо, с подхалимским, необразованным, жадным и вороватым персоналом. Но едва ли две обследованные

колония Царского Села могут служить образцом для умозаключений обо всех остальных. Во всяком случае, следует отличать при этой характеристике вещи, сознательно приносимые большевиками в это дело, и вещи случайные, зависящие от хаоса и неустроенности жизни вообще, а, следовательно, такие, которые могут быть при всяком режиме.

Принципы, приносимые большевиками в дело воспитания,— отвратительны.

Вот уже указанный выше прием – приучение детей всех возрастов к шпионажу, к подслеживанию, к доносительству и даже лжи. На одном собрании педагогов один из коммунистов заявил: мы должны приучить детей говорить всю правду своим и лгать врагам. Я лично была на этом собрании и отлично помню, какое возмущение вызвала эта формулировка даже среди коммунистов-педагогов.

Запрещение религиозных обрядностей также приучает детей ко лжи. Мне опять-таки лично приходилось видеть, как дети большевистской колонии прятали крестики в башмаки, – чтобы не заметили воспитательницы, которые при поступлении обязаны дать подписку не допускать обрядностей и вести антирелигиозную пропаганду. Кроме того, посещающие колонии родители нередко шепчут благословения, крестят его, и маленькая душа трепещет, бьется в противоречии – а где же правда? Тут, или в семье?

Есть и еще дикие вещи. Так, напр., при распределении детей из сборных пунктов в разряд «дефективных» записывались дети, проявившие склонность к... торговле! На наш вопрос, обращенный к исследователю врачу, – что же это за «дефект», последовал классический ответ: «так ведь это – атавизм; теперь ведь здоровыми мы считаем лишь коммунистические навыки и чувства». Это было в 20-м году.

Как-то теперь, при нэпе, – эти склонности мальчишек к продаже на Арбатской площади спичек толкают их в разряд «дефективных» или нет?

Но суть-то в том, что такой маленький атавист-продавец действительно попадал в дефективный приют и часто заражался там теми пороками, которых у него не было и в помине.

Приводя эти примеры и факты, я не решилась бы сделать из них какого бы то ни было общего вывода. Во всяком случае, мои наблюдения, очень широкие благодаря моему положению в Лиге спасения детей, не дали бы мне права сделать обобщение, которое делает Пит. Сорокин: «Война и революция не только ослабили молодежь, но и развратили ее морально и социально».

И вот почему.

Конечно, недоедание, часто даже голод, холод, болезнь, отсутствие здоровой школы, — все это губительно действует и на физику, и на дух. Есть много воришек, мошенников, ругательников, развратников. Какой процент — не берусь определить, да и никто его не определит. Есть и еще одно следствие — материализм, практицизм, отсутствие идеальных стремлений в жизни. Один из наблюдателей-психиатров, д-р Сегал, сделал следующее наблюдение над детскими народными судами: почти все преступления, совершенные детьми и юношами за эти годы, — грубо материального свойства: украл, ранил в драке из-за дележа «добычи», «прибыли», избил за обман в торговле, нанес рану за «обвес» и т.д. Д-р Сегал не наблюдал ни одного случая ссоры или драки из-за ревности, любви, т.е. чувств более или менее идеалистических.

А раньше, до войны по его же наблюдениям, эти юношеские преступления на почве ревности и любви были нередки. Теперь же к этим вещам относятся просто, спокойно: разлюбил? изменил? Другую, другого найду.

Чем объясняется такой материализм?

Проф. Сорокин, вероятно, согласится со мной, что дети в России несут сейчас огромную работу по поддержанию жизни своей и семьи. С юных лет они совершают громадную работу. Я знала семью из двух дочерей 3-х и 6-ти лет и матери-служащей. Детей невозможно было устроить в детском учреждении — все переполнено. И вот картина: мать уходит с утра на службу. Шестилетняя стережет квартиру и трехлетнюю сестренку. Затем в час дня она запирает на замок крошку и идет в бесплатную детскую столовую. Там обедает сама и берет обед для сестренки; заботливо несет, кормит... Если хорошая погода — ведет в столовую

ее, запирая квартиру. Вечером помогает матери растопить печь, чистить картошку и пр. Худенькие ручки и печальные, недетские глаза.

Эту картину не всегда можно было без слез видеть. Но что получается? Не только материализм.

В Лиге спасения такие же крошки или немного больше прятали сахар, кусочек хлебца, чтобы отдать на свидании... маме или другой сестренке!

Разве это не высоко нравственные моменты! Я уже не говорю о массовой работе, колоссальной работе 15-16 летних юношей и девушек, которые нередко держат на своих плечах целый дом. И какие это юноши... Сильные, выносливые, сметливые. Это те, которые выживут среди вьюги и мороза... Это – плоды своеобразного естественного отбора. Отбора для труда, а не для разврата. Нам в Лигу пришлось взять из Чрезвычайной Комиссии трех девочек В.М. Чернова; одну – 10 лет, истощенную голодом, угрозами «расстрелять мать, если не скажет где отец», – болезненную. И двух других — 16 и 17 лет. Их мы приспособили в Лиге для труднейшей работы с малыми детьми. Что это были за работницы! Ответственные, старательные, так тонко разбирающиеся в психологии подведомственных им крошек. И таких у нас перебивало не мало. Вспоминаю их лица...

Эти глаза, старающиеся вникнуть в происходящие безумные события, понять и связать факты...

Я уже не говорю о таких прекрасных учреждениях, как школа-гимназия и колония покойных Алферовых. Там дети даже жизнерадостны. Они учатся, ведут обширные физические работы, поют, играют, связаны крепкой солидарностью. Никакой распушенности, а тем более разврата. Пришпоренные семьи больше, чем раньше, вмешиваются в дело, больше следят за детьми и за школой.

Вот эта необходимость труда, отсутствие мамок и нянек, необходимость обо всем подумать самим и даже позаботиться о других, — это так компенсирует окружающие мерзкие влияния, так закаляет и укрепляет личность и так стирает эту проклятую русскую лень, никчемность и разгильдяйство, что всему этому можно только сочувствовать и ждать нового, отнюдь не в порочном смысле. А материализм при этих условиях разве не понятен?

Мне пришлось ознакомиться на деле Комитета помощи голодающим с большой детской организацией бой-скаутов. Что это были за дети! Что за слуги и помощники Комитета! Приходится только удивляться, как среди миазм и болот могут расти столь прекрасные цветки, с такой чуткой детской душой, направленной к тому, чтобы непременно, непременно сделать «шесть или восемь хороших дел в день...» И делали, и старались.

Вспоминаю. Нет, ничего этого не было при самодержавии. Нет, не было. В этом огне что-то плавится, что-то крепнет, уже осязаемое, видимое, не выдуманное.

Того обобщения, которое пытается сделать проф. Сорокин, сделать нельзя. Больное и здоровое сейчас перемешано. Результат – еще без подсчета. Слишком рано. Обращено внимание пока только на порчу, не все видят процессы самооздоровления организма, без лекарств, без посторонней помощи. Быть может, самое прочное и самое совершенное...

Есть еще немало замечаний по поводу доклада и статей Пит. Сорокина; Но о них – в следующий раз. Как все-таки хорошо, что приехали из России долго там жившие, много и тяжело работавшие, много думавшие люди!

Несут они кусочки России, хорошие и дурные, несут, стараясь показать их другим, не видевшим. Пусть только показывают больше, больше, полнее и разнообразнее. А вот из этих кусочков мы сложим ее, Россию, родину нашу, сложим все вместе и – будем знать, что делать дальше.

ЮЛИЙ ОСИПОВИЧ МАРТОВ

(1873-1925)

ДИАЛЕКТИКА ДИКТАТУРЫ

Большевистская диктатура – диктатура меньшинства, организованного в строго-централизованную политическую партию, – представляет собою государственную организацию, еще небывалую в истории. Эта диктатура исторически и логически *неотделима* от «немедленного социализма». Не только

объективно, но и субъективно – в сознании ее защитников – большевистская диктатура требовалась для того, чтобы в стране, где пролетариат крупной промышленности составлял ничтожное меньшинство населения, заложить основы коммунистического хозяйства или, как выразился М. Горький, сделать социалистической страну, в которой $\frac{9}{10}$ населения мечтает о том, чтобы стать мелкими буржуа.

И партийная диктатура меньшинства, и ее логическое последствие – систематический террор – мыслились, как тот «нажим», который должен преодолеть историческую инерцию социальной среды, сопротивляющейся радикальной ломке основ народного хозяйства, неспособной, по собственному разумению, организовать социалистическое производство.

Большевистская диктатура могла удержаться частью потому, что вызванная ею буржуазная контрреволюция направилась не только против утопического уклона революции, но, соединившись с дворянством, с духовенством, с царским милитаризмом и царской бюрократией, замахнулась на всю революцию в целом, на ее исходные пункты. Тем самым она укрепила большевизм, лишив себя возможности опереться на мелкособственнические инстинкты крестьян и городского мещанства и принудив их поддержать большевистскую диктатуру против грозящей реставрации.

И, тем не менее, большевистская диктатура не удержалась бы, – несмотря на помощь, оказываемую ей Антантой, генералами и кадетами, – если бы она не выражала собой определенной стихии в самом активном классе русского народа – в городском и, частью, сельском пролетариате.

Диктатура, как средство немедленного устранения социального неравенства и введения социализма, принималась широкими слоями русского пролетариата. Для них она являлась *их собственной* диктатурой в том смысле, что они вверяли этой большевистской кучке задачу установления коммунистического строя, к которой сами не знали, как подступиться.

Большевистская диктатура в период 1917-20 гг., таким образом выражала социально утопические чаяния значительной части пролетариата. В этом

обстоятельстве она черпала свою внутреннюю, моральную силу, без которой не могла бы организовать ни красной армии, ни аппарата управления, ни даже того жалкого государственного хозяйства, которое сложилось на развалинах разрушенного капиталистического.

Год «новой экономической политики» прошел. Радикально изменяется весь хозяйственный строй России в сторону восстановления капитализма. А большевистская диктатура остается.

Прежде она выражала утопическое стремление значительной части пролетариата к немедленному установлению социального равенства. Теперь она его не выражает. Поскольку утопические стремления этого рода еще существуют, они направлены против диктатуры, проводящей новую экономическую политику, и диктатура с ними борется, подавляя решительными мерами «рабочую оппозицию» внутри Р. К. П. и террористически расправляясь с «панюшкинцами», анархистами и т.п.

Диктатура большевиков перестала служить цели введения коммунизма} Напротив, как в приведенных случаях борьбы «налево», так и в своей положительной работе, эта диктатура служит цели ликвидации коммунистического опыта, цели восстановления товарно-капиталистических производственных отношений.

Таким образом, большевистская диктатура утратила без остатка свое собственное оправдание. Тем самым порвалась – и бесповоротно – всякая связь между нею и пролетариатом. О, конечно! И теперь, как и прежде, она осуществляется партийными и государственными чиновниками, которых значительный процент – пролетарии по происхождению. Но, пока диктатура осуществляла то, к чему стремились сотни тысяч и миллионы, хотя бы и наиболее некультурных, а потому верящих в утопию, пролетариев, – до тех пор эти десятки тысяч «высасываемых» партийно-государственным аппаратом активнейших единиц сохраняли, несмотря на все, интимную духовную связь с массой. Да, они были привилегированным слоем, они диктаторствовали *также и* над пролетариатом, и это их сильно коррумпировало, многих из них отрывало от своего класса; но при

всем том верующая одинаково с ними масса многое прощала им, ибо видела в них исполнителей ее желаний, и когда их диктатура направлялась против других классов, против «буржуев», против интеллигенции, против мужика, масса в этих высоко над нею поднявшихся диктаторах видела, то ли своих, хотя и самоназначенных, представителей, то ли своих «печальников».

Не то теперь. Постепенно массы осваиваются с мыслью, что «новая политика» вводится, как заявил Ленин, «серьезно и надолго», то есть, что пролетариат возвращается в «первобытное состояние» класса, живущего отдачей в наем своей рабочей силы; что, параллельно с этим, большевистская диктатура перестает быть органом «подавления буржуазии» и, напротив, вводит в свои задачи в известных пределах «поощрение» буржуазии, содействие ее формированию и ограждение ее интересов.

В статье «Конфискация и налог» («Правда», 27 дек.) Г. Сокольников¹ признает, что в Советской России «изменяется положение буржуазной собственности и буржуазных собственников»... А именно: «поскольку они признали советское государство, как законную власть, поскольку они отказались от безнадежной борьбы с «большевиками-захватчиками», постольку и отношения советской власти к ним должны быть урегулированы постановлениями законов».

Но, с узаконением буржуазных, собственнических классов, изменяется радикально отношение между пролетарскими массами и вышедшей из них партийной и государственной бюрократией. В последней теперь уже массы не могут видеть аппарат, безусловно защищающий их интересы. Эта защита дается рабочим массам теперь лишь условно, поскольку она не противоречит охране «законных» – т.е. признанных таковыми советской властью – интересов других классов. Или, как формулирует тот же Сокольников, «новый правовой порядок пролетарского государства приходит на смену низвергнутому правовому порядку царской России – закон пролетариата, но закон, оберегающий *общественные интересы*». Интерес общества в целом возвышается над интересами пролетариата, которые в полной мере стремилась выразить прежняя диктатура, и, в случае надобности, может быть им противопоставлен.

Разрыв между коммунистической партией и массами, констатируемый вождями большевизма еще с 1920 года, должен стать более глубоким и непоправимым. Чем более будет усложняться народное хозяйство, чем более будет дифференцироваться общественная среда и более многообразными становиться сталкивающиеся между собой социальные интересы, – тем реже будут случаи, когда государственно-партийный аппарат *сможет* односторонне и энергично защищать интересы наемных рабочих против интересов других групп, тем чаще придется ему выступать не в роли «печальника» пролетариата, а в роли регулятора, примирителя, посредника, а подчас и в роли *усмирителя* пролетариев во имя «общественных интересов». В такой обстановке уже зашедшая далеко коррупция партийной и государственной бюрократии неминуемо приведет к утрате всякой внутренней связи между ней и теми массами, из которых она вышла; ее собственное *социальное перерождение*, превращение в «надклассовую» бюрократию, т.е., по-марксистски, в новый, но существу буржуазный, общественный слой, будет лишь вопросом времени.

С того момента, как большевистское государство стало на службу некоммунистической «новой экономической политики», принципиально изменилось его собственное, (субъективное) отношение к демократии. Для коммунистов 1917-20 гг. русский рабочий класс, установив «классовую диктатуру для беспощадного подавления буржуазии», тем самым показал, что *перерос* «паршивенькую буржуазную демократию».

Для большевиков наших дней русский рабочий класс, ввергнутый в первобытное состояние наемника, вновь работающий для производства в пользу другого класса прибавочной стоимости, а потому не столько «подавляющий» буржуазию, сколько выращивающий ее своим трудом, *не дорос*, не созрел для того, чтобы при помощи демократических прав и свобод отстаивать свои классовые интересы среди других «узаконенных» классов общества, отстаивать их против т.н. «общественного» интереса, определение которого принадлежит не ему и не совокупности общественных классов, а

над обществом стоящей, внутренне насквозь разложенной, коррумпированной партийно-государственной бюрократии.

Какое оправдание для своей диктатуры, находят *теперь* сами большевики – после того, как они «всерьез и надолго» повели политику приспособления к «буржуазной стихии», победившей коммунистическую утопию?

Во-первых, они думают, что должны сохранить, путем диктатуры, власть за «пролетарской партией», чтобы Россия была готова помочь мировой социальной революции в тот момент, когда последняя разразится. С тем, однако, важным добавлением, что те коммунисты, которые верят, что этот момент настанет к ближайшей весне или весны через 2-3, зачисляются в категорию «левых ослов» и, по возможности, «беспощадно подавляются» в качестве субъектов, подрывающих своим карканьем возможность плодотворного «взаимодействия» между европейским капитализмом и Советской Россией. Ибо «мы» собрались блуждать по капиталистической пустыне «всерьез и надолго».

Наивность этого представления о «заготовке впрок» коммунистической власти на предмет имеющей придти лет через 10-20 революции, слишком очевидна. Пока солнце взойдет, роса «мелкобуржуазной стихии» коммунистические очи выест. Научившись хозяйствовать и управлять на основе «строгого коммерческого расчета», и отстаивать «общественный интерес» против интересов отдельных классов, большевистская бюрократия будет гониматься для всего возможного, но только не для перенесения коммунистической революции из Европы в Россию.

Во-вторых, большевики, без сомнения, полагают, что при восстановлении капитализма наличие «рабоче-крестьянской власти» есть гарантия для пролетариата против того, что капитал и экономически, и социально, и политически поработит его, реставрировав свое прежнее могущество. И нет никакого сомнения, что те слои пролетариата, которые вчера еще верили в утопию немедленного коммунизма, психологически склонны видеть в большевистском правительстве такую гарантию.

Но столь же несомненно, что их ждет горькое разочарование. В субъективной воле большевиков использовать «полноту власти» для охраны интересов пролетариата и общих интересов социализма не возникает, конечно, сомнений. Но лишь примитивное политическое мышление не видит, что в период восстановления капитализма эти интересы всего менее и всего хуже могут быть защищены в атмосфере политического бесправия трудящихся классов, средствами хотя бы и всесторонней полицейской *опеки*. Сложный механизм товарно-капиталистических отношений не допускает успешного разрешения многообразных социальных конфликтов этими методами. В печатающихся в нашей газете очерках Странника? можно найти достаточно иллюстраций того, как беспомощна оказывается «рабоче-крестьянская» самодержавная власть уже в деле *охраны труда и социального обеспечения* пролетариата в момент восстановления частного капитализма и перехода государственного хозяйства на «строгово-коммерческий расчет». И это тогда, когда социальная и экономическая мощь новой буржуазии еще ничтожна, ее давление на государство еще незаметно! Что же будет дальше? И если диктатура оказывается несостоятельной уже в сравнительно-элементарной области фабричного законодательства, то сколь несостоятельнее она будет в деле организации того *соперничества* между общественными и частнокапиталистическими формами хозяйства, от успеха которого зависит решение вопроса: явится ли «государственный капитализм» в наиболее решающих отраслях народного хозяйства переходом к полному господству частного капитала или к постепенной, хотя бы и медленной и компромиссной, социализации? Ибо жалкой утопией является думать, что без доведения общественной самодеятельности всех производителей до максимума, без расцвета свободных, самоуправляющихся профессиональных и кооперативных организаций и без той правовой обстановки, вне которой чахнут на корню эти продукты и органы классовой борьбы – без неприкосновенности личности, свободы политических партий, демократической организации государства, – самая «сильная» власть сможет отстоять против «буржуазной стихии» хотя бы самые скромные зачатки коллективизма. Напротив: так, как идет дело сейчас, т.е. чем более

откровенно-антидемократический характер приобретает большевистская диктатура, – тем более очевидно, что в ее руках «новая экономическая политика» ведет к передаче частному – иностранному и русскому – капиталу всех ключей от народного хозяйства.

Только опираясь на общественность, – на организованную самодеятельность свободных производителей – может социалистическая власть надеяться отстоять исторически-возможный максимум общественного хозяйства. Пытаться остановить напор капиталистической стихии полицейским «тащить и не пущать», значит, только сделать еще более болезненным для трудящихся масс переживаемый процесс.

Самую вредную роль сыграла бы диктатура, если б ей удалось внушить темным слоям пролетариата и крестьянства веру в то, что их интересы могут быть защищены от посягательств имущих классов методом полицейской опеки «сильной власти». Мы имели бы в стране с вековыми традициями рабской веры в благодетельную государственную власть своеобразное возрождение легенды о «мужицком царе». Но использовали бы эту легенду, в конечном счете, антипролетарские элементы. На почве развивающегося капиталистического производства военная и гражданская бюрократия, а не коммунистическая партия, явится той организованной силой, которая использует неорганизованность граждан для своего собственного возвышения во имя сильной надклассовой власти, мирно улаживающей все классовые противоречия. Нация, «переросшая буржуазную демократию», получила в награду диктатуру комячеек. Но нации, «недоросшей» до «буржуазной демократии», суждено будет преклониться перед бонапартистским тираном.

1922.

НАПРАСНОЕ БЕСПОКОЙСТВО

«Руль» в передовице № 153 делает серьезную попытку подвергнуть критике политическую позицию социал-демократов. Но, как уже неоднократно обнаружилось в полемике с эсерами и даже с г. Милюковым, руководители газеты абсолютно неспособны в настоящее время к серьезной критике политических

противников. Люди, которые сами, вместо политической программы, обладают только безграничной злобой к большевизму, к социализму, к республике, демократии и к рабочему классу, и институтским обожанием генеральских ботфорт очередного кандидата в диктаторы, не могут даже правильно подойти к критике чужих программ.

В данном случае почтенная газета хочет доказать, что Аксельрод и Мартов, высказывающиеся против тактики вооруженного восстания в борьбе с большевиками, по существу, разделяют обычную стекловско-ленинскую схему: либо большевистская диктатура, либо реакция.

Чтобы доказать это, «Руль» с изумительной «объективностью» резюмирует нашу позицию:

«Таким образом, г. Мартов (как и г. Аксельрод – по другим мотивам) откровенно и прямо признают, что нынешнее соотношение сил в России антисоциалистично и, поскольку это так, они считают необходимым поддерживать большевизм, пока русский народ не воспитается для восприятия социалистического режима».

На деле ни Аксельрод, ни Мартов не говорили об ожидании до тех пор, пока русский народ сможет заменить большевистский лже социализм подлинным социализмом; они говорили лишь о таких методах борьбы против большевиков, которые дают в ходе борьбы возможность организовать силы, способным отстоять в России подлинно демократический строй; и они ствергают метод вооруженной борьбы потому, что при распыленности и разоруженности демократических масс, первенство в этой борьбе оказалось бы за вооруженными силами реакции.

Публицистам «Руля» тем легче было бы, при желании, понять нашу позицию, что их собственная партия в свое время, борясь с самодержавием, тщательно избегала всякого содействия таким методам борьбы с ним (как политическая забастовка), которые, в случае успеха, грозили доставить в освобожденной России либо власть, либо решающее влияние рабочему классу и социалистическим партиям. Она, поэтому, предпочитала более медленный даже путь ликвидации

царизма более быстрому, лишь бы первый сопровождался перемещением соотношения борющихся против царизма сил в сторону имущих классов.

Точно также и социал-демократы в настоящее время, поскольку от них это зависит, «выбирают» те методы борьбы народа с большевизмом, которые не только не способствуют усилению реакционной нечисти, но и дадут возможность народу, демократии, освободившись от большевиков, тотчас же подавить всякую попытку скрытых и явных монархистов овладеть положением.

Но «Руль» беспокоится: «какая же судьба грозит тем социалистическим партиям, которые полагали, что народ может еще потерпеть под игом большевизма»?

За столь нежную заботливость – кланяемся и благодарим, Но, при всей готовности узреть в грозно-указующем персте «судьбы» перст будущего всероссийского Хорти, творящего исключительные законы против социалистов, мы не можем настроить себя на минорный лад. Выйти победительницей из нынешнего кризиса смогла бы при некоторых обстоятельствах только та буржуазная контрреволюция, которая решилась бы безоговорочно признать за крестьянами захваченную ими землю. Кадетская партия, действительными вождями которой являются ныне именно г.г. Гессены и Набоковы, на этот «прыжок в неизвестное» решиться не может. Народной базы себе, поэтому, она также не приобретет и ныне, как не смогла приобрести в 1905 и в 1917 году. Но самое существование этого реакционного «цвета русской интеллигенции» с его стремлением отобрать у крестьян землю или заставить платить за нее будет достаточным основанием для того, чтобы народ, на второй день после окончания большевистской диктатуры, пошел с социалистами, а не против них.

1921.

ИЗ ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЙ ВОЗВРАТЯСЬ...

Разоблачать неправду, распространяемую за границей большевиками о положении дел в советской школе и о попечении советских властей о детях, – дело,

безусловно, полезное. В апологетической и рекламной литературе коммунистов и их друзей слащаво-неискренние и неверные описания успехов, якобы достигнутых в этой области, занимают видное место и соблазняют легковверных иностранцев.

Но делать это полезное дело надо лишь людям, способным к минимальной объективности в изложении несимпатичных им явлений.

К таковым не принадлежит г. Александр Амфитеатров, описывающий в фельетонах «Руля» «ужасы» советской школы.

Подлинных ужасов в современной российской действительности так много, что можно только удивляться людям, которые, не довольствуясь подлинной ужасной повседневной ее прозой, пускаются в «поэзию» сверхужасов, небывалых и неправдоподобных.

Семь лет войн, города и деревни, залитые кровью, истребление значительной части интеллигенции, – все это и многое другое создало в условиях всероссийской разрухи и нищеты достаточно благоприятную почву для проявлений морального и духовного одичания подрастающих поколений. Педагогический дилетантизм, организационная неумелость, грубо-полицейское вмешательство «политики» в дело просвещения усугубили действие этих факторов. В результате с «детским вопросом» в советской России обстоит очень плачевно и родители русских детей не добром поминают советскую власть за ее заботы о «малых сих».

Но те же русские родители, не ослепленные фанатической черносотенной злобой против всего революционного, запротестуют, мы уверены, против того изображения, которое они прочтут в фельетонах Амфитеатрова.

И запротестуют уже просто потому, что если б оно было верно, оно несмываемым позором покрыло бы тех же родителей.

Помилуйте! В единой трудовой школе не только не учатся, мерзнут, покрываются паразитами, схватывают сыпняк и другие заразные болезни, приучаются, благодаря плохому надзору, к жаргону улицы, нет, в них дети еще систематически развращаются в половом отношении. И притом в пропорции, до которой на Западе не додумывался ни один благочестивый патер из многих тысяч

тех, которые, задолго до г. Амфитеатрова, обличали мазками той же семинарской кисти злочестие «безбожной» светской школы.

Если бы все, рассказанное г. Амфитеатровым, было приблизительно верно, то какого же бичевания были бы достойны те родители, которые, ради одного лишь более чем скудного, школьного пайка посылают своих детей в эти дома разврата?

К чести для родителей, однако, плохо организованная ведомством Луначарского школа, несмотря на целый ряд отрицательных явлений, ее характеризующих, – из которых часть представляет неизбежный продукт революционного времени и общей нищеты, часть же, безусловно, лежит на ответственности большевиков, – все же весьма далека от суздальского изображения, данного г. Амфитеатровым. Это – плохая школа, но отнюдь не школа воровства и полового разврата, какой ее изображают г. Амфитеатров и его присные.

Мы не высоко ценим педагогический талант и педагогический такт заведовавших воспитанием детей «наркомтесс» Луначарской и Лилиной². Но когда г. Амфитеатров рассказывает со всеми подробностями, как Луначарская учила детей смотреть на воровство, как на буржуазный предрассудок, а Лилина звала детей «любить друг друга» в Ведекиндовском³ смысле, то мы невольно вспоминаем, что, и в качестве беллетриста, г. Амфитеатров всегда писал суздальской кистью.

В заключение одного из своих фельетонов, уже оглушив читателя многими сверхужасами, г. Амфитеатров повествует о том, что в одной петроградской школе педагогический, совет серьезно обсуждал вопрос о заведении при школе должности постоянной акушерки для обслуживания нужд учениц.

Один известный «рассказчик», когда замечал слишком сильный эффект, произведенный на слушателей рассказом, неизменно прибавлял:

Это – не факт, а истинное происшествие! Г-н Амфитеатров тоже явно почувствовал, что самый доверчивый слушатель усомнится, и спешит заверить, что это «истинное происшествие» ему сообщил священник, участвовавший на совете, причем, сообщая, плакал горячими слезами.

Странно, конечно, что священника, которого, как известно, большевики изгнали совершенно из школы, как бы нарочито пригласили в педагогический совет для обсуждения столь специальной и несколько скабрёзной для духовного сана темы. Но не будем на этом настаивать: в правдивости г. Амфитеатрова кто усомнится? Но одно знаем мы наверное: в тот вечер, вернувшись домой, батюшка, смеясь, рассказал своей матушке:

– Ну, мать, и наврал я сегодня г-ну Амфитеатрову, а он и уши развесил! То-то, чай, пойдет теперь звонить по всему свету!

1921.

ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

Мысли о национальном возрождении России

В одной из недавних своих речей, незаписанных и, кажется, не попавших в печать в сколько-нибудь полном изложении* (а именно в речи на торгово-промышленном съезде, сказанной по поводу речи В.Б. Ельяшевича, напечатанной в «Русской Мысли», август-сентябрь), я сказал: у нас, у русских, у России, есть великое и славное прошлое, безотрадное и постыдное настоящее и темное будущее. Как все общие положения и обобщающие характеристики, и этот афоризм не может, конечно, исчерпать всего сложного, многообразного содержания и смысла переживаемого нами кризиса, всесторонне его охарактеризовать. Но я глубоко убежден, что такое его понимание дает единственно исторически правильное и морально правдивое, а потому и религиозно оправданное направление нашей сознательной мысли о событиях.

Конечно, настоящее, безотрадное и постыдное, как-то вытекло из прошлого. Значит, в прошлом были не только величие и слава, но и язвы. Конечно, под смрадными язвами настоящего сохранились и таятся какие-то живые соки, которые могут родить и напитать великое, полное духовных сил будущее. Значит, настоящее не только смрадно и постыдно, но в нем есть что-то здоровое, подающее надежды на будущее. Это значит, что исчерпывающим образом ни

прошлое, ни настоящее, ни тем более будущее, которое темно в смысле неизвестности, не может быть однозначно охарактеризовано.

Но наша ищущая мысль должна к чему-то однозначному приспособляться, от чего-то основного и непререкаемого исходить, во что-то такое верить.

К чему же прислониться?

Ответ на этот вопрос должен быть ясен, ясен не только субъективно-оценочно, с точки зрения добра и зла, но и объективно-фактически, с точки зрения исторической причинной связи.

Морально-религиозная ясность мысли об исторических делах, ее правдивость всегда сочетается с ясностью теоретической, с правильностью фактически-исторической. И это обусловлено с двух сторон. Историческая мысль, с одной стороны, всегда работает при помощи известных религиозно-ценностных понятий о должном и правом; в состав ее объективных суждений эти понятия входят, как необходимая их часть. Но и, с другой стороны, фактически правдивое, трезвое суждение о действительности есть необходимый элемент ее религиозной и моральной оценки.

Что может означать известная формула «прятие революции»?

С абсолютно-религиозной точки зрения, революцию можно прять только в одном смысле, признав ее за кару Божию. Так относились к гонениям первохристиане. Но такое прятие революции не может быть даже обсуждаемо с точки зрения политической или вообще земной.

В политическом смысле, словесная формула «прятия революции» может выражать различные, даже прямо противоположные отношения.

Революция, которая принимается, может либо включать в себя, либо исключать большевизм. Наконец, прятие революции может означать прятие и утверждение той контрреволюции, которая мыслится неотвратимо заключенной в революционный процесс. Эти различные смыслы «прятия революции» имеют однако совершенно различное практическое значение, и заниматься ими всеми не стоит. В конце концов, духовно, морально-культурно и политически, революция 1917 и последующих годов есть объективно и существенно единый процесс. Этому единому процессу,

приготавливавшемуся десятилетиями, противостоит нечто другое, что можно называть как угодно, но что есть одно несомненно: духовное отрицание революции. Строгая и честная общественная мысль должна ставить и решать следующей вопрос: объективно и существенно единый революционный процесс должен ли он быть духовно прият или отвергнут.

Для меня этот вопрос давно решен непосредственным опытным восприятием и душевным переживанием революции. Для меня идеализация революции, совершившейся в 1917 и последующих годах, есть в одно и то же время и религиозно моральная ложь и исторически фактическая неправда, самообман и обман.

Ибо революция эта, каковы бы ни были идеи, ее вдохновляющие или вдохновлявшие, существенно была разрушением и деградацией всех сил народа, материальных и духовных. Это факт наглядный и непререкаемый, которого нельзя ничем оспорить. Русская революция означает огромное, невиданное в истории в таких размерах падение и понижение культуры. Разнообразные формы «приятия революции» затушевывают эту основную объективную реальность, от которой должно исходить и социологическое понимание действительности, и политическая воля к овладению ею, и – это самое главное – духовное отношение к ней.

Россия может выздороветь только коренным духовным преодолением революции. С этой точки зрения должны быть оцениваемы все виды идеализации революции. Чем духовнее, чем отвлеченнее эта идеализация, тем она опаснее. Русский дух должен все свои силы направить на окончательное духовное преодоление той лжи, которая была заключена в революции и видимым доказательством которой суть учиненные ею материальные и духовные разрушения.

Я знаю одно возражение, которое выдвигается против простого и категорического духовного отвержения революции. Вы - говорят в таких случаях – не верите в русский народ. Это возражение основано на смешении двух понятий народа, глубоко различных; одного, метафизического и другого, эмпирического. Метафизический народ означает народный (= национальный) дух, выражающийся

в подлинных и прочных мыслях и творениях. Это есть прочный элемент в потоке настроений, чувств и мыслей сменяющихся и сосуществующих поколений.

Метафизическое понятие народа и народности может служить нормой поведения и принципом оценки вещей и событий. Это понятие очень трудно установить, но, во всяком случае, установление его есть дело религиозно-метафизической мысли и глубокого и любовного проникновения в весь исторический опыт народа.

Эмпирически народ означает большинство либо всего населения, либо тех классов и слоев его, которые удостоиваются наименования народа. Мнение и воля народа, на известной ступени его развития, могут быть в политических делах установлены при помощи определенных учреждений, которые все сводятся к той или иной системе голосования. Но голосование означает мнение и волю именно данного момента, и придавать ему значение для определения подлинных и прочных мыслей народа можно только с величайшей осторожностью.

Как бы то ни было, эмпирическое понятие народа совпадает с тем, что в данный исторический момент приемлет, то есть положительно желает или же пассивно претерпевает, большинство населения. Верить в этом смысле в народ, значит преклоняться в каждый данный момент перед всем тем, что торжествует или даже просто существует сегодня, и из этого факта выводить норму поведения. Это есть фактопоклонство.

В отношении революции и ее приятия должен быть с полной отчетливостью поставлен вопрос: в чем выразился лучше и полнее дух русского народа, в согласии ли его на похабный Брест-Литовский мир и последующее разложение и расчленение Державы Российской под диктовку своих русских и инородческих коммунистов-интернационалистов, или в том, что тот же русский народ своим стихийным напором под водительством исторической власти, в течение веков строил великое государство и на основе государственной мощи созидал великую культуру. Ведь, конечно, государственное величие России создали не только цари и царские генералы, а весь русский народ, всей своей громадой и всеми своими пылинками, но делал он это под водительством исторической власти, в духовном

единении с нею. И точно также и культура России создана народом и его лучшими представителями, в общем и целом, в единении с исторической властью. Только люди, не имеющие понятия об истории русской культуры, могут сводить роль государства и власти в ее развитии к деятельности цензуры и департамента полиции.

«Приятие революции» не только не выражает веры в русский народ, а, наоборот, означает глубокое неверие в способность русского народа побороть и преодолеть объективно-пагубный и злой факт своего величайшего духовного падения и материального упадка. Политически еще можно понять, что «приятие революции» проповедуют люди, которые проводят самую резкую разграничительную черту между февральско-мартовской и октябрьской революцией. Политически-психологически в известном смысле это разграничение имеет смысл. Но социологически-исторически и метафизическо-духовно оно совершенно не состоятельно. Оно представляет политический смысл постольку, поскольку оно означает полезное для исторической России разъединение в том революционном лагере, который сообща совершил революцию. Но оно не может устранить того, что реально, вся революция, как народное движение, рождалась и родилась из духа большевизма. Те же, кто, отвергая среднее течение революции, выражающееся, например, в эсерстве, предлагают в то же время «принять революцию», – а таких очень много – хорошо понимают реальный большевистский дух всей революции и тем самым приемлют именно таковой.

Это и есть, повторяю, преклонение перед пагубным и злым фактом только за то, что он произошел.

Эта идеализация того, что было и существует, есть основная философская и нравственная ошибка, которую совершал и совершает всякий «позитивизм». Существующее может служить границей нравственному деянию и культурному творчеству, но никогда не может быть их основой и мерилем. В самом деле, в чем же состоят завоевания или приобретения революции?

Стоило ли забирать помещичьи земли и разрушать помещичьи хозяйства для того, чтобы уморить с голоду многие миллионы крестьянских душ и, в конце

концов, вернуться к величайшему, но культурно совершенно бесплодному, неравенству?

Стоило ли захватывать фабрики и изгонять фабрикантов, чтобы затем в экономической пустыне, в которой отчасти перемерли и из которой отчасти убежали рабочие, вновь насаждать капитализм и из «недорезанных буржуев» и новых «совбуров» выращивать новую буржуазию и т.д., и т.д.

«Приятие революции» есть потому ложная и лживая формула, что реально никаких других плодов или завоеваний революции, кроме разрушений и смертей не имеется. И конечно, предлагается принять не эти плоды революции, а ее дух. И тогда возникает такая дилемма: либо эти разрушения и смерти, которые принесла с собой революция, суть историческая случайность, чуждая духу революции подробность, или они существенно и неразрывно связаны с этим духом. Это опять-таки в другой форме проблема: выражает ли реальный большевизм русскую революцию. Для меня не подлежит сомнению, что большевизм выражает русскую революцию, революцию похабного мира и коммунистической барщины. Русская революция свершилась в большевизме, который есть реализация ее духа.

В той же своей речи, с заимствования из которой я начал эти строки, я говорил, что России нужна не реставрация, а нечто более глубокое и духовное: целый ренессанс. Не восстановление отдельных учреждений и форм нужно нам, а возрождение национального духа. И если вопрос ставить так, то получает весь свой смысл выше формулированная характеристика нашего прошлого, настоящего и будущего.

Только через культ и идеализацию прошлого в его целом и в его непрерывности может возродиться русский национальный дух. Самое злостное, самое ядовитое, самое ужасное в большевизме, — а большевизм во всех его выражениях есть подлинное существо революции, — есть преступный, отцеубийственный разрыв с великим национальным прошлым, которое в смрадную эпоху разрушения, переживаемую нами, есть единственное хранилище и прибежище национального духа.

Принципиально в этом нет ничего нового. Всегда народы, переживавшие великий кризис унижения и упадка, возрождались возвращением к подлинным истокам и источникам своего духовного бытия.

России нужна не политическая реставрация, а глубокое духовное возрождение. Перед задачами такого возрождения исчезают все чисто политические проблемы, споры о которых могут получить смысл только тогда, когда русские люди вновь духовно вернуться в страну своих отцов. Они вернуться туда очищенные, освобожденные страданием от той злобы и злости, безбожия и безверия, подлости и пошлости, которые советская власть насильственно-бюрократическим путем внушала русскому народу и разжигала в нем.

Нам нужен спасительный духовный переворот, опору в котором мы можем только почерпнуть в нашем духовном прошлом, традициях Святой Руси и Великой России, в заветах Сергия Радонежского, Петра Великого, Пушкина и Достоевского. Не в отдельных словах и положениях тут дело, а именно в духе. У того же духа, которым может и должна возродиться Россия, нет никаких касаний к духу большевизма, духу низкой злобы и человеко-божеской гордыни, духу отрицания святынь и уничтожения преемства.

Это с тем большей ясностью нужно сказать, говорить, повторять и, главное, претворять в дело и жизнь, что в порядке фактическом и эмпирическом было бы слепотой отрицать известную народность большевизма. Большевизм также непрекаемо народен, как народно похабное сквернословие, матерщина и т.п. явления народной психологии. И ясно, что можно верить в русский народ, любить его и ненавидеть и отвергать народную похабщину. Нужно, наоборот, не верить в русский народ, цинически презирать его для того, чтобы утверждать похабщину и большевизм.

При свете такого понимания духовной проблемы русской революции необходимо подходить к новейшим, обозначившимся за рубежом, течением русской общественной мысли.

Прежде всего – о пресловутой «Смене Вех». Это произведение интересно как симптом целого ряда процессов, происходящих в русской среде, как в пределах советской России, так и за рубежом. Прежде всех оно свидетельствует о разложении советского режима, разложении объективном и духовном. Миазмы этого разложения отравляют умы части русской интеллигенции, деморализуют ее мысль и убивают в ней нравственное чувство.

В известном морально-психологическом смысле «Смена Вех» есть самое чудовищное явление в истории духовного развития России. В краткой формуле, оно есть возведенное в идею и философию оппортунистическое приятие революции, то приспособление к подлости, о котором говорил когда-то Салтыков, в обстановке измученной, униженной, и поруганной России. Ибо идеология «Смены Вех» по содержанию и существу является апофеозом революции 1917 года, психологически же это есть такое же приспособление к созданной революцией власти, каким было приспособление к реакции 80-х годов тех общественных элементов и кругов, которые этой реакции не сочувствовали, только приспособление более хамское и трусливое. Это отрицание революции, как формы борьбы, как отношения к фактам политики и быта во имя приятия совершившейся революции. «Смена Вех», таким образом, и по содержанию и по психологическому характеру есть прямая противоположность «Вехам». Последние были революционным отрицанием революционной идеологии, восстанием против этой идеологии во имя неких высших и общих начал религиозных, культурных и общественных. В «Вехах» была та максимальная сила убедительности и убежденности, которая не может не быть присуща мысли, совершенно свободной и потому свободно сочетающей в себе начала консерватизма и революционности. В «Смене Вех» революция принимается, как данное, как факт, и русские люди приглашаются поклониться этому факту-идолу во всей его омерзительно-похабной реальности. Начало консерватизма и революционности тут сочетаются в соотношении прямо противоположном тому, в котором они сочетались в «Вехах», в соотношении не свободном, а рабьем.

Отсюда – поразительное идейное убожество этого произведения и моральная его смрадность: от «Смены Вех» разит похотью внешнего успеха и личной удачи (хотя, быть может, отдельные авторы сохранили нравственную порядочность и бредут лишь в стадной темноте). В «Смене Вех» особое место, конечно, следует отвести национал-большевизму Устрялова. Я уже говорил об этом авторе и его писаниях на страницах «Русской Мысли». Устрялов просто слеп относительно фактов и потому он в большевизм вкладывает национальное содержание, которого не только нет в большевизме, но которого тот, наоборот, является реальным и действенным, доведенным до конца отрицанием. Ошибка Устрялова, грубая до смехотворности, есть ошибка чисто фактическая.

Другое, гораздо более сложное явление, чем «Смена Вех» и чем внешне примкнувший к этому направлению Устрялов, представляет «евразийство». Поскольку некоторые его представители вместо советских фактов видят национал-большевистские миражи, они уподобляются национал-большевизму и к ним относится все сказанное о последнем. Как национал-большевизм это порок исторического зрения.

Ниже читатель найдет письмо ко мне одного из «евразийцев» Г.В. Флоренского². В его формулировке, чисто философской, почти все не только приемлемо для меня, но и совпадает с моим пониманием русского кризиса, как глубокого духовно-культурного кризиса. Ведь так понимали весь процесс, приведший к революции, и «Вехи», и в этом было их огромное превосходство над чистым политицизмом либералов, радикалов и социалистов, споривших с «Вехами». Теперь это исторически непререкаемо ясно. В полемике с А.В. Пешехоновым, которая явилась продолжением «Вех», я сказал однажды, что полное осуществление революционных мечтаний Пешехонова и его единомышленников нисколько не устранило бы той же проблемы, которую ставили «Вехи», а только с еще большей силой ее раскрыло бы. В самом деле, прежде противники «Вех» могли отсылать к чаемой революции. Теперь опыт проделан, русская революция свершилась, дошла до конца, и ее подлинное лицо открылось.

И возникает вопрос: должны ли русские люди преклоняться перед идолом этого факта, быть идолопоклонниками или, наоборот, идолоборцами. Практические термины, историческая обстановка проблемы совершенно другие, но духовная суть и религиозный смысл ее остались прежние. Мы испытали материальные и культурные разрушения, неслыханные в истории, но не в них самих по себе дело, а в том духовном оскудении и одичании, которые принесла с собой революция, в той лжи, которую она пропитала всю жизнь.

Безрелигиозному фактопоклонству, каким является «прятие революции», свободная русская мысль должна противопоставлять религиозное отрицание духа революции. Это религиозное отрицание исходит из признания того факта, что революция противорелигиозна по своему духовному существу.

Итак, евразийство следует приветствовать, поскольку оно зовет нас туда, где, и только где, у нас есть духовные сокровища, в страну наших отцов, поскольку оно устанавливает духовные связи и историческое преемство. Но эти элементы здорового консерватизма в произведениях евразийцев пока выражены довольно слабо. С другой стороны, довольно ярко в них выступают апологетические тенденции по отношению к настоящему, идеализация его самых злых сторон. Так, в недавней руководящей статье П.Н. Савицкого «К обоснованию евразийства»*(«Руль» от 10-го и 11-го января 1922 г) заключается идеализация революции при помощи формально **построемого** понятия религии и религиозности.

Необходимо решительно отвергнуть этот взгляд. Религия не есть просто духовная форма, и религиозность не есть формальное состояние, в которое может вкладываться какое угодно содержание. Религия есть вера в некое внемирное начало, коему присуща наибольшая сила и наивысшая правда, божество. И в этом смысле силы мира сего, противопологаются силе или силам потусторонним. Говорить, что «русский коммунизм имеет несомненную силу религии» и что большевики «к своей победе пришли воодушевлением и верою характера религиозного», значит, в сущности, играть словом «религия». Это злоупотребление понятием и словом «религия» довольно давнее, ибо уже давно принято социализм

трактовать как религию. В свое время я указал* (в статьях на эту тему, перепечатанных в моем сборнике «Раполица»), что по своей исходной философской точке, т.е. как целое мировоззрение, социализм противоположен религии. Были и есть, конечно, социалисты верующие. Но социализм как построение и настроение, родился на почве отрицания религии в смысле веры в высшее внемирное начало. Можно думать, что большевики веруют в Бога по слову Писания: «И бесы веруют и трепещут», что многие из них, как Савл, гнавший господу, придут или вернуться к нему. Но большевизм или, что то же, коммунизм есть также мало религия, как страсть к картам, к скаковому спорту или любострастие.

Сейчас необходимо именно собирание духовных сил и их работа. Это есть самая важная задача настоящего момента. Крушение большевизма, как власти, приближается неотвратимо и ускоренно. Это крушение должно заставить в русском народе какое-то ядро, из которого сможет духовно возродиться Россия.

Только если будет налицо такое духовное ядро, патриотическое движение не будет отдельными, внешне лишь связанными, попытками управления и законодательства, а будет могущественным потоком, оплодотворяющим и возрождающим всю национальную жизнь.

Есть две идеи, или вернее два порядка идей, которые могут образовать духовный стержень русского национального возрождения.

Но оба они указывают в прошлое, которое только завалено мусором безотрадного и постыдного настоящего и из которого созиждется будущее. Это – идея религиозно-церковная и идея национальная. Именно в русской истории и жизни они неразрывно связаны одна с другой.

В области религиозно-церковной и национальной необходимо свободное и любовное творчество. Свободное, ибо оно не должно состоять в рабском повторении внешних и омертвевших форм прошлого. Любовное, ибо оно должно быть согрето сыновней любовью к стране отцов, которая была Святою Русью и Великой Россией. Именно отсутствием этого любовно-почтительного отношения к прошлому характеризовалась вся духовная жизнь русской интеллигенции.

Теперь должно наступить совершенно другое отношение. Нужно понять, что не может быть национального духа без рода без племени. Преодоление революции должно состоять в том, что русский народ перестанет чувствовать себя безродным, что он сбросит с себя чужеземное духовное иго, в которое загнали его коммунисты, глашатаи сатанинского человекобожия.

1922.

ВЛАДИМИР ГАЛАКТИОНОВИЧ КОРОЛЕНКО

Умер Короленко, в той ужасной обстановке всероссийского разорения, которую иностранцы почти неспособны понимать, потому что они не ощущают *тех* отравленных источников, из которых поднялось и излилось это море смерти.

Я не могу в этой заметке дать исчерпывающей характеристики покойного Короленко, но я хотел бы закрепить индивидуальный образ его, как исторической фигуры. Таковой ведь является всякий крупный деятель своего времени, и моя задача сводится к тому, чтобы попытаться вставить фигуру Короленко в историческую рамку эпохи или, вернее, эпох.

Короленко приобрел значение сперва, как беллетрист. В первой половине 80-х годов начали появляться его навеянные сибирскими впечатлениями рассказы, в которых крупный изобразительный талант сочетался с обаятельной душевной мягкостью. Это было что-то новое и значительное в литературе, которая потеряла Достоевского и Тургенева, в которой сошел со сцены Гончаров и замолк на время Лев Толстой. Жили, правда, и действовали Лесков и Глеб Успенский, где-то зрел Чехов, но в общем это была все-таки эпоха исsekновения литературного творчества.

Короленко не явился сразу, как большой писатель, но он вошел в литературу со своим лицом. И был тотчас замечен. Его полюбил массовый интеллигентный читатель, тот, который создал успех юрьевско-лавровско-гольцевской «Русской Мысли»; его оценил и отметил такой крупный и политически стоявший в совершенно другом лагере человек, как Иван Аксаков. Короленко, несмотря на то, что живы были гораздо более крупные, чем он, писатели Лесков и Успенский, стал

в оценке широкой образованной публики на несколько лет первым из русских беллетристов, ибо Лев Толстой стоял уже тогда совсем на особой высоте, вне всякого ряда. Этому содействовало «прогрессивное» направление и та своеобразная интеллигентская чувствительность Короленко, которые, не навязывая себя противохудожественно читателю, пронизывали все его произведения.

Став известным беллетристом, Короленко постепенно перешел и на другое амплуа, – публициста. Личная дружба и почти совместная жизнь связывала его с Н.Ф. Анненским, и в нижегородский период жизни и деятельности Короленко они работали вместе, почти как один писатель в двух лицах. Но в историю публицистики Короленко вошел со своим собственным лицом, характерным именно для него, а не для более методичного, более ученого, но менее писательски одаренного и оригинального Анненского. Как публицист Короленко был, пожалуй, более оригинален, чем как беллетрист, и вот почему. Он не был вовсе публицистом в том смысле, в каком, всякой на свой лад, были публицистами Иван Аксаков, Катков, Чернышевский, К-К. Арсеньев и многие другие *minorum gentium*. Он не ставил общих вопросов, не развивал принципов. Или он делал это, но только на особый лад – попутно. Основным содержанием его публицистической работы была борьба за реальные, даже конкретные задачи, непосредственно касавшиеся интересов живых лиц (голод!) и за поправленные права этих лиц (мультианские вотяки!). Короленко был упорным и бескорыстным ходатаем и печальником о чужих делах в публицистике. Как таковой, как особый тип конкретного публициста, который брал конкретные случаи, как живую боль живых людей, он войдет в историю русской публицистики и общественности. Перед этой функцией и этой ролью совершенно ступшевывается его роль просто как обличителя* (в «Освобождении» были напечатаны под псевдонимом несколько публицистически-обличительных статей Короленко, которые я при случае перечислю). Обличать не было его главной задачей, даже, более того, роль обличителя сама по себе не соответствовала его основному и высшему призванию. Ибо, будучи ходатаем-печальником, он не был адвокатом и еще меньше он был прокурором-обвинителем. По своей натуре он вообще не был стороной, а скорее судьей.

Отсюда беспартийность Короленко, которая была бы еще ярче, еще определеннее, если бы он окончательно освободился от направленства.

В этом отношении у духа Короленко были весьма определенные и довольно узкие границы. Не будучи по своей натуре вовсе борцом-революционером* (Именно по темпераменту своему Короленко не был не только революционером, он даже не был политиком), он, как личность, сложился в атмосфере революционной борьбы 70-х гг. XIX века. Не будучи ни теоретиком, ни даже просто мыслителем, он духовно вырос в понятиях радикальной идеологии той же эпохи. Этим объясняется, почему Короленко не мог видеть и оценивать многих явлений, не укладывавшихся в этот традиционный кругозор. Мне памятно, как в 1899 г. я, в беседе с Короленко, отмечая дарования и духовно-литературную значительность В.В. Розанова** (в 1899 г. была напечатана моя статья о Розанове «романтика против казенщины», первое в прогрессивной литературе признание крупного дарования и значения этого писателя), встретил со стороны Короленко снисходительную улыбку совершенно недвусмысленного характера: он не видел и не предвидел в Розанове первоклассного писателя, каким тот стал. Об этой ограниченности кругозора приходится пожалеть тем более, что та черта Короленко, которую я характеризую, как беспартийность, была сама по себе нечто более значительное, была чертой, представлявшей не только в русской жизни тех времен, но и абсолютно большую ценность. Это была не просто политическая беспартийность, а некоторая высшая позиция, в которой справедливость судьи органически сочеталась с живым интересом защитника, бескорыстно, по внутреннему влечению, избиравшего предмет своей заботы и своей защиты.

Ибо именно таков был Короленко. Если бы он не был выдающимся писателем-художником и если бы он не стал влиятельным публицистом, он наверно оставался бы редчайшим по доброте человеком, изливавшим вокруг себя благодать и по внутреннему влечению творившим добро.

МАРК ВЕНИАМИНОВИЧ ВИШНЯК

(1883-1976)

Вишняк Марк Вениаминович родился 2 января 1883 г. в Москве. Окончил 1-ю московскую гимназию и юридический факультет Московского университета. В 1905-1917 гг. сотрудничал в газетах «Русские ведомости», «Право», «Сын Отечества», а также в журналах «Вестник права и нотариата», «Образование», «Русское богатство». В октябре 1905 г. вошел в состав Московского комитета партии социалистов-революционеров (ПСР). Участвовал в вооруженном восстании в Москве (декабрь 1905 г.), являлся членом редколлегии газеты «Известия Московского Совета рабочих депутатов». В 1917 г. – ярый противник октябрьского переворота. Был секретарем Учредительного собрания, открывшегося 5 января 1918 г., после роспуска которого, объявленный «врагом народа», перешел на нелегальное положение. Не желая оставаться под властью большевиков, в апреле 1919г. покинул Советскую Россию. С 1919 по 1940 г. постоянно участвовал в деятельности партийной организации эсеров, занимаясь в основном изданием и редактированием (совместно с Н. Авксентьевым, И. Фондаминским, А. Гуковским и В. Рудневым) журнала «Современные записки», в котором поместил более ста статей и рецензий. Под заглавием «На Родине» вел в журнале постоянное внутреннее обозрение, основное содержание которого — литературная жизнь и главные политические события в Советской России и русском зарубежье. С марта 1938 г. по сентябрь 1939 г. – секретарь журнала «Русские записки», редактором которого был П.Н. Милюков. После занятия немцами Парижа несколько месяцев проживал на юге Франции, а в октябре 1940 г. переехал в Нью-Йорк, где сотрудничал в «Новом журнале», основанном в 1942 г. М. Алдановым и М. Цетлиным. В 1946-1958 гг. – сотрудник еженедельника «Тайм», публиковался также в журналах «Новое русское слово», «За свободу» (орган нью-йоркской группы эсеров), входил в инициативную группу Лиги борьбы, созданную для борьбы со сталинизмом в марте 1949 г. в Нью-Йорке. Автор более 20 книг, в том числе воспоминаний «Дань прошлому», «Современные записки», «Годы эмиграции». Скончался в Нью-Йорке в августе 1976 г.

НА РОДИНЕ

Традиция русской журналистики

Русские литературно-общественные журналы имеют свою традицию «внутреннее обозрение». Обозрение внутренней жизни России фиксировало

внимание общества на злободневных проблемах. Оно формировало общественное мнение; оттачивало очередные социальные и политические лозунги; определяло направление журнала. На «внутреннем обозрении» политически воспитывались целые поколения русских граждан.

Те условия, в которых появляется в свет наш журнал, необычайно осложняют составление «внутреннего обозрения». И не столько в условиях места главное осложнение. Не в том, что тысячи верст отделяют автора от той жизни, которую он собирается «обозревать». Кто не знает, что выходившие и за пределами России журналы иногда полнее и ярче отображали подлинную жизнь России, звучнее отдавались в русских сердцах по ту и по сю сторону Вержболова, — нежели те, которым для обхода цензуры приходилось жизнь растворять в литературе и полученный таким путем *mixtum-compositum* предлагать читателю на условном, эзоповском языке.

Наше положение не тем необычно, что мы выпускаем наш журнал за рубежом. И не тем даже, что лишь случайно, эпизодически и разрозненно просачиваются к нам вести «с того света», из России. Положение обозревателя внутренней жизни России особенно трудно и необычно тем, что в самой России нет того, что характерно для органической жизни. Нет разнообразия. Нет свежих красок. Нет жизненной пестроты. Ни разных оценок, ни разных отображений. Всюду, насколько хватает глаз, единый, мертвенно-тусклый тон и общий казарменный ранжир. Когда-то можно было не только самому слышать шумы жизни, не только внутренним взором проникать в скрытый ход вещей. Можно было вкладывать свои и чужие персты в действительность. Можно было не только субъективно оценивать, призывать или обличать, можно было аргументировать независимым суждением или зарегистрированными объективно фактами.

Где эти возможности сейчас? Где те живые люди, которые еще рисковали бы в России регистрировать жизнь по-своему, так, как они ее видят, слышат, оценивают? Если бы даже нашлись такие одиночки, рискующие не своим уютом или свободой, как в былые времена, а своею жизнью — *tout court* — и не только

своею, но и своих близких, – как могли бы они это сделать? Печати нет не только потому, что власть политически не терпит никаких других органов, кроме своих. Печати нет и по экономическим причинам: потому что нет бумаги, нет краски, нет машин, нет транспорта и телеграфа, нет продуктивного труда, *нет живой России*. Вымирают целые возрасты. Отмирают не только целые разряды людей, но и вещи, учреждения, наука, культура. Замирает всякое движение – литературное и идейное – свойственное жизни. Увы, не столько жизнь приходится обозревать теперь в России, сколько смерть, процессы быстрого и медленного умирания...

В таких совершенно исключительных условиях естественна и соблазнительна мысль вообще отказаться от обозрения внутренней жизни современной России. И если мы не становимся на этот путь, то, конечно, не потому, чтобы мы не видели этих почти непреодолимых, но очевидных трудностей, которые он представляет. Мы не отказываемся от попытки дать читателям «Современных Записок» то производное от внутренней жизни России, что может носить название «внутреннего обозрения», прежде всего потому, что дорожим восстановлением порванных связей с традициями российской журналистики, дорожим теми целями, которые она преследовала. Без «внутреннего обозрения» журнал перестает быть журналом – становится альманахом или сборником статей. Между тем потребность именно в журнале является сейчас особенно настоятельной.

Те немногие культурные силы, которые случайно уцелели от гибели в России и рассеяны по всем концам мира, по разным материкам и островам, утратили равновесие не только физически, но и морально. Не только прежние российские кумиры померкли. Смутились умы и души. Берутся под сомнение стихийнейшие желания человека – жить и творить; утрачиваются элементарнейшие чувства – готовность дать жить другим. Именно в такую минуту представляется неотложно необходимым создание хотя бы и зарубежных очагов рассеянной русской культуры; собирание воедино блуждающих в международном сумраке российских «огоньков» и, при помощи, может быть, и недостаточно ярких и

сильных рефлекторов и аккумуляторов, соединить и укрепить политическую энергию русской гражданственности для служения грядущей свободной России.

А что Россия будет и будет свободной – это не только утешение людей, лишенных родины и свободы сегодня и поневоле взыскующих града нового в будущем. Это не только убеждение в том, что 150 миллионная нация не может быть обращена в небытие или в рабство. Наша непоколебимая вера в Россию рассудочно утверждается на том, что Россия перестала уже быть на попечении одного какого-либо класса или партии российской гражданственности. ^Россия приковала к себе взоры всего человечества, проникнув в самые поры внешней и внутренней жизни народов всего мира. И если даже сегодня, когда Россия ходит по мукам, – она своею нежитью определяет судьбы цивилизации, можно ли сомневаться в том, что Россия сойдет с креста и войдет, свободная, в творчество жизни и культуры?

1920.

НА РОДИНЕ

Мы и они

Мы и Они. Так говорят на родине. Так говорят и на чужбине. Когда-то это были самоочевидные категории. Водораздел, пролежавший между «нами» и «ими», отчетливо воспринимался и теми и другими, кто бы ни фигурировал в первом лице и кого бы ни противопоставляли в уничижительном третьем. Когда «мы» были жертвами, «погибавшими за великое дело любви», – «они» были палачами, «станом ликующих, умывающих руки в крови». Наоборот, когда «им» приписывалась неудержимая страсть к «великим потрясениям» во что бы то ни стало, «нам», – говорили о себе министры Николая II, – «нужна Великая Россия». В этом случае «мы» были избранным меньшинством, «130 тысячами культурных хозяев», а «они» составляли подавляющее большинство, бесправный русский народ.

Теперь положение осложнилось и затемнилось. И в двух направлениях. Во-первых: антиномичность обеих категорий делается очевидной только в своих крайних предельных выражениях. В промежуточном же типическом случае трудно провести отчетливую грань между «ними» и «нами», между теми, кто еще вчера был с «нами» для того, чтобы сегодня возглавить «их», и теми, кто еще вчера возглавлял «умывающих руки в крови», для того, чтобы сегодня очутиться в лагере «погибающих». «Мы» и «они» продолжают оставаться варварами друг для друга, но внешние признаки тех и других и разграничительная линия между ними стерлась. Положение осложнилось еще и тем, что раньше водораздел проходил по одной линии – социально-политической. Она шла вертикально: «мы» находились внизу, у подножья социально-политической пирамиды, «они» на самой ее вершине. Теперь вертикальная лишь пересеклась горизонтальной. Социально-политические противоречия «верхов» и «низов» осложнились разноречиями пространственными, географическими: где Россия, с кем Россия?.. Появляются две России: «Россия, оставшаяся в России», подлинно-сущая и имеющая будущее, и Россия ирреальная, бывшая, покойная, эмигрантская «Россия № 2-й».

1.

Еще недавно представление о русском эмигранте было неразрывно связано с представлением о развитом чувстве гражданственности, о повышенной политической активности и готовности во имя будущего претерпеть в настоящем, вплоть до лишения родины и ухода в изгнание. «Эмигрант» звучало гордо, как патент на гражданскую добродетель. Новейшее словоупотребление пытается вложить в «эмиграцию» и «эмигранта» подчеркнуто одиозный смысл – живого трупа, пережившего свои желания и разлюбившего свои мечты и лишь из трусости или корысти продолжающего обременять собою небо и чужую землю.

Вряд ли следует искать причину перемены в переоценке ценностей родины и чужбины. Правда, раньше – до октябрьской победы и еще раньше – до мировой войны пролетариату и выразителям пролетарских интересов, социалистам

полагалось не иметь отечества. Но война заставила пересмотреть это ставшее банальным положение. «Пролетариаты» различных стран разместились по разные стороны окопов в зависимости от интересов *«своего»* отечества. Провозглашение же России «социалистическим отечеством» санкционировало отечество даже в лексиконе Третьего Интернационала, а не только «социал-патриотического» Второго. Тем не менее, не в идеологическом ряду и не в любви к отечеству и народной гордости большевиков надлежит искать первоисточники их поношений по адресу ушедших из России в изгнание. Истоки большевистской ярости – в чувствах палача к случайно ускользнувшей из его рук жертве; в бессильной злобе против тех, кто, обходя моря и земли, вопиет и не только в пустыне, и не только к небу – о деяниях большевиков; в психологии перманентной гражданской войны, которая, за отсутствием видимого противника, ищет и фиксирует его на расстоянии, хотя бы за пределами досягаемости, за рубежом; наконец, – в тщеславных отзвуках бывшего высокомерия, убежденного в том, что мир спасется большевизмом, а России, кроме большевиков, и подавно никого не нужно...

Здесь психология ясная и логика элементарная. Такая же, что и у царских вельмож: Россия – это мы; все, что не «мы», – то не Россия; те же, что вынуждены пребывать и обнаруживать себя за пределами России, – сугубо не Россия... И как для царского времени наличие или отсутствие паспорта устанавливало обладание или лишение гражданских прав, так и для нынешнего коммунистического чиновника русский гражданин начинается и кончается полицейским учетом и регистрацией. Новейшим распоряжением советской власти «все проживающие за границей и считающие себя русскими гражданами» обязываются зарегистрироваться в советской миссии до 1 июня с.г.: не зарегистрировавшиеся к указанному сроку *«лишаются российского гражданства навсегда»*. Просто и ясно.

Проста и ясна психология и тех, кто связал свою судьбу с судьбою нынешних покорителей России. Лояльные слуги всякой существующей власти, они с одинаковой услужливостью готовы намылить веревку для любого

государственного преступника, безразлично в отношении какого существующего строя – самодержавного или коммунистического – он «преступает». Своевольные лишь тогда, когда начальство уходит; органически неспособные не только сами претерпеть за свои убеждения, но и понять, как другие осмеливаются свой взгляд и свою волю противопоставить видам начальства. Вчера черно-желтые, сегодня оранжево-красные они всегда, и до и после революции не перестают видеть в политическом эмигранте сатанинское наваждение, исчадие зла, проклятие мира и России. Бобрищевы-Пушкины верны себе, когда возглашают: «эмиграция – не русские граждане... Эмигранты – социальные отбросы. Среди них могут быть отдельные талантливые, честные, хорошие люди, но разве в любом мусорном ящике не находится каких-либо питательных и пригодных элементов, которые может вытащить голодный или тряпичник? От этого мусорный ящик не перестает быть мусорным ящиком». Тряпичник-некоммунист, приютившийся на столбцах «Нового Мира», № 38, милостиво разрешает этим отдельным «не слишком согрешившим перед Россией» эмигрантам «вернуться на родину», – но под непременным условием «стать ее полезным гражданином, отбросить все бредни и начать новую жизнь без малейшего воспоминания о своих «юридических правах»...

2.

Обострением политической борьбы и напряженностью страстей объясняется излишек воздвигаемых барьеров, появляющихся сплошь да рядом без всякой к тому крайней необходимости. Политика всегда партийна, всегда притязательна, не терпит безразличного нейтралитета, эгоцентрична и агрессивна. Кто не с «нами», тот против «нас» и, стало быть, с «ними».

Для политики характерны частные и дробные подразделения на «мы» и «они». Наоборот, они нехарактерны для объединительных стремлений человеческого духа, – в частности и в особенности для той сферы социальной жизни, которая обозначается несколько неопределенным термином культуры – аполитичной, внепартийной, надклассовой, всеобъемлюще-национальной,

вселенски-человеческой, по самой своей природе и существу. В культуре, в противоположность политике, – по евангельскому слову: «кто не против нас, тот за нас». Тем показательнее для всего нашего времени и культуры России, что творцы русской культуры оказались увлечены на тот же путь, что и русские политики. По примеру последних, «разделившись на ся», русские культуртрегеры углубляют расщелину, образовавшуюся между «нами» и «ими». Культурные повторяют некультурных. Уйдя из земли обетованной, они зажглись пламенем негодования против тех, кого до них постигла та же участь. Еще не всех российских паразитов отряхнул с себя поэт, а они уже являются ему в преображенном светозарном нимбе.

Давно ли прибыл Андрей Белый из советского рая, а он уже знает, что эмигрант Иван Иванович живет в «стране воспоминаний» и «бестелесный плавает у себя в голове по водам потопа», голова его закупорена, и голубь с масличной ветвью не сможет к нему прилететь: разобьется о головной аппарат: «Как так? Что доброго может возникнуть в России, когда я увез Россию у себя в голове? Какая такая Россия? Пустое место?»... «Только тот, кто сказал себе *Stirb und werde*, получил эту новую способность: описывать то, что есть, а не то, что следует а priori ожидать с точки зрения готового лозунга». (А. Белый. «Культура в современной России». Новая русская Книга, № 1).

Если и прав Белый, то сколь, однако, знаменательно, что его преображение произошло не тогда, когда он говорил себе *Stirb und werde*, не там, где по его нынешним, позднейшим наблюдениям витает «проснувшийся дух, открывающий зеницы самосознания», а здесь «в стране воспоминаний», после того, как он сделался «зарубежником». Белый сам описывает, как «два года стремился из бедной, голодной, тифозной России и понял на Западе, здесь, что в голодной, тифозной России вооружился единственным опытом выхождения из себя самого». (А. Белый. «О духе России и «духе» в России». «Голос России» от 5. III. с.г.). Но разве тем самым и хотя бы одним этим, что только на Западе мог А. Белый понять самого себя и свою способность «выхождения из себя самого», – гнилой Запад частично не оправдан?.. Даже для тех, кому в обладании «опытом

выхождения из себя самого» дано было только здесь на чужбине, каким-то внутренним слухом услышать, что «с востока на запад и с севера к югу стоит соловьиное пение поэтов, как будто бы стала Россия весенним ласкающим садом», что «сократический гул диалектики песней стоит над Россией», и что даже те, которым приходится там умирать, «умирают любя», тогда как здесь сколько русских живут для проклятья». (Там же).

И Андрей Белый не исключение. Не ему одному слышится «соловьиное пение поэтов», грезится «весенний ласкающий сад», побуждающие противопоставлять «здесь» и «там», «их» и «нас». Из писателей и поэтов менее крупной величины. И. Эренбург, очутившись в «никчемной эмиграции», пожалуй, решительнее других восстает против нее, неспособной «изучить, понять и, понявши, принять» «симптомы некой родильной горячки», сотрясающей Европу, и вместо того организующей лишь «плачь на берегах Сены или Шпрее». Эренбург побывал прошлой весной на выставке ученических работ советских художников, и ему стало «страшно за учителей – кто же кого учит»? За новых не страшно. Как и поэзия, молодая живопись, несмотря на все российские напасти, а может быть и благодаря им, жива, живет неслыханной жизнью». «Новое искусство требует от подходящего к нему перестать быть зрителем, т.е. глазетелем, а стать самому соработником («сов.-работником»? – М.В.)». Эренбург не допускает, чтобы кто-нибудь осмелился утверждать, что в «современной России только опыты и искания, но нет достижений». В одном «памятнике» Татлина⁴ «передан весь динамический пафос наших лет», «железный взлет духа России» (И. Эренбург. «Новое искусство в России». Новая русская книга, № 1).

Энтузиаст «новой правды», излучаемой ныне в России презентистами, футуристами, имажинистами, ничевоками, заумниками, супредивами, биокосмистами, и прочими беспредметниками пролетарского и непролетарского происхождения, вряд ли многих соблазнит в свою веру. Слишком надземна она. Слишком благодушна. Может ли быть не страшно чутко вибрирующему поэту за русских художников, за Россию и от России?.. Нам, по слову Блока, «детям

страшных лет России», которые «забыть не в силах ничего», – нам страшно. И не только за то, чего, видимо, не досмотрел в России и Эренбург или, досмотрев, утаил, – нам страшно и за ту «сороботу», которой сейчас занялся так усердно не один только Эренбург.

Свидетельству Белого, Эренбурга и нынешних их единомышленников может быть противопоставлено не только то, чего в своих показаниях они не касаются; не только то, о чем свидетельствуют другие писатели и художники, вынужденные покинуть родину; не только свидетельства некоторых из нынешних обличителей до того, как, сами, приобщившись к лику русских зарубежныхников, они из эмигрантского далека стали различать «сократический гул диалектики песен», носящихся над Россией; этому свидетельству можно противопоставить свидетельства тех, кто и сейчас пребывает в России, над кем продолжает витать «проснувшийся дух, открывающий зеницы самосознания»; и кто тем самым, по свидетельству Белого, более других компетентен и скорее других призван свидетельствовать о себе и о России.

3.

В «петитной ерунде», собранной Эренбургом в отдельную книгу «Неправдоподобные истории», автор справедливо отметил, – отчасти может быть потому, что, по его же собственным словам: «книга эта не политика» – разнохарактерность личного состава нынешней эмиграции. Из кого только не состоят «они» – *зарубежники*, по уничижительной кличке Белого, – даже не беженцы, а просто *бегуны*, по презрительному отзыву Эренбурга.

«Кто только не убежал – и сановные, маститые, – Станиславы, Анны на шеях — и мелюзга, пескари в море буйном: фельдшера от мобилизаций, стряпчие от реквизиций, дьячки, чтобы в соблазн не впасть, и просто людишки безобидные от нечеловеческого страха, сахарозаводчики, тузы махровые, для коих в Парижах и кулебяки и икорка, и прохладительные готовятся, и голодранцы, голотяпы грузы грузят, на голове ходят, тараканьи бега с тотализатором надумали – прямо санкюлоты, так что взглянешь на них – спутать легко, где-то она

самая революция? – политики идейные всякие, с программами, хорошие люди — столько честности, руку пожмет такой, и то возгордишься, ну и построчники за ними, коты газетные, хапуны щекотливые, всякие; а больше всего просто человеки... Послушаешь такого: ну что он спасал? Ни сейфа нет, ни титула, ни идеи завалющейся – не поймешь, только во всех глагольствованиих никчемных столько горя, да не выдуманного, а подлинного – не поймешь, только отвернешься: не начать же реветь где-нибудь на бульваре де Капюсин, публику чистую, не москвитов в бегах, а парижан честных пугая»... («Неправдоподобные истории». Стр. 70-71).

Действительно, далеко не всем, ушедшим в эмиграцию, было что «спасать», кроме жизни, кроме права – в большинстве случаев буквально – на голое существование. И если тем не менее они уходили «есть горький хлеб изгнания», если – будь к тому возможность – с радостью утянулись бы к «индейскому царю» миллионы тех, чьи кости ныне тлеют в Поволжье и Заволжье, в Крыму и в Новороссии, то причиной тому вовсе не непоседливость бегунов, а безотрадная русская действительность, превратившая в «государственных преступников» поневоле, а не по убеждению, почти все население России и уводящая в эмиграцию почти всех, кто только имел к тому объективную возможность. При описании одного из таких массовых исходов из России (Совр. Зап., № 2) уже приходилось отмечать, как даже простодушные «дети степей» калмыки, превращенные большевистской властью в неисправимых государственных преступников, искали стихийного спасения в уходе... С того времени вся Россия приведена в движение – почти в космических масштабах.

Действительность стала страшнее самых страшных мифов. Миф о Сатурне, который должен был, – но которому не пришлось! – пожрать своих детей, бледнеет перед русской реальностью, пред ставшим «бытовым» пожиранием детей своими матерями. Что может быть выразительнее молящего предсмертного стона русских матерей, обращенного к народам всего мира: «Возьмите от нас наших детей, дабы эти невинные создания не разделили страшной нашей судьбы. Мы молим мир сделать это, ибо мы сами ценой

добровольной и вечной разлуки стремимся устранить содеянное нами тем, что дали им жизнь, худшую, чем смерть. Всех вас, имеющих детей или детей потерявших, всех вас имеющих детей и страшщихся их потерять, – всех вас мы зовем в память мертвых и именем живых: не думайте о нас. Нас спасти невозможно. Мы потеряли всякую надежду. Но нас может озарить единственное счастье, какое знает мать: уверенность, что ее ребенок спасен».

Находящиеся между жизнью и смертью прибегают к трупоедству и людоедству, лишь бы продлить свои дни и уйти (от кошмарного полотна в тысячи верст, которое образуют; трупы, если выложить в ряд уже погибшие от голода миллионы. У кого сохранились остатки сил, убегает. Двигается, пока может. Вот как описывает большевистская печать этот крестный путь, который под вдохновенным пером поэта преобразуется в смерть от избытка любви.

«Все поднялись с насиженных родных мест... Злобно толкая друг друга, бросаются голодные люди к каждому подходящему поезду – рвутся в двери товарных вагонов, откуда их толкают в грудь и лицо ногами такие же, как и они, голодные, озверевшие люди. Поезда двигаются, оставляя за собою сотни несчастных, а нередко бывает, что несколько человек остаются лежать на станции неподвижно: они уже сели на поезд прямого сообщения – к смерти, они – уже трупы». («Правда», № 32).

Прочтите леденящий по жути, исключительный по изобразительности отрывок Б. Пильняка «Поезд № 57-й Смешанный» (перепечатан в «Воле России», № 8) – и вы получите ясное представление о том «весеннем ласкающем саде», в который физически и духовно превратились огромные пространства России. А вот те, которые хотели уехать, но не сумели и «осели» на вокзалах в крупных центрах, корреспондент московских «Известий», № 7, рисует картину вокзала в Ростове-на-Дону:

«Полураздетые, полуживые. К ним подойти страшно, жутко пройти возле. Это не люди, а трупы, уже разлагающиеся, дышащие зловонием и заразой. Глаза этих умирающих беженцев уже не жалят вас. У них не хватает на это сил, нет энергии, чтобы бросить вам упрек в черствости вашей души, окаменелости.

Думаешь, это мертвец. Подойдешь – еще шевелится. Лицо мертвое, восковое, заостренное. Вместо говора едва уловимый лепет...».

Те, кто физически не погибли от холода и голода, кого не съели сограждане и кто сам не вынужден питаться человечиною в живом или мертвом виде, те опустошены духовно... «Если что и бодрит дух мой – это скорбь, – пишет А. Ремизов в своем вступлении к «Шумам города», – и эта скорбь же дает мне право быть». «Я вижу, – записывает он, – как по Невскому бегут, как мушки, – это беспощадный день ожесточенного от голода и гнета Петербурга с одной упорной навязчивой мыслью схватить, перешагнув всякое «нельзя», какую-нибудь съедобную дрянь, чтобы как-нибудь перебыть день, – разрезая мушиный бег со свистом, одинокие несутся автомобили – столько не сгорит керосина или бензина, сколько ненависти и проклятий в этой подхлестываемой бедой шарахающейся отчаянной, преступной нищете»... Частные корреспонденты пишут: «Мы уже больше совершенно не люди: все наши мысли направлены только на то, чтобы не голодать»... «Мысли и желания теперь главным образом съедобные»... «Мы ходим в театры и концерты, на лекции и в музеи, гуляем, но все это прибрело ирреальную окраску смерти. Иногда это и жутко, и своеобразно, и красиво, иногда в тонах Гофмана, иногда По». «Мое первое впечатление от Москвы – это бесконечная тоска и уныние... Повсюду нищета, жадные голодные глаза. Кажется, что в этом городе царит образцовый порядок, но это скорее тишина и спокойствие кладбища. Нет улыбок, не видно смеющихся лиц». Так передает свои впечатления от России вернувшаяся недавно благорасположенная к советской власти французская журналистка Луиза Вейс.

«Исчезает в России то, что, по уверению Бергсона, единственно отличает человека от животного – исчезает **смех**. Обесчеловеченная, кладбищенская Россия», – писал я полтора года тому назад в № 1 «Совр. Записок»... Нужно было страстись над Россией небывалому в новейшей истории мору, гладу и всем прочим казням египетским, чтобы теперь, в 22 г. А. Белый написал: «Весной 1920 (1921?... – М. В.) года повеяло вдруг какой-то новой полной новых

возможностей весной: это «независимые» люди новой, духовной революции перекликались друг с другом»...

Даже в большевистской печати можно встретить признание того, что «закрываются все избы-читальни, почти все рабоче-крестьянские клубы, народные дома, некоторые библиотеки, закрыты школы по ликвидации безграмотности и т.д. и т.д... Очищенное поле для деятельности немедленно и крепко захватили всякого рода маклеры, халтурщики, зубодробители искусства, мелкие и крупные коммерсанты, спекулянты и прочая мразь». В другом месте — «более взрослая молодежь превратила народный дом в место свиданий, малыши просто хулиганят — ломают столы, скамейки и обстановку» («Правда», № 41), На основании обследования детской колонии в Херсонской губ. «Херсонский Труд» удостоверяет, что «детская проституция ныне стала нормальным явлением, как на дому, так и в школе: из 5.300 девочек от 9-13 лет – 4.100, т.е. 77%, оказались лишенными невинности».

Великодушные иностранцы подкармливают из жалости голодающих русских женщин и детей. В прямую зависимость от их щедрости начинают становиться и судьбы русского просвещения, – низшего и высшего образования, науки и культуры. По данным советских изданий, вследствие продовольственного кризиса закрылись школы в Киргизск. респ. все, в Татарской и Чувашской – на 92%, в Самарской, Саратовской, Пензенской губерниях – на 89%, в Царицынской и Астраханской – 85%, в Симбирской, Нижегородской и Казанской – 60 % и т.д. Хорошо, что американцы – «Христианское общество молодых людей»¹² – согласились отпускать на нужды русского просвещения ежемесячно по 25.000 пайков для петроградского студенчества и по 10.000 пайков петроградской профессуре. Что было бы в противном случае и что происходит в других былых очагах русской культуры?.. Впрочем, «Экономич. Жизнь» утешает, что американский Институт Рокфеллера¹³ предполагает посылать в Россию для деятелей науки по 10 тысяч четырехпудовых продовольственных посылок ежемесячно.

Официальная власть создает специальную Комиссию (под председательством Троцкого) для распродажи за границу в целях получения валюты, сокровищ русского искусства, хранящихся в Эрмитаже, во дворцах и музеях. И Иудушка-Луначарский эстетически доказывает в «Правде» полезность этой меры: «В такую тяжелую эпоху, как наша, в голодный год приходится порастрясти немножко сокровищницы искусства. Мы отнюдь не возражаем на это. Мы, конечно, считаем недопустимой распродажу уникалов, распродажу музейного имущества. Дав нам не столь уж значительный барыш, она покрыла бы наше имя некоторым, довольно законным презрением со стороны культурных людей».

Если для «законного презрения» необходима непременно распродажа настоящего музейного имущества, то и тогда презрение могло бы быть воздано полной мерой, ибо «настоящее музейное имущество» и «уникумы» давно уже стали, наряду с бриллиантами и мехами, наиболее излюбленными объектами, в которые обращают свои ценности обладатели таковых в России.

С созданием же особой комиссии для легальной распродажи сокровищ русского искусства легко предвидеть, что за границу уйдет не «изящная отделка» русских музеев, как силятся доказать советские лицемеры, а как раз подлинное «музейное имущество и уникамы». Не нужно быть сторонником австрийской теории «предельной полезности», чтобы понять экономическую неизбежность того, что для получения «значительного барыша» продавцы будут вынуждены выбросить на заграничный рынок имущество, представляющее наибольшую – в материальном и, соответственно, художественном отношениях – ценность, а не наоборот.

При таких условиях можно ли удовлетвориться ничего не говорящим, по своей общности, а в своей конкретности неправильным утверждением, что Россия осталась в России. «Россия не гниет, а живет», там и только там место духовного творчества, там русская культура, наука, искусство, «соловьиное пенье поэтов» и «сократический гул диалектики песен»?..

Только переступив долину стонов и смерти, на известном расстоянии от нее, силой поэтического вдохновения можно воссоздать из себя вместо кругов русского Ада «весенний ласкающий сад», в котором те, кто обречен умереть – «умирают любя». А там – прав Ремизов – только скорбь бодрит дух, только скорбь дает право быть...

4.

На том берегу чувствуют и пишут, *когда пишут*, как будто по-иному. Мы имеем в виду, конечно, не летучих мышей от революции, Танов, Иорданских. В «Летописи Дома Литераторов», № 8-9, напечатаны потрясающие «Последние мысли» В.В. Розанова, продиктованные им своей дочери. Вот как жили-были.

«От лучинки к лучинке. Надя, опять зажигай лучинку, скорей, некогда ждать, сейчас потухнет. Пока она горит, мы напишем еще на рубль... Тело покрывается каким-то странным выпотом, который нельзя иначе сравнить ни с чем, как с мертвой водой. Оно переполняет все существо человека до последних тканей. И это есть именно мертвая вода, а не живая. Убийственная своей мертвечиной... И никакой надежды согреться. Все раскаленное, горячее представляется каким-то неизреченным блаженством, совершенно недоступным смертному и судьбе смертного. Поэтому «ад» или пламя не представляет ничего грозного, а скорее желанное. Это все для согревания, а согревание только и желаемо»...

«Состояние духа – его – никакого. Потому что и духа нет. Есть только материя, изможденная, похожая на тряпку, выброшенную на какие-то крючки... Ничто физиологическое на ум не приходит. Хотя, странным образом, тело так измождено, что духовного тоже ничего не приходит на ум. Адская мука – вот она налицо: «В этой мертвой воде, в этой растворенности всех тканей тела в ней. Это черные воды Стикса, воистину узнаю их образ».

Литературные критики на том берегу находят: «По совести говоря, трудно решить, что производит более тягостное впечатление: иступленные анафемствования Д.С. Мережковского или революционная осанна Белого, Брюсова, Городецкого и др. («Летопись Дома Литераторов», № 4). С «тоской и скорбью» им приходится отстаивать право на грусть по поводу «истребления незаменимых духовных ценностей» (топка печей рукописями Якубовича-Мельшина и письмами Короленко и Михайловского), за теми, «кто так или иначе был лично и идейно близок созданию этих духовных ценностей». (Ст. А. Горнфельда «О праве грустить». Там же).

«В последнее время нет недостатка в утешении, – пишет А. Петрищев в «Летописи», № 8-9, – русская наука, говорят нам, несмотря на исключительно бедственное положение ее тружеников и мучеников, не замерла, жива, развивается, совершает то-то и то-то, достигает того-то и того-то. Да, конечно, она не замерла. Она свершает... Но разве столько она может совершить? И разве столько нужно от нее иметь, чтобы Россия могла уйти от рецидивов антропофагии?».

Нет надобности ссылаться на показания умолкнувшей совести русской литературы – В.Г. Короленко. Вот Блок, принявший октябрьский переворот и воздвигнувший ему подлинно нерукотворный памятник – «Двенадцать». Трагической оказалась не только его жизненная судьба, но и поэтическая. После «Двенадцати» Блок умер, как поэт. Он ощутил вокруг себя пустоту беззвучия. «Самое страшное было то, – сообщает теперь К. Чуковский в книге «А. Блок во время революции», со слов самого поэта, – что в этой тишине он перестал творить. Едва только он ощутил себя в могиле, он похоронил даже самую мысль о творчестве... Он писал и писал много, но уже не стихи, а протоколы, казенные бумаги, заказанные статьи... Тревожило его: что если эта революция поддельная? Что если и она не была подлинной? Что если только приснилась она нам?»

Стоит задаться блоковскими сомнениями и сразу приобретает особый вещий смысл прелестная сказка-миниатюра Е. Замятина, появившаяся в «Петербургском Сборнике 1922». На протяжении нескольких десятков строк

передана история «их» возвышения и прихода к власти и причина «нашего» исхода.

«Порешил Иван церковь Богу поставить. Да такую, чтобы небу жарко, чертям тошно стало, чтобы на весь мир про Иванову церковь слава пошла». Чтобы денег добыть, пришлось Ивану купца с кучером убить. «Ну, что поделаешь: для Бога ведь. Закопал Иван обоих, за упокой души помянул, а сам в город: каменщиков нанимать, столяров, богомазов, золотильщиков. И на том самом месте, где купец с кучером закопаны, вывел Иван церковь – выше Ивана Великого. Кресты в облаках, маковки синие с звездами, колокола малиновые: всем церквам церковь». Приехал сам Архиерей службу служить. «И только это службу начали, глядь, Архиерей пальцем Ивану вот так вот: отчего, – говорит, – у тебя тут дух нехороший?.. Мертвой человечиною пахнет, ну просто стоять невмочь. И из церкви народ – диаконы тишком, а попы задом... Поглядел Архиерей на Ивана – насквозь, до самого дна и ни слова не сказал, вышел. И *остался Иван сам-один в своей церкви. Все ушли – не стерпели мертвого духа*».

Это не только аллегория. И не только символика. Это сказание о том, что подлинно было: почему «мы» ушли от «них», – от этих «строителей храма»...

5.

Пестра и сложна Россия. Среди оставшихся, конечно, не все скептики и не только пессимисты. Не мало тоже «равнодушных и спокойных» по внешнему виду, трагически и героически спокойных, — как Анна Ахматова, которая остается верной своим после-брестским переживаниям:

Когда в тоске самоубийства
Народ гостей немецких ждал
И дух суровый византийства
От русской церкви отлетал, –
Мне голос был: он звал утешно,
Он говорил: иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный,

Оставь Россию навсегда.

.....

Но равнодушна и спокойна
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.

Кто не преклонится перед величием духа Даниила, очутившегося во рву львином?

Есть и другие – оптимисты, не столько, может быть, по настроению, сколько из тактических соображений. Один из них, автор редакционной статьи «Старый год» (в № 5-6 «Летописи Дома Литераторов»). Для него все черное – в прошлом, в настоящем же, как у героя Островского – «все великое и все прекрасное». К январю прошлого года литературы, по его показанию, вовсе не существовало. «Уцелели отдельные писатели, сохранились писательские объединения, но литературы все-таки не было». «Прошел год и все стало на новые рельсы... Авторитетные заявления служат порукой, что поворот на новую дорогу задуман *всерьез и надолго*». Единственное пожелание этого оптимиста, – чтобы пресловутый «НЭП» (новая экономическая политика) получил свое восполнение в «НЕП» (независимая печать).

Нет нужды доказывать, насколько преувеличена расценка новой эры, наступившей после кронштадтских событий. Таков уже обычный прием оппозиции: заведомо переоценивая размеры фактического, она надеется убедить власть в необходимости примириться с ней и, легализовав «всерьез и надолго», сделать это фактическое нормативным. Насколько основательны были надежды на то, что «НЭП» повлечет за собою «НЕП», можно судить хотя бы по последней речи Ленина на съезде металлистов. С приостановкой экономического отступления, «ни одного шага назад» – когда берется под сомнение самый «НЭП», не приходится уже говорить о том, что «поворот на новую дорогу задуман *всерьез и надолго*». Что же касается бессмысленных мечтаний о «НЕПе», то тот орган, в котором эти мечты высказывались, уже приказал долго жить.

«Летопись Дома Литераторов», несмотря на то, что она была скромным всего только «Литературно-исследовательским и критико-библиографическим журналом» и выходила с разрешения большевистской военной цензуры – безвременно погибла. После воспрещения печатать критические обзоры и даже отзывы об отдельных книгах и предложения «ограничиться исключительно списками книг, имеющихся в магазине товарищества», закрылся на №1-м и «Бюллетень книжного магазина «Задруга», выходивший в Москве. Много ли осталось?..

Двумя путями пошли русские писатели. Один в пределе своем приводил к судьбе Гумилева и Лазаревского. Не только политические деятели, но и поэты оказались с кляпом во рту и вынуждены были молчать в окружавшем их мертвом пространстве, по примеру Блока, «похоронившего даже самую мысль о творчестве». Обыкновенно случай, простой иногда нелепый случай вел одних по одному пути, других по другому. Иногда ставшие на один путь кончали другим. Этот другой путь сохранял жизнь за теми, кто шел по нему, но отнимал, как бы взамен, устойчивость, «родную стихию, небо и землю». Оставшиеся на родине взыскиуют «НЕП». Пользующиеся же благами «НЕП» на чужбине – взыскиуют родины. Если преувеличением звучит утверждение, что русская литература только там, где еще может звучать свободно русская речь (ср. ст. А.Я. Левинсона «Пленные звери». «Последние Новости», № 569), - не меньшей односторонностью было бы сведение всей эмиграции к «благополучным россиянам колупаевско-разуваевского типа, очень недурно устроившимся в Париже», как это представляет себе московский корреспондент «Смены Вех», №17. Не все то гнило, что ушло на чужбину, как и не все прорастает, что уцелело на родине. Не все оставшиеся превратились в Гредескулов и Адриановых. Но и не все ушедшие исчерпываются Локотями и Бобрищевыми. Многое отомрет и там и тут. Стоит ли считаться местами, расценивать девические добродетели, – кто больше потерял, кто меньше сохранил – в зависимости от места действия или простого местонахождения?

Подвижница Ахматова не вняла «голосу» и осталась. Мученик Гумилев не успел последовать зову и покинул навсегда «свой край глухой и грешный» и всю грешную землю. Ушел в иной мир и Блок. Значит ли это, что Гумилев и Блок спасли свои души тем, что успели потерять свои жизни до ухода в изгнание, тогда как Белый, Бальмонт или Гиппиус не сохранили своих душ, потому что спаслись одни раньше – другие позже?.. Слава оставшимся. Но почему проклятия ушедшим?

Как в самодержавную пору политика пропитывала все сферы русской жизни, вторгаясь повсюду и отравляя даже чистые истоки науки и искусства, – так и теперь, на родине и на чужбине, политическая «шуйца» русских писателей борется с их художественной или научной «десницей». Отвергая Достоевского и Толстого как публицистов или моралистов, мы трепетали перед таинством их ясновидения первооснов человеческого духа и плоти. Так и теперь, восставая против Белого или Бунина, как учителей политической мудрости, – надо ли говорить, что мы в полной мере воздаем должное высоте их художественных достижений.

6.

Когда Тургенев говорил: «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись» – это положение было истинно в обеих своих частях. Ныне в силе остается лишь вторая часть: никто из нас без России не может обойтись. Это истина непреложная, факт до боли осязаемый. Но чтобы Россия могла обойтись без большинства из нас, – этого, увы, уже сказать нельзя. И не потому, чтобы «каждый из нас» был или считал бы себя столь значительным, а потому, что Россия уже не та, что во времена Тургенева.

На что далеко провели большевики противоположение между своей «социалистической» Россией и Россией несоциалистической, зарубежной. Однако же и они оказались вынуждены, вопреки своему желанию, за крайним недостатком культурных сил обратиться за помощью к своим врагам, к «России № 2-ой» и наряду с иностранными концессионерами и «спецами», наряду с обращением за помощью к Кутлерам и Ф. Меккам, оставшимся в России,

аналогичные призывы – не только для соблазна и деморализации – обращены и к зарубежным «спецам». И параллельно с переводом на работу по специальности не только врачей и инженеров, но и юристов и даже журналистов в России, – за границу командированы специальные агенты для приглашения на командные должности в красной армии и флоте эмигрантов – офицеров генерального штаба и окончивших военные училища до 1914 г.

Даже в наиболее развитой сфере большевистской деятельности, в военной, им не хватает ни рук, ни прежде всего голов. Если даже большевики это сознали, – значит это самоочевидность.

«Приближается тот момент, когда все те интеллектуальные и моральные силы, которые ныне бессмысленный террор старается уничтожить, будут нужны России для спасения революционных завоеваний... «Единый фронт», который Ленин и Троцкий проповедуют для Европы, явится вскоре единственным способом спасения России», – признает Л. Мартов в «Голосе России». С этим можно согласиться, если сделать только две оговорки: во-первых, о том, что «момент», о котором говорит Мартов, не теперь только стал «приближаться», а длится уже непрерывно четыре с половиной года; и, во-вторых, что из кого бы ни составил в будущем тот «фронт», которому удастся вывести Россию к новой жизни, коммунистам там не место; фронт, если фронт необходим, может быть только против нынешних властителей России и потому он не может быть вместе с ними.

Между «нами» и «ими» навсегда легла пропасть. «Мы» и «они» действительно варвары друг для друга. Это очевидно для всякого демократа; очевидно для социалиста-революционера и демократа социалиста и даже для некоторых авторитетнейших социал-демократов: П.Б. Аксельрод уже высказал (в парижском «Peuple») свое убеждение в том, что сближение социалистов с большевиками было бы огромной ошибкой и вредом для социалистов. Центральное бюро партии социалистов-революционеров «с того берега» подало голос: «В настоящее время единый фронт рабочего класса в России уже существует – это фронт, направленный против коммунистов»...

На пути к единому политическому фронту лежит единство фронта культурного: признание самоценности русской культуры, ее универсальной значимости, независимо от географического положения ее служителей. Ибо не полдень и даже не рассвет русской культуры переживаем мы сейчас. На родине и на чужбине – сумерки, глухие и тяжелые. И с тем большей бережливостью и любовью надлежит подходить к каждому проявлению подлинной русской культуры, собирать, а не разъединять ее силы, упрочивать связи и единство целей между ними и нами; говорить, вместе с Б. Пильняком: «Дерево русской литературы одно, но нарядов на нем много... Мы и я, я и мы – а не я и они, я и он – она»...

Во времена Бакунина и до большевистского опыта можно было исповедовать веру в то, что дух разрушающий есть дух созидающий. Теперь, после пережитого, когда всякий на личном опыте убедился в том, насколько разрушение быстрее и легче по сравнению с созиданием, кто решится утверждать адекватность обоих «духов»?..

Особенно в области культуры. Ибо и блудный сын культуры все-таки ее порождение, – справедливо отмечает А. Горнфельд, – и если он бредит о ее разрушении, то только потому, что плохо усвоил ее себе, остался ее недоучкой, не уразумел того, что преодолеть культуру можно только культурой же, и в бессилии грозит и скандалит и – пред лицом неумолимой действительности – скандалится. (См. ст. «Культура и культуришка» в № 1 «Летописи Дома Литераторов»).

Терпимость к культурным выявлениям далека от примиренчества с невзгодами жизни и общественными настроениями. Она отнюдь не предполагает «охотно выслушивать Герострата или Нерона, если б они к нам пришли и захотели бы серьезно и искренне изложить мотивы своих действий», – как это рекомендует А. Белый (См. отчет о заседании Берлинской «Вольфины» в № 1-2 Бюллетеня Дома Искусств). Наоборот, уважение к культурным ценностям непримиримо с терпимостью ко всяким гонителям и душителям человеческой мысли и слова, — будь они «великие» Нерон и Герострат или малые

«соразботники» Лундберг и А. Шрейдер. Ибо Богу воздадим богово. Но не забудем и Кесаря, чтобы воздать, по делам его – кесарево.

1922

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение</i>	3
Тематический план лекций.....	4
Содержание курса.....	5
Тема 1. Журналистика эмиграции: истоки и проблемы.....	5
Тема 2. Типологические особенности журналистики русского зарубежья...	11
Тема 3. «Русский Берлин» (1921 -1923 гг.). Своеобразие берлинского политического и коммуникационного пространства.....	14
Тема 4. Основные журналы русского зарубежья.....	16
Тема 5. Журнал «Русская мысль» П.Б. Струве.....	17
Тема 6. Военная журналистика.....	18
Тема 7. Военно-морская печать русского зарубежья.....	20
Тема 8. Духовная журналистика.....	23
Тема 9. Ведущие газеты русского зарубежья	26
Тема 10-14. Роль периодических изданий в культурной и литературной жизни русского Китая.....	27
Контрольные вопросы к публицистическим текстам.....	35
Вопросы к зачету.....	38
Входящий контроль (тест).....	39
Промежуточный контроль (контрольная работа № 1, № 2).....	44
Итоговый контроль (тест).....	45
Список литературы по курсу.....	50
Журналы и сборники (указатель периодических изданий русского зарубежья, выходивших в Китае).....	51
Хрестоматия.....	53

Оксана Борисовна Арчакова (автор-составитель),
канд. филол. наук, доцент кафедры журналистики АмГУ

Журналистика русского зарубежья.
Учебное пособие

Изд-во АмГУ.